

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ТРИШИНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

**Маркеры неэкологичного общения
в немецкой этнолингвокультуре**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Белютин Роман Вячеславович

Смоленск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
1.1 Корреляция терминов «экология» и «язык» в лингвистической науке	15
1.2 Проблемное поле лингвоэкологических исследований	27
1.3 Понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологии... ..	30
1.4 Неэкологичное общение как лингвосоциальная проблема	38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	46
ГЛАВА 2. ИНТЕРНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕЭКОЛОГИЧНОГО ОБЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	48
2.1 Вульгаризированная лексика как коммуникативный токсин.....	48
2.1.1 Вульгаризированная лексика в немецком песенном дискурсе... ..	53
2.1.2 Вульгаризированная лексика в политическом дискурсе..... ..	57
2.2 Дискриминирующие языковые маркеры межличностного взаимодействия.....	64
2.2.1 Дискриминирующие сексизмы.....	65
2.2.2 Дискриминирующие эйблизмы.....	67
2.2.3 Дискриминирующие расистские и антисемитские высказывания	69
2.3 Неэкологичность речевого паттерна «двойного сообщения»	79
2.3.1 «Двойное сообщение» в сфере профессионального общения.....	82
2.3.2 «Двойное сообщение» в сфере гендерного общения	86
2.3.3 «Двойное сообщение» в сфере детско-родительского общения	87
2.4 Маркеры гендерного расслоения языка.....	89
2.5 Эффекты плацебо и ноцебо в общении врача и пациента	104
2.6 Взаимодействие языковой и окружающей среды.....	109
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	119
ГЛАВА 3. ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕЭКОЛОГИЧНОГО ОБЩЕНИЯ...	122
3.1 Англоамериканизация дискурсов в аспекте загрязнения речи	122

3.2 Этносоциолект Kanakisch-Deutsch в лингвоэкологической проекции ...	131
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
БИБЛИОГРАФИЯ.....	145
ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА.....	171

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию современной немецкой языковой картины мира и коммуникативных пространств на предмет наличия в них дискурсивных компонентов – *маркеров*, вызывающих проблемы речевой деградации, отклонений от нормы, помех в коммуникативном поведении языковых личностей в контексте общения на литературном языке и в противовес ситуациям с использованием других вариантов принятого языкового кода (напр., диалект, жаргон, просторечие и др.), где сниженность стиля не является токсичным фактором¹.

Актуальность диссертации определяется состоянием исследуемой этнолингвокультуры, которое характеризуется наличием целого ряда негативных явлений в разных ситуациях общения (профессиональных, бытовых, гендерных и др.): агрессивность, деструктивность, конфликтогенность, загрязнённость языка спорадическими образованиями (нецензурной лексикой, словами-паразитами, безграмотностью пользователей языка), и, как следствие, потребностью со стороны общества, специалистов выработать стратегии и тактики противодействия подобным проявлениям вербальной агрессии – главным образом, применительно к литературному языку.

Актуальность диссертации обусловлена также тем, что она выполнена в русле магистральных направлений современной лингвистики (когнитивной, коммуникативной, этнолингвистики и др.), ориентированных на комплексный антропоцентрический подход к изучению языковых явлений. Повышению актуальности исследования дополнительно способствует междисциплинарная проекция, с помощью которой *языковые маркеры неэкологичного общения*

¹ В диссертации с самого начала задан вектор, учитывающий антропоцентрический взгляд на токсичность элементов языка, ср.: «токсичным оказывается не само по себе присутствие в тексте разговорной, диалектной, субстандартной, табуированной, непечатной и пр., и пр. лексики, ..., якобы отравляющей язык и препятствующей комфортному и эффективному на нем общению, а неуместное использование таких средств языка, не соответствующее коммуникативной ситуации и принятым для подобных ситуаций правилам общения» (Полубиченко, 2023, С. 347–348).

рассматриваются и интерпретируются с учётом данных смежных научных областей: культурологической, социологической, политологической и др.

Данная проблематика достаточно редко освещается исследователями в рамках немецкоязычного пространства, хотя в условиях все более интенсивной глобализации и большей инклюзивности немецкого общества, гипертрофированного стремления к продвижению принципов многообразия невозможно не обратить внимания на контент и виды информации, которые содержат признаки неэкологичного общения.

Актуальность выбранной темы подтверждается мыслью лингвиста М. Шварц-Фризель о том, что на протяжении столетий в немецком культурном геноме существует яд, или токсичный язык, обладающий разрушительной силой («dieses Gift ist seit Jahrhunderten Bestandteil der westlichen DNA, des europäischen Kultur-Genoms»). Шварц-Фризель подчёркивает высокую степень пропитанности немецкоязычного общения токсичными маркерами в виде дискриминирующих, вульгаризированных, оскорбительных и др. «непечатных» высказываний.

Основным фокусом современных лингвоэкологических исследований становится изучение способов взаимодействия между языком, носителем языка и окружающей средой. Важное значение также придаётся анализу ряда экстралингвистических факторов, которые оказывают значительное влияние на целостный конструкт языка (см. работы Т.Г. Поповой, В.И. Шаховского, А.А. Штебы, Н.Г. Солодовниковой, С.В. Ионовой, П.С. Волковой, В.В. Журы, С.И. Маджаевой, E. Naugen, A. Fill, W. Trampe, A. Stibbe, P. Finke и др.).

Лингвоэкология – это синергетическая область языкознания, объектом которой становится состояние языка как целостной системы, обусловленное влиянием на него ряда экстралингвистических факторов, среди которых значатся миграционные кризисы, различные формы и проявления дискриминации множества групп населения по ряду признаков, феминистическая идеология и др. В качестве объекта лингвоэкологии также выступают способы защиты языковой практики от лингвотоксичных явлений (в терминологии А.П. Сковородникова) – в тех случаях, когда это действительно необходимо.

Перечень лингвоэкологических проблем, порой даже «бедствий», огромен, а лингвоэкологическая ситуация выступает в роли диффузного явления, затрагивающего как язык, так и внешнюю среду.

Несмотря на сложность и многогранность лингвоэкологической проблематики, представляется возможным выделить в отдельный сегмент этого дискурса категорию *неэкологичного общения* в рамках различных коммуникативных ситуаций (политической, спортивной, гендерной, семейной, молодёжной и др.). Подобная характеристика человеческой интеракции обусловлена, среди прочего, присутствием в ней так называемых *лингвотоксичных процессов*, осуществляющих антропогенную нагрузку на язык / речь и, как следствие, оказывающих деструктивное воздействие на физическое, ментальное и психоэмоциональное состояние носителей языка.

В выявлении и классификации таких маркеров неэкологичного общения заключается основное предназначение исследования.

Объектом исследования является категория неэкологичного общения, представленная в рамках различных дискурсивных практик; **предметом** исследования выступают языковые маркеры неэкологичного общения, в ряде случаев провоцирующие языковые травмы и разрушение конвенциональных норм устной и письменной коммуникации в немецком узусе.

Материалом исследования послужили данные современных авторитетных немецкоязычных толковых словарей и корпусов: dgd.ids-mannheim.de; duden.de; dwds.de; wahrig.de; wortbedeutung.info; аутентичные тексты официальных немецко- и англоязычных статистических сайтов, чатов, форумов, подкастов, видеохостингов в глобальной сети Интернет, документальных, научно-популярных и художественных фильмов: vimeo.com; radiopannen.de; 11freunde.de; mainz.05.de; spiegel.de; stern.de; web.de; yahoo.nachrichten.de; fokus.de; sueddeutschezeitung.de; zdf.de и др. Общее количество проанализированных примеров, полученных с помощью метода сплошной выборки, составило более 600 образцов.

В настоящей работе анализу подвергались преимущественно примеры из источников, отражающих языковую ситуацию в ФРГ, в силу их наибольшей

репрезентативности в сравнении с австрийским и швейцарскими вариантами немецкого языка. Языковая ситуация в Австрии во многом дублирует соответствующие характеристики немецкого языка в ФРГ, тогда как швейцарские варианты немецкого языка, который является единственным официальным языком в 17 из 26 кантонов Швейцарии, слишком многочисленны, разнообразны и, следовательно, нерепрезентативны из-за наличия существенных расхождений между ними. По этой причине применительно к швейцарскому немецкому или, можно сказать, к «швейцарским немецким» потребуется отдельное многоуровневое исследование, чтобы можно было сделать какие-либо выводы обобщающего характера и сопоставить языковую ситуацию в ФРГ с тем, что наблюдается в австрийском и швейцарском вариантах современного немецкого языка.

Цель данной работы заключается в выявлении на основе комплексного анализа различных дискурсивных практик маркеров неэкологичного общения для определения степени неэкологичности языковой картины мира и выделением причинных факторов (в том числе экстралингвистических), нарушающих языковой баланс и экологичность коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- определить проблемное поле лингвоэкологических исследований;
- рассмотреть неэкологичность общения в контексте современных лингвистических подходов;
- определить методологический аппарат диссертационного исследования;
- осуществить выборку лексических единиц, словосочетаний, высказываний, формирующих профиль неэкологичного общения;
- выявить и описать интернальные и экстернальные маркеры неэкологичного общения, реализуемые в различных дискурсах и коммуникативных пространствах, и осуществить их классификацию.

Гипотезой исследования является предположение о том, что в немецкой языковой картине мира выделяется особый тип общения – неэкологичное общение, которое характеризуется наличием языковых маркеров, реализующихся на фоне лингвотоксичных процессов коммуникации.

Методологической основой исследования послужил системно-структурный подход к объяснению фактов языка, принципов его экспансионизма и функционализма. В процессе работы использовались следующие **методы исследования**: наблюдение, дискурсивный анализ, лингвистическое описание, понятийное моделирование, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, структурный и семантический анализ, теория и анализ дискурса, систематизация, обобщение и интерпретация эмпирического материала, а также лингвокультурологический анализ.

Теоретико-методологической базой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

– *лингвоэкология, эколлингвистика* (А.Н. Полежаева; А.А. Бернацкая; Ц.Ц. Огдонова; А.А. Полухин; В.П. Коровушкин; О.Б. Сиротинина; И.Н. Потеряхина; А.В. Кравченко; Н.А. Курашкина; Г.Г. Молчанова; А.И. Едличко; Г.А. Копнина; Л.В. Полубиченко; W. Trampe; A. Fill; S.V. Steffensen; D. Bolinger; Э. Хауген; A. Stibbe);

– *структурная и прикладная лингвистика* (О.С. Ахманова; Н.Д. Арутюнова; Г.Г. Почепцов; С.Г. Тер-Минасова; М.А. Кронгауз; В.Г. Костомаров; Р.В. Белютин; Ю.А. Белютина; О.С. Иссерс; О.А. Глущенко; Н.В. Гришанин; Н.В. Кириллин; Т.Г. Попова; M. Freidank; G. Stickel; A. Thalmayr; J. Meibauer; R. Sedlaczek; Ch. Winder; A. Mathias; O. Nikitina; A. Stefanowitsch; A. Fus; S. Meier-Vieracker; G. Diewald; A. Steinhauer; Ch. Olderdissen; M. Schwarz-Friesel; F. Payr; J. Scharloth; R. Steinke; A. Burkhardt);

– *теория и анализ дискурса* (Е.С. Кубрякова; К.Ф. Седов; В.И. Карасик; А.В. Голоднов; Н.Н. Трошина; Т.А. van Dijk);

– *лингвистическая прагматика* (Б.Ю. Норман; Л.А. Нефедова; Ю.Д. Апресян; Н.Р. Grice; J.R. Searle; J.L. Austin; Z. Vendler);

– *философия языка и когнитивная лингвистика* (В.И. Жельвис; С.П. Поцелуев; Е.И. Голованова; Б.О. Майер; А.В. Кирилина; О.К. Ирисханова; В.В. Красных);

– *миграционная лингвистика* (Е.О. Зубарева; Е.А. Токарева; T. Stehl; L. Tretow; M. Czollek; M. Amjahid);

– *феминистическая лингвистика* (S. Trömel-Plötz; N. Henley; D. Spender; H. Kotthoff; E. Aries);

– *социология, культурология* (N. Luhmann; H. Бариле; P. Köhler);

– *психолингвистика, психология* (С.А. Тихомиров; Г.Г. Антух; Г. Бейтсон; П. Вацлавик; T. Jay; A. Kutz; H. Eicher; O. Geramanis; S. Hutmacher; L. Walser).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем уточняется и дополняется новыми смыслами термин «неэкологичное общение». Впервые предпринимается комплексное исследование неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре на предмет его загрязнения лингвотоксинами. Выявляются и описываются маркеры неэкологичного общения на примере современных аутентичных контекстов, репрезентирующих разные ситуации общения. Вводятся в научный оборот термины «интернальные» и «экстернальные» маркеры неэкологичного общения, через которые представлены лингвотоксичные процессы, происходящие в немецком языке без участия внешних факторов и под влиянием других этнолингвокультур.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она за счёт выявления маркеров неэкологичного общения позволяет дополнить содержание понятия «неэкологичное общение»; полученные выводы вносят вклад в методологию коммуникативных и дискурсивных исследований в аспекте лингвоэкологии благодаря выделению лингвотоксичных процессов коммуникации; исследование способствует дальнейшему решению проблем в лингвоэкологии и углублению представлений о фактах и явлениях, с одной стороны, деструктивно воздействующих на язык, а с другой – способствующих его развитию и обогащению.

Практическая ценность исследования видится в возможности использования его результатов и наработок в целом ряде курсов, связанных с преподаванием иностранного языка: языкознания, лексикологии, страноведения, теории коммуникаций, стилистики, анализа текста и дискурса, межкультурной коммуникации. Полученные в ходе исследования данные найдут применение на практических занятиях по немецкому языку в качестве аутентичного материала при изучении таких тем, как «Заимствования в немецком языке», «Этносоциолект на базе гибридного языка Kanakisch-Deutsch», «Гендерный язык» и др.

Полученные данные могут быть использованы при составлении лингвоэкологических словарей, востребованных при корректировке речевых навыков изучающих немецкий язык как иностранный для повседневного и профессионального общения; при чтении курсов, связанных с преподаванием иностранного языка: языкознания, лексикологии, страноведения, теории коммуникаций, стилистики, анализа текста и дискурса, межкультурной коммуникации.

Степень научной разработанности темы исследования.

В отечественной и зарубежной лингвистике представлен достаточно репрезентативный список авторов и публикаций, в которых исследуется неэкологичное общение в рамках различных этнолингвокультур. Эти исследования, несомненно, вносят значительный вклад в формирование представлений о том, какие языковые проблемы существуют в современном обществе.

Подобная проблематика не теряет своей актуальности и по сей день применительно к немецкому языку, который испытывает на себе влияние ряда экстралингвистических факторов. Последние приводят к трансформации или порой «мутации» и «деформации» языка, что в целом ряде случаев негативно сказывается на качестве коммуникации, в которой задействованы разные языковые личности.

За счёт привлечения экологических, культурологических, психологических и социологических знаний в данном исследовании происходят ревизия, дополнение

и уточнение сложной и комплексной проблемы неэкологичного немецкоязычного общения. Как уже было сказано выше, в ситуациях неформального общения (или его имитации в художественной литературе) использование токсичных элементов зачастую является оправданным и не подлежит негативной оценке. В ходе последующего изложения этот тезис не будет обсуждаться в силу своей самоочевидности, и анализу будут подвергаться деструктивные варианты неэкологичного общения, которые далеко не всегда представляются таковыми при первичном ознакомлении с подобным материалом.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Неэкологичное общение представляет одну из центральных категорий лингвоэкологии. Данная категория реализуется через актуализацию специальных языковых маркеров, нарушающих экологичность и нередко программирующих общение на токсичный и деструктивный формат.

2. Ситуация неэкологичного общения характеризуется агрессивностью, нетолерантностью, пейоративной оценочностью. Такое общение, используя манипулятивные и искажающие реальность языковые средства, провоцирует возникновение деструктивных процессов в обществе и ухудшение качества межличностных отношений.

3. Маркеры неэкологичного общения могут иметь разный онтологический статус и подразделяются на интернальные (вырабатываемые внутренними ресурсами языка) и экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур).

4. К интернальным языковым маркерам неэкологичного общения относятся вульгаризированная лексика; дискриминирующий язык; речевой паттерн «двойного сообщения» (коммуникация double bind); гендерно-нейтральный язык (Gendersprache); слова и выражения, формирующие эффект ноцебо; маркеры неэкологичного общения в виде вуалирования фактов, приукрашивания действительности, языкового нивелирования, неверной интерпретации значения, механизации языка.

5. К экстернальным языковым маркерам неэкологичного общения относятся следующие: маркеры обеднения и эвтрофикации (засорения) языка, проявляющиеся в виде перенасыщения языковой практики излишними англицизмами, а также этносоциолектом Kanakisch-Deutsch.

6. Неэкологичность языковых, речевых, дискурсивных практик обусловливается влиянием экстралингвистических факторов, среди которых оказываются мировой миграционный кризис, стремительная глобализация, гипертрофированное стремление к реализации принципов многообразия, нарушение устойчивости национальной идентичности и др.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого объёма научно-теоретической литературы по заявленной проблематике (252 работ отечественных и зарубежных учёных), опорой на передовые разработки отечественной и зарубежной лингвистики и смежных дисциплин, использованием комплексного методологического аппарата, который включает традиционные и современные научные методы (теоретические и эмпирические) анализа отдельных языковых единиц, речи, дискурса. Объективность полученных результатов достигается значительным количеством проанализированных примеров (более 600 образцов), извлечённых из электронных словарей и печатных текстов, репрезентирующих различные типы дискурса (политический, миграционный, гендерный, спортивный, бытовой и др.).

Апробация результатов диссертации проводилась на заседаниях кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета в период с 2019 по 2024 г.; на международных конференциях «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии» (декабрь, 2019 г., 2020 г., 2022 г., Горловка); «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние» (октябрь, 2020 г., Нижний Новгород); «Германские и романские языки в современной высшей школе России» (апрель, 2021 г., Калуга); «Московские научные ночи» – «Интеркультурная германистика» (октябрь, 2021 г., Москва); РСГ (ноябрь, 2021 г., 2022 г., 2023 г., Смоленск); «Россия и Германия: новые образовательные вызовы и векторы развития» (февраль, 2022 г., Санкт-Петербург); «Актуальные проблемы

коммуникации. Язык и перевод» (апрель, 2022 г., Москва); «Универсальное и национальное в языковой картине мира» (октябрь, 2022 г., Минск); «Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики» (март, 2023 г., Брест); «НОВАТОР-2023» (октябрь, 2023 г., Барановичи); «Язык и коммуникация: функционально-семантический, когнитивный и лингводидактический аспекты» (октябрь, 2023 г., Горловка).

Материалы диссертационного исследования были апробированы в ходе лекционно-семинарских занятий для студентов филологического факультета (направление «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)») в Смоленском государственном университете.

Основные положения диссертации нашли отражение в 10 работах, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка электронных источников языкового материала.

Во **введении** освещены проблематика исследования, его актуальность, используемая методология и эмпирический материал, сформулированы цель и задачи исследования, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту, описывается структура работы, приводятся данные о её апробации.

В **первой главе** описываются теоретические предпосылки исследования, а также даётся детальная характеристика лингвотоксичных процессов в языке через представление лингвоэкологии как синергетической области языкознания, объектом которой, с одной стороны, является состояние языка как целостной системы, а с другой – способы охраны и защиты языка от лингвотоксинов с целью сохранения его «здоровья».

Во **второй главе** исследуются вульгаризированная лексика; дискриминирующий язык; коммуникация двойного сообщения double bind; гендерное расслоение языка; слова и выражения, формирующие эффект ноцебо;

маркеры неэкологичного общения в виде вуалирования фактов, приукрашивания действительности, языкового нивелирования, неверной интерпретации значения, механизации языка, выступающие в роли маркеров неэкологичного общения.

В третьей главе анализируются маркеры неэкологичного общения в виде излишних англицизмов в немецком языке (Denglisch) и этносоциолекта Kanakisch-Deutsch.

В заключении формулируются основные выводы, соответствующие содержанию работы и поставленным задачам, подводятся итоги исследования, обозначаются перспективы для дальнейшего изучения выбранного направления.

Библиография включает 252 работ отечественных и зарубежных учёных по исследуемой теме.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Корреляция терминов «экология» и «язык»

в лингвистической науке

Язык, являясь отражением жизни как отдельных индивидов, так и общества в целом, представляет собой устойчивую знаковую систему, которая в то же время склонна к открытости и динамичности.

Язык и окружающая действительность не могут существовать изолированно друг от друга. Под окружающей действительностью подразумеваются идеологическая среда (ментальная организация), биологическая среда (физическая организация), социальная среда (социальная организация) (Bang J. Chr., DøørJ. Language, ecology and truth – dialogue and dialectics // Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 17).

Учитывая тенденцию языковой системы к подвижности и изменениям, необходимо заметить, что лингвистика практически непрерывно расширяет диапазон своих исследований и «превращается в общенаучную дисциплину с общенаучной методологией» (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 23).

Лингвистика вобрала в себя различные парадигмы исследований и «спровоцировала» появление социолингвистики, компьютерной, коммуникативной, футуристической лингвистики и т.д. Возникновение подобных научных направлений мотивировано «стремлением учёных “сломать” условные перегородки, разделяющие объекты притязаний разных наук, с целью создания интегративной модели интерпретации мира» (Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. Индийская поэма»: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном

коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 348). Лингвисты вынуждены вовлекаться в трансдисциплинарные учения, которые также рассматривают язык в качестве объекта исследования (Bang J. Chr., DøørJ. Language, ecology and truth – dialogue and dialectics // Sprachökologie und Ökoluigistik. Tübingen. 1996.).

«Уникальность статуса лингвистики среди гуманитарных наук заключается в самом объекте её изучения – языке, который формирует и развивает человеческую мысль, кодирует и квалифицирует человеческий опыт» (Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. Индийская поэма»: лингвоэкологический аспект. С. 347).

В силу своей полипарадигмальности лингвистика, переживая процесс «расширения» семантики (в терминологии М.А. Кронгауза) и сочетаемости, вбирает в себя так называемую *экологическую перспективу научных исследований* (Г.А. Копнина, Л.П. Амири, И.В. Труфанова, В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.Н. Панченко, D. Bolinger, A. Stibbe и др.).

А. Маккай в рамках своих эколингвистических исследований предположил, что предтечей экологического подхода к языку стали идеи В. фон Гумбольдта, немецкого лингвиста XIX века, обозначившего сущность языка следующим образом: язык ни при каком условии не может исследоваться как погибшее растение («eine abgestorbene Pflanze»); язык и жизнь – это два неразделимых понятия («Sprache und Leben sind unzertrennliche Begriffe») (Makkai A. Die Welt als Bewußtsein und Paraphrase: zur gesamtökologischen Fundierung des menschlichen Sprachverständnisses mit besonderer Berücksichtigung der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und ihrer Relevanz für die theoretische Sprachwissenschaft des 21. Jahrhunderts Sprachökologie und Ökoluigistik. Tübingen. 1996. S.84).

Термин *экология*, образованный от двух греческих слов (oikos – «дом, жилище, родина» и logos – «наука»), означающий дословно «наука о местообитании», был введен немецким естествоиспытателем и философом Э. Геккелем, который следующим образом охарактеризовал данное понятие: экология – наука, которая занимается исследованием взаимоотношений организма с окружающей его средой («die gesammte Wissenschaft von den Beziehungen des

Organismus zur umgebenden Aussenwelt») (Haeckel E. *Generelle Morphologie der Organismen. Zweiter Band. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen.* Berlin. 1886. S. 286). Таким образом, Э. Геккель «создал понятие для новой поддисциплины в составе биологии» (Иванова Е.В. *Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса.* М. 2015. С. 66).

Этот термин активно интегрируется в различные научные дисциплины. Например, в 70-е годы XX века начали возникать такие междисциплинарные направления, как экологическая психология, социальная экология, экологическая педагогика, культурная экология, экологическая этика и т.д. (Trampe W. *Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie.* Opladen. 1990. 245 s.)

В таком понимании экология выступает в роли своеобразного соединительного научного «мостика», призванного преодолеть существующий антагонизм между естественными и гуманитарными науками.

Подобно экологии, изучающей взаимодействие живых организмов с их средой обитания, лингвистика рассматривает закономерности взаимодействия языка с окружающей средой. В отличие от структуралистской, экологическая парадигма рассматривает язык как живую, открытую, динамичную систему, на которую оказывают влияние различные внешние процессы. А. Филл характеризует эти различия, используя развёрнутую метафору: структурализм исследует и описывает состояние воды на плотине (синхрония) («den Zustand des Wassers beim Staudamm (Synchronie)») или развитие волны на реке (диахрония) («Entwicklung einer Welle auf dem Fluß (Diachronie)»), экология же наблюдает за самим процессом течения («das Fließen selbst») (Fill A. *Ökolinquistik. Eine Einführung.* Tübingen. 1993. S.5).

При рассмотрении языковых явлений необходим именно экологический подход, главным принципом которого становится отсутствие статичного состояния органических форм, находящихся в постоянном взаимодействии с окружающей средой (Trampe W. *Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie.*)

Г. Бейтсон, исследования которого носили междисциплинарный характер и были связаны с эпистемологией, кибернетикой, антропологией, теориями социализации и коммуникации, экологией, в своей работе «Шаги к экологии разума» («Steps to an ecology of mind») задаётся следующими экологическими вопросами: как происходит взаимодействие идей? Существует ли некая естественная селекция, которая определяет выживание некоторых идей и исчезновение или вымирание других? Какой вид экономики ограничивает разнообразие идей в разуме? Каковы необходимые условия для стабильности существования подобных систем или subsystems? (Bateson G. Steps to an ecology of mind collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. San Francisco. 1972. 520 p.).

Тем самым Г. Бейтсон раскрывает идею взаимозависимости экологии и языка на абстрактном уровне, имея в виду интеракцию между идеями, культурными системами, языком и миром.

Параллельно исследованиям Г. Бейтсона появляется работа «Ecology of Language» Э. Хаугена, которого принято считать основоположником экологии языка. Учёный отмечал, что современной науке необходимо уделить больше внимания теме функционирования языка в социальной экологии, а также призывал более активно осваивать экологию языка. Ср.: «The importance of having competent linguists working on topics of this kind is evident» (Haugen E. The ecology of language / Essays by Einar Haugen; Stanford (Calif.). 1972. p. 328). Для Э. Хаугена экология языка – это исследование взаимодействия между любым наличествующим языком и окружающей средой. Ср.: «The study of interactions between any given language and its environment» (Там же. p. 325).

Экологические исследования немыслимы без одного из основополагающих терминов – *экосистема*, который впервые был введён английским экологом А. Тэнсли в 1935 году и подразумевал систему ряда взаимодействий организмов и окружающей среды [URL: Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms].

Базируясь на идее существования в природе сложных, комплексных систем, в которых функционируют живые существа, П. Финке в 1974 году применяет термин «экосистема» к языку и вводит новое понятие: «язык – окружающая среда» («Sprache-Welt-System»), поскольку язык воспринимается как живой организм, функционирующий в своей среде обитания (Finke P. Sprache als missing link zwischen natürlichen und kulturellen Ökosystemen. Überlegungen zur Weiterentwicklung der Sprachökologie. Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 28).

Учёный подчёркивает, что, в отличие от структуралистской модели, рассматривающей всё языковое как имманентное, статичное, модель экосистемы позволяет говорить о языковой динамике, которую можно объяснить с точки зрения реакции языка на постоянно меняющийся мир.

Понятие экосистемы неразрывно связано с таким явлением, как *экологический симбиоз*, предусматривающий взаимовыгодное сосуществование различных организмов друг с другом.

А. Маккай утверждал, что в рамках языка наблюдается *высокоразвитый экологический симбиоз* («hochkomplizierte ökologische Symbiose»), который, подобно идее французской революции о свободе-равенстве-братстве («Freiheit-Gleichheit-Brüderlichkeit»), состоит из следующих компонентов: семантика связана с мышлением и, следовательно, со свободой («Die Semantik ist mit dem Denken, und daher mit der Freiheit verknüpft») – у человека есть свобода описания своей жизни; синтаксис и морфология, или грамматика, олицетворяют собой конвенции и равенство («Syntax und Morphologie, die “Grammatik” heißen, sind wie die Gleichheit»); фонетика и орфография выступают в роли братства («Die Orthographie ist wie die Brüderlichkeit»), проявляющегося в силе воздействия голоса и текста на получающего сообщение (Makkai A. Die Welt als Bewußtsein und Paraphrase: zur gesamtökologischen Fundierung des menschlichen Sprachverständnisses mit besonderer Berücksichtigung der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und ihrer Relevanz für die theoretische Sprachwissenschaft des 21. Jahrhunderts. p. 85-86).

П. Финке также указывает на необходимость осознания факта взаимодействия экологической лингвистики (*ökologische Linguistik*) и так называемой культурной экологии. По мнению исследователя, подобная взаимосвязь базируется на идее о модели экосистемной реконструкции понятия «культура», происходящей на трёх уровнях: 1) на элементарном уровне находятся системы наших индивидуальных убеждений, образов мыслей и действий, психической культуры; 2) на среднем уровне представлена наша социальная культура в виде науки, политики, экономики, искусства; 3) на последнем уровне расположены культуры народов с их языковыми, религиозными, геоэкологическими, политическими и др. особенностями. Все эти уровни содержат в себе комплексные разнообразные культурные экосистемы, которые могут быть подвержены экологическому анализу («... komplexeste kulturelle Systeme, die einer ökologischen Analyse zugänglich sind...») (Finke P. *Sprache als missing link zwischen natürlichen und kulturellen Ökosystemen. Überlegungen zur Weiterentwicklung der Sprachökologie. Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 35*).

По сути, П. Финке постулирует идею о том, что человеческая культура, сформировавшаяся на базе природы, имеет, подобно ей, экосистемную форму организации. А язык, в свою очередь, выступает в роли посредника между культурой, существующей на данный момент и существовавшей ранее (Там же. S. 27-48).

Датские эколингвисты Й. Доор и Й. Банг также считают первостепенной задачей лингвистических теорий вклад в формирование более здоровых индивидуумов и общества в целом. Учёные считают, что эколингвистические практики способны увеличить уровень осознанности при использовании языка в контексте экологической проблематики. Ср.: «...an ecolinguistics praxis ought to improve everybody's awareness of the language we use in relation to the ecological problematic, to deliver theories and methods so that we can improve our understanding and knowledge about ecological questions...» (Bang J. Chr., Døør J. *Language, ecology and truth – dialogue and dialectics. p.18*). Возникновение экологической лингвистики может являться эволюционным шагом в направлении создания баланса между

человеком и окружающей его действительностью («Stabilisierung des Gleichgewichts zwischen dem Menschen und seiner Mitwelt») и осознания важной роли всех живых существ в природе («Besinnung auf die Rolle der anderen Lebewesen und der unbelebten Natur») (Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.). Tübingen. 1996. S. 15).

Вопрос о сохранении разнообразия видов в животном и растительном мире также поднимает немецко-австралийский лингвист П. Мюльхойслер, который, основываясь на исследованиях языков аборигенов Австралии, Новой Зеландии, Маврикия и т.д., констатирует, что заселение этих территорий новыми цивилизациями несёт в себе отрицательные последствия для местной природы («that human colonization brings with it many negative consequences for the environment»), поскольку наблюдается нестыковка между вновь привнесённым языком и уже сложившейся экосистемой («mismatch between language and environments») (Mühlhäusler P. Linguistic adaptation to changed environmental conditions: some lessons from the past // Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. p. 125, 128).

Большой проблемой, по мнению П. Мюльхойслера, является вымирание животного и растительного мира в силу нехватки лексических ресурсов, т.е. новый язык буквально не способен описать окружающую действительность, что приводит к усугублению мирового экологического кризиса (Там же. p. 105–130).

На сегодняшний день сформировался более или менее устойчивый терминологический аппарат лингвоэкологических исследований. Зарубежные учёные предлагают использовать термины «*Sprachökologie*» und «*Ökolinquistik*» (J. Wallmannsberger, Y. Stork, A. Fill, M. Jung, H. Strohner и др.), *ecolinguistics* (A. Stibbe, A. Makkaï, P. Mühlhäusler, J. Døør и др.), *ecology of language* (E. Haugen и др.).

А. Филл придерживается точки зрения о том, что эти термины дополняют друг друга и не являются диаметрально противоположными. Ср.: «...die Termini sind auch nicht kontrastiv ... sie sind ergänzend aufzufassen» (Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.). S. IX).

Для прояснения сущности проблемы исследователем была предложена следующая классификация: 1) «Ökologie der Sprache – ecology of language – Erforschung der Wechselwirkung zwischen Sprachen (mit Betonung auf der Erhaltung der Sprachenvielfalt)»; 2) «ökologische Linguistik – ecological linguistics – Linguistik, die aus der Ökologie entlehnte Begriffe und Prinzipien (z.B. “Ökosystem”) auf die Sprache überträgt»; 3) «Ökolinquistik – ecolinguistics – umfassender Terminus für alle Forschungszweige, die Ökologie mit Linguistik verbinden»; 3) «Sprachökologie – language ecology, linguistic ecology – Erforschung der Zusammenhänge zwischen Sprache und “ökologischen” Fragen» (Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.). S. X).

Вслед за А. Филлом мы выделяем два основных лингвоэкологических направления исследования:

1) возможность применения принципов, понятий и методов экологии в рамках описания языковых явлений;

2) использование лингвистических методов с целью как описания и анализа экологических тем, так и поиска или предложения способов решения проблем окружающей среды (Там же. S. 3).

Данные направления взаимозависимы и взаимодополняемы, так как неэкологичная языковая практика является индикатором не только внутреннего кризиса отдельно взятого индивидуума, но и внешнего мирового экологического кризиса. Диалог человека с самим собой подобен его диалогу с окружающей природой. Ещё в античные времена была сформулирована справедливая и глубоко философская идея: то, что внутри, находится снаружи, и то, что снаружи, покоится внутри. Ср.: «... “Innen ist außen und außen ist innen”» (Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. Opladen. S. 20).

Один из ярких представителей второго направления исследований профилирует взгляд на экологические проблемы через призму лингвистики. Зарубежный эколлингвист А. Стиббе, проводя глубокий анализ человеческой коммуникации в рамках различных дискурсивных практик, подчёркивает, что

порой антропоцентризм является губительным для человека и всей мировой экосистемы (URL: Arran Stibbe. English language teaching & ecology: how language shapes our world). По его мнению, человеческое общество создаёт истории в виде, например, рекламных слоганов, которые являются ментальными моделями, упрощёнными структурами в сознании индивидуумов, способными влиять на приобретение ненужных, вредящих мировой экосистеме продуктов. Ср.: «... stories exist as mental models, i.e., simplified structures in the minds of individuals» (Stibbe A. Ecolinguistics. Language, Ecology and the stories we live by. Abingdon, Oxon. New York, NY. 2021. p. 1, 6).

Одним из аспектов обширного исследования А. Стиббе является репрезентация идентичности гендера и тела в журнале «Men's Health». Учёный подчёркивает силу влияния издания не только на сознание представителей мужского пола, но и в целом на человеческое общество. Наряду с положительным эффектом актуализируется «потребительское давление» («consumerist pressure» в терминологии А. Стиббе), достигаемое при помощи императивных конструкций, чётко сформулированных коротких высказываний, содержащих только существительные, множества прилагательных в сравнительной и превосходной степенях, которые оформлены жирным крупным шрифтом (Там же).

Эколингвист проводит глубокий анализ выпусков данного журнала и делает вывод об определённом прототипическом наборе паттернов, формирующих истории в сознании потребителей: «идеальный мужчина имеет огромную мышечную массу»; «идеальный мужчина для создания подобных мышц должен потреблять много красного мяса»; «идеальный мужчина не готовит сам, а потребляет пищевые полуфабрикаты быстрого приготовления»; «идеальный альфа-мужчина постоянно должен быть бойцом, воином и находиться в конкурентной борьбе» (Там же).

По мнению учёного, эти и другие формулировки могут являться проблематичными с точки зрения «экософии» («ecosophy») в силу существования огромной нагрузки на мировую экосистему из-за потребления большого количества красного мяса, пищевых полуфабрикатов и пр. (Там же. p. 117).

Поддерживая концепцию А. Стиббе, лингвист Р. Александр выступает за языковую критику и, исходя из существующих корреляций между экономикой, экологией и языком, также работает над исследованием манипулятивного потенциала различных медийных платформ, наполненных рекламой и поддерживающих идею корпоративного консюмеризма.

Р. Александр подчёркивает, что некоторые издания порой преподносят читателям *завуалированную информацию об экологической ситуации в мире*, тем самым «дистанцируя» и трансформируя реально существующие проблемы, придавая им абстрактный и исключительно технический характер (Alexander R. Integrating the ecological perspective: some linguistic elf-reflexions // Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 131–148).

При этом оба специалиста указывают на необходимость формирования лингвистического саморефлексирующего компонента («self-reflexive component»), который может инкорпорироваться, например, в университетское образование. Саморефлексия способствует формированию критического мышления у студентов в процессе не просто рассмотрения ими аффирмативных фактов и теорий (безотносительно к сфере, в которой они специализируются), а критического анализа изучаемого материала (Там же. S. 141–142).

Говоря о критическом анализе преподносимой человеку информации, необходимо упомянуть, что человеческий мозг обладает специальным механизмом, подразумевающим выборочное восприятие информации с целью защиты от сенсорной перегрузки в результате воздействия рекламы. Ср.: «... mit einem speziellen Mechanismus namens «selektive Wahrnehmung» ...» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. Salzburg. 2018. S. 46).

Однако при функционировании подобного «фильтра» человек испытывает на себе персуазивный и местами манипулятивный потенциал языка. В этом контексте необходимо задуматься об «экологической языковой критике» («ökologische Sprachkritik») (в терминологии А. Филла), которая не ограничивается рассмотрением поверхностных языковых явлений, а фокусируется на более

глубоких феноменах, затрагивающих когнитивную сферу. При этом речь идёт не об изменении структуры языка или перепланировке грамматики, а об осознанном подходе к языковым проблемам через призму идеи о тесном взаимодействии языка и окружающей среды (Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.)).

Притязания экологической лингвистики направлены на анализ актуальных проблем, существующих в обществе. Круг этих проблем не должен ограничиваться только лишь вопросами защиты окружающей среды, поскольку существует множество других сфер, в рамках которых необходим глубокий анализ экологичности языковой практики, – например, аннотация к лекарству, статья в средствах массовой информации или разговор с терапевтом.

Развитие исследований в области экологической лингвистики, как считает М. Юнг, обладает большим потенциалом, поскольку в контексте формирования коллективного и экологического сознания язык является не просто внешним средством передачи мыслей – он способен воздействовать на сам мыслительный процесс и передаваемую информацию (Jung M. Ökologische Sprachkritik // Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 27–48).

В то же самое время исследователь отмечает, что в рамках современной эколингвистической критики отдельных слов и языка в целом существуют некоторые слабые места, например, обширный метафорический трансфер экологических терминов в лингвистику, который порой характеризуется воспроизведением консервативных лингвистических клише об упадке языка или наличии языкового манипулирования (Там же. S. 149–173).

Учёный призывает задуматься о том, является ли перенесение экологической терминологии релевантным и не вводит ли оно в заблуждение (Там же). Также необходимо разделять экологическую метафоризацию экологической языковой критики и эколингвистики, поскольку в рамках эколингвистики язык уподобляется организму, в то время как в экологической языковой критике отдельный язык приравнивается к понятию целой экосистемы, чьи языковые единицы (слова, грамматические явления и т.д.) являются организмами (Там же).

По мнению М. Юнга, проведение аналогии между языком и живым организмом (Sprache = Spezies) справедливо, поскольку, действительно, в силу стремительной глобализации многообразие языков находится под угрозой *обеднения* или вовсе *вымирания* и приходится наблюдать явное доминирование английского. Ср.: «Die erste Analogie Sprache = Spezies funktioniert zunächst durchaus: Tatsächlich sterben Sprachen aus ... und in einem Umfang, die linguale Artenvielfalt durch die Dominanz Englischen ...» (Там же).

На основании проведённого теоретического обзора можно сделать вывод о том, что обогащение лингвистической науки происходит за счёт её взаимодействия с экологией. Экологические принципы, понятия и методы инспирируют создание нового направления в языкознании – лингвоэкологии, которая рассматривает язык в качестве живого организма, существующего в тесной взаимосвязи с окружающей средой.

Подобный тезис является справедливым для дальнейших научных изысканий, поскольку язык, будучи открытой и подвижной системой, испытывает на себе постоянное влияние внешних факторов, что неминуемо приводит к его изменению.

Также необходимо заметить, что происходит взаимное влияние языковой системы и окружающей её внешней среды, что влечёт за собой трансформацию картины мира носителя языка, а также социальных конструкторов, в рамках которых он осуществляет свою деятельность.

1.2 Проблемное поле лингвоэкологических исследований

Как показывает обзор теоретической базы лингвоэкологических исследований, язык нередко – через метафорическую проекцию – предстаёт в роли экосистемы («Ökosystemmetapher»), в центре которой находится не абстрактный человеческий индивид («ein abstraktes menschliches Individuum»), а созданные коммуникативными партнёрами социальные конструкты («durch Kommunikationspartner gebildete Sozialsysteme») (Strohner Н. Die neue Systemlinguistik: Zu einer ökosystemischen Sprachwissenschaft. Sprachökologie und Ökolinquistik. Tübingen. 1996. S. 53).

Подобная системная ориентация экологической лингвистики имеет, по мнению Х. Штронера, обширную теоретическую базу, сформированную в рамках других научных направлений и дающую инструментарий для описания языковых явлений в сравнении с другими системами (Там же).

Если рассматривать язык с точки зрения такого системного подхода, неизбежно актуализируются следующие понятия: *ситуативность* («Situiertheit»), *динамика* («Dynamik») и *адаптивность* («Adaptivität»). *Ситуативность* языка восходит к неязыковым параметрам конкретного коммуникативного контекста; с когнитивной точки зрения *динамичность* языковой системы обусловлена постоянными изменениями; для выживания язык стремится быть *адаптивным* по отношению к окружающей среде (Там же).

Таким образом, один из основных тезисов лингвоэкологии имеет сходство с законом экосистемы: «Существование языка зависит от общества, и наоборот» (Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. С. 72).

Отечественная лингвистика, также опираясь на вышеприведённый тезис, использует термины «*эколингвистика*» и «*лингвоэкология*», которые могут являться взаимозаменяемыми и интерпретируемыми как синонимы (Там же). Данная работа фокусируется на *лингвоэкологии*.

Основным объектом лингвоэкологии является изучение особенностей взаимодействия языка и окружающей его среды. Обществу необходимо стремиться к сохранению креативного потенциала и здоровья языка. Или, как российский учёный А.А. Бернацкая переформулирует известное изречение, «в здоровом обществе здоровый (экологически чистый) язык» (Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. С. 122–125).

Д. Болинджер так назвал свою работу: «Язык – заряженное оружие. Использование языка и злоупотребление им». Ср.: «Language is a loaded weapon. The use and abuse of language today» (Bolinger D. Language – The Loaded Language. The use and abuse of language today. New York. 1980. 324 p.)

Метафора «язык – заряженное оружие» подтверждает мысль о том, что в чрезвычайно взволнованном и фрустрированном обществе наблюдается усиление «категорически тревожных слов» типа «гибель», «пропасть», «распад», «расизм», «террор», «экологическое бедствие» и т.д. (Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении. М. 1998. С.152).

«Эмоционализация и экспрессивизация социума и проявление, в частности, *речевой агрессивности* во многих сферах общения, от бытовой до публичной и профессиональной, высвечивают проблему правильного пользования эмотивными средствами языка» (Цой А.И. Лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. С. 289).

Говоря о *вербальной агрессии*, Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. ИONOва, Э.М. Афанасьева, Л.Н. Саакян, опираясь на данные анализа частотности употребления единиц русского языка, констатируют «смещение на периферию русского лексикона таких понятий, как сострадание, милосердие, человеческое достоинство, справедливость» и выдвигание на первый план «преимущественно отрицательно заряженных лексем» – «санкции, коррупция, провокация, изоляция, нацистские лозунги, террористические атаки» и др. (Русский политический

дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2019. № 3 С. 82).

Негативное эмоциональное состояние, «*деформация словесного пространства*, сознания народа в целом и языковой личности в частности» возникают из-за различных «социальных переворотов», нарушающих естественный и постепенный ход развития языка (Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–3. С. 123).

В силу *пропитанности неэкологичностью* практически всех сфер человеческой жизни (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. Пенза. 2009. С. 5–16.) интересно наблюдать за разными перспективами исследования данной проблематики. Именно лингвоэкология, одним из основных атрибутов которой является *лингвоэкологическая коммуникация*, призвана рассматривать языковые явления с точки зрения их экологичности / неэкологичности (токсичности).

По мнению Г.Г. Молчановой, «лингвоэкологическая коммуникация – это практика совершенствования коммуникативной деятельности в процессе нравственно-духовного становления личности. Лингвоэкология призвана решать разноплановые практические и теоретические задачи, актуальные для современной теории и практики употребления языка, связанные с проблемами нарушения языковой экологичности в различных сферах международного и межкультурного общения» (Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С.9).

Слово, являясь сложным и претерпевающим многолетние исследования феноменом, не только обладает определённым семантическим значением, но и несёт в себе мощный *экспрессивно-эмоциональный заряд*.

В связи с этим возникновение новой сферы исследований – *эмотивной лингвоэкологии* – логично, потому что «заявлено о необходимости учёта влияния

эмоционального слова на здоровье человека» (Панченко Н.Н., Штеба А.А. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград. 2013. С. 5). Эмотивная лингвоэкология, объединяя в себе знания из области экологии, валеологии, лингвистики, социологии, психологии, ставит перед собой задачу создания «здоровой» языковой среды.

«Особенно актуально данная идея звучит сейчас, в эпоху бурного развития постмодернистской парадигмы социогуманитарного знания, предполагающей множественность интерпретаций, полифоничность слова и текста» (Шаховский В.И., Штеба А.А. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 20).

М. Шварц-Фризель, специалист в области когнитивной лингвистики, также указывает на то, что человеческая когниция в числе прочего зависит от эмоциональных факторов. Исследователь даже вводит специальный термин *Kognition-Emotion-Symbiose*, демонстрирующий наличие соответствующих корреляций (Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel. 2007. S. XI).

Закодированные слова, выражения и определённые эмоции, их сопровождающие, выполняют роль триггерного механизма в мозге человека, выводя в окружающий мир соответствующую реакцию.

1.3. Понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологии

Первоначальная основополагающая идея возможности заимствования экологических принципов, например, таких как «взаимодействие», «окружающая среда», и их использования в процессе осмысления языковых феноменов была предложена Э. Хаугеном, благодаря которому в последующем лингвистика вобрала в себя понятия «языковой конфликт», «языковой контакт», «двуязычие»,

«языковое изменение», «смерть языка», «переключение языковых кодов» (Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.). Tübingen. S. 4).

Для глубокого анализа понятия «язык – окружающая среда» («Sprache-Welt-System»), которое было введено немецким учёным П. Финке, и наблюдения за его динамикой и развитием необходимо подчеркнуть важность экологической теории *сукцессии экосистем*, подразумевающей процесс изменения видов, которые составляют экологическое сообщество, с течением времени.

Применительно к языку В. Трампе рассматривает *прогрессивную и регрессивную сукцессии*. Сукцессия с лингвистической точки зрения – постепенная смена состояний систем «язык – окружающая среда». Ср.: «Sukzession – zeitliche Abfolge von Sprache-Welt-System-Zuständen». Под *прогрессивной сукцессией* подразумевается интенсификация природных взаимозависимостей через язык для сохранения или поддержания вариативности и разнообразия. Ср.: «Progressive Sukzession – Intensivierung der Umweltbeziehungen durch Sprache zur Erhaltung und Förderung wechselseitiger Variabilität und Vielfalt». Напротив, *регрессивная сукцессия* («Regressive Sukzession») – поэтапное превращение сложных систем «язык – окружающая среда» в менее креативные и разнообразные (Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. S. 225).

В контексте прогрессивной и регрессивной сукцессий В. Трампе также подчёркивает существование *внутренней* (внутри собственной экосистемы «язык – окружающая среда») и *внешней* (по отношению к другим экосистемам) *толерантности*, способствующей поддержанию языкового разнообразия и креативности («Äußere Toleranz ist ebenso nötig wie innere Toleranz»). Принцип толерантности, в свою очередь, предполагает терпимость к совершению ошибок («Fehlerfreundlichkeit»), которая свойственна креативному процессу. Подверженность ошибкам позволяет провести параллель с природными экосистемами, в рамках которых возникают какие-либо мутации («Mutation in Ökosystemen») (Там же. S. 207).

Однако, несмотря на существование языковой толерантности, необходимо осознание важности наличия *критики языка*, выражающейся в «рефлексии по поводу самого языка, допускающего разного рода “аномалии”: отклонения от норм, неточности, нелогичности, двусмысленности, затрудняющие понимание» (Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «Критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С.17).

Постулируя идею о необходимости критического рассмотрения различных языковых процессов, А.П. Сковородников сконструировал *терминологический аппарат экологии языка*. Основой для создания словаря «Экология русского языка» является биологическая природа языка и ряд биологических терминов.

Специфика словаря заключается в том, что в нём приводятся не только термины, обозначающие реально существующие факты и явления, но и такие понятия, референты которых виртуальны, т.е. на данный момент отсутствуют, но желательны с точки зрения лингвоэкологии: «Бюро по вопросам окружающей языковой среды»; «гигиена окружающей языковой среды»; «государственная лингвоэкологическая служба»; «государственный лингвоэкологический кадастр»; «индикаторы загрязнения языка и речи»; «клиническая лингвоэкология»; «компенсационная языковая политика»; «лингвотравматология»; «лингвовалеологические права граждан»; «лингвоэкологическая паразитология»; «лингвоэкологическая санация»; «экспертиза»; «лингвоэкологический императив»; «лингвоэкологическое образование и воспитание»; «прогнозирование»; «международное лингвоэкологическое сотрудничество»; «международный союз охраны языков» и др. (Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сковородников. М. 2017).

А.П. Сковородников и Г.А. Копнина отмечают, что референциальный набор лингвоэкологии составляют следующие термины: «болезнь языка»; «загрязнение языковой практики лингвотоксичными процессами»; «антропогенная нагрузка на язык»; «языки, находящиеся на грани вымирания»; «языковые гибриды»; «деградация среды обитания языка»; «защита языка»; «речевые паразиты»; «самоочищение языка»; «языковая реабилитация и реанимация» и др.

(URL: Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке. 2017. № 3).

По мнению С.И. Маджаевой и А.Х. Сатретдиновой, в рамках языковых исследований «на первый план выдвигается информационная, логическая составляющая языка, что даёт толчок к развитию *рационалистического направления в лингвистике*. В связи с этим слово воспринимается как сигнал, как техническое средство, даже если словом или текстом объявляется человек» (Маджаева С.И., Сатретдинова А.Х. Медицинская информация и экологическое пространство пациента // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С.281).

Сигнал, который несёт в себе слово или высказывание, приобретает определённую характеристику, не всегда положительную.

Такие явления, как *токсичный язык, токсичная коммуникация, токсичный человек, коммуникативно-экологическая компетенция языковой личности*, всё чаще попадают в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов (Г.Г. Молчанова, А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, А.А. Штеба, M. Schwarz-Friesel, A. Kutz, A. Stibbe и др.).

Лингвотравматология, являющаяся составной частью лингвоэкологии, выделяет *лингвотоксичные явления (лингвотоксины)* в языке – слова и высказывания, наносящие вред «здоровью» языка, а также языковому сознанию носителя языка (URL: Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке): 1) неоправданные иноязычные заимствования; 2) вульгаризация языка / речи; 3) лингвоцинизмы; 4) бюрократизация (канцеляризация) языка / речи; 5) ярлыкообразование; 6) жаргонизмы, арготизмы, просторечия; 7) избыточная аббревиация; 8) токсичное словотворчество (Там же. С. 28–32).

Наша работа, опираясь на классификацию А.П. Сковородникова, фокусирует внимание на следующих лингвотоксичных процессах: 1) *вульгаризмы* (инвективная / обценная лексика, нарушающая экологический баланс в обществе

и размывающая языковые нормы общества); 2) лавинообразное внедрение *англицизмов / американизмов* или *Denglisch* в различные сферы социума.

Помимо общепринятой теории о лингвотоксичных явлениях, данное исследование выдвигает гипотезу о том, что к лингвотоксинам также могут относиться: 3) *дискриминирующий язык* (*diskriminierende Sprache*); 4) гибридная лингвистическая вариативность – *этносоциолект Kanakisch-Deutsch*; 5) *гендерный язык* (*Gendersprache*); 6) явление «двойного сообщения» («double bind») (манипулятивная тактика в коммуникации, проявляющаяся в использовании двойных сообщений или «двойных ловушек», ставящих получателя сообщения в беспомощное положение и вызывающих когнитивный диссонанс); 7) *эффект ноцебо*, противопоставляющийся эффекту плацебо в рамках медицинского дискурса.

Задействование лингвотоксинов в коммуникации ведёт к «повреждению диалогического потока, а также нарушению принципа коммуникативной коллаборации» (Старостина Ю.С., Леонович Л.М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2022. Вып. 2(58). С. 68). Такая взаимозависимость достаточно ярко и образно определена в высказывании В. Клемперера, которого цитирует М. Шварц-Фризель, исследующая «токсичный язык и духовное насилие» («Toxische Sprache und geistige Gewalt»): слова порой предстают в роли крохотных капель мышьяка, которые ускользают от внимания и как бы проглатываются, однако при этом в долгосрочной перспективе раскрывают своё токсичное действие (Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen. Tübingen. 2022. S. 9).

По нашему мнению, перечень лингвотоксичных явлений А.П. Сковородникова может быть дополнен и расширен, поскольку данная работа фокусируется на анализе подобных явлений в рамках *немецкой этнолингвокультуры*, которая не тождественна русской этнолингвокультуре. В

основе немецкой этнолингвокультуры лежит «своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» (Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 298). Понимание и «анализ лингвокультурной специфики способствует осмыслению языковых явлений (Попова Т. Г. Межкультурная коммуникация и ее прагматический характер // Наука и общество в XXI веке. М. 2024. С. 313).

Представители немецкой этнолингвокультуры «накладывают на окружающую действительность специфическую матрицу и с её помощью интерпретируют явления, происходящие в объективной реальности» (Этнолингвокультурология. Екатеринбург. 2014. С. 25). Таким образом, у данной этнолингвокультуры формируется своя *языковая картина мира*, которая отражает представление реального мира в системе понятий и категорий языка (Уфимцева Н. В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 8).

Языковая картина мира, в свою очередь, предстаёт в роли основополагающего понятия в рамках различных дискурсов, существующих в текстах, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир» (Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М. 1995. С. 36). Дискурс выступает в роли «связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» (Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 162).

Анализ подобных факторов необходим, поскольку «точка зрения на язык и речезыковую деятельность не ограничивается лишь семиотическим аспектом, а требует выхода за пределы языковой системы в область внелингвистических знаний о реальной действительности, что позволяет понимать смыслы в коммуникативной деятельности» (Попова Т. Г. Роль экстралингвистической

информации в передаче смыслов культуры // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции. Минск. 2023. – С. 91).

Учитывая особенности немецкой этнолингвокультуры, перечислим термины, которые, по нашему мнению, необходимо включить в научный дискурс неэкологичного общения:

1) «*вульгаризмы* – пошлые и грубые, циничные слова и выражения, находящиеся за пределами литературной формы и требований речевого этикета» [URL: Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке. С. 36];

2) феномен «*double bind*» описывает коммуникативную ситуацию, в рамках которой адресат получает от адресанта токсичные и противоречивые послания (Тихомиров С.А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративном управлении, управленческом учете и коммуникациях компании в процессе принятия решений // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2013. № 1. С. 18);

3) *гендерный язык* (Gendersprache, Gendern, geschlechtergerechte Sprache) – языковая практика, способствующая созданию равноправия в обществе, в частности равного отношения к мужчинам и женщинам (Diewald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! Berlin. 2019. S.7). В данной работе гендерный язык рассматривается в качестве маркера неэкологичного общения, который искусственно сексуализирует и искажает немецкий язык;

4) *дискриминация* – неравное отношение к людям на категориальном уровне, невзирая на их личностные характеристики и достижения (Graumann C.F., Wintermantel M. Diskriminierende Sprechakte. Ein funktionaler Ansatz // Herrmann S., Krämer S., Kuch H. (Hg.): Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung. Bielefeld. 2007. S. 147); с одной стороны, язык выступает в роли средства, осуществляющего дискриминацию (*дискриминирующий язык*), с другой стороны, язык – это посредник в борьбе против дискриминации (Reisigl M.

Sprachliche Diskriminierung // Scherr A., El-Mafaalani A., Yüksel G. (Hg.): Handbuch Diskriminierung. Wiesbaden. 2017. S. 82);

5) *эффект ноцебо*, являющийся составляющей врачебной коммуникации, способен повлиять отрицательным образом на самочувствие пациента или замедлить процесс его выздоровления. Подобный феномен возникает в результате вербальной и невербальной коммуникации между пациентом и врачом, содержащей негативные установки и ожидания лечащего врача (Eicher Н. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 243).

Г.Г. Молчанова справедливо замечает, что «к лингвотоксичным элементам, затрудняющим и/или искажающим коммуникативное взаимодействие, относятся социально-культурные и когнитивно-коммуникативные языковые стратегии, асимметрия эколого-когнитивных параметров, влияющие на психологическое и умственное состояние коммуниканта» (Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. № 2. С. 9).

Из сказанного ясно, что для лингвистического анализа важной является перспектива *исследования лингвотоксичных явлений, зарождающихся на фоне экстралингвистических факторов*, лежащих в основе культуры общества. Язык получает от культуры «систему потребностей человеческого общества как огромного распределительного организма, перерабатывает эти потребности в смысловые кванты, выражает их в знаках и, в свою очередь, передаёт культуре упакованный опыт в виде слов, словосочетаний, высказываний, текстов, речевых жанров и типов дискурса» (Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 191).

Для нашего исследования, помимо вышеуказанных терминов, релевантными являются также:

1) *Denglisch* – гибридный язык, содержащий в себе большое количество англоязычных заимствований. Ср.: «Bezeichnung für Texte oder Äußerungen, die einen – aus der Sicht des Sprechers – zu hohen Anteil englischer oder englisch anmutender Sprachformen enthalten» (URL: Denglisch);

2) *Kanakisch-Deutsch (Kanak Sprak)* – часто используемая с негативным, уничижительным значением языковая форма немецкого языка, являющаяся смешением немецкого и турецкого языков. Ср.: «umgangssprachlich, abwertend: Sprachform des Deutschen mit starken Einflüssen des Türkischen» (URL: Kanak Sprak).

Перенасыщение языковой практики излишними англицизмами, а также этносоциолектом *Kanakisch-Deutsch* является индикатором неэкологичной коммуникации, поскольку данные явления способны приводить к обеднению и эвтрофикации языка (в терминологии В. Трампе).

Обзор терминопонятий, необходимых для исследования, позволяет прийти к выводу о том, что лингвоэкологические штудии учитывают существование толерантности в качестве основополагающего свойства языка, которое допускает проникновение в целостный языковой конструкт неких «аномалий».

Однако необходимо осознавать наличие в языке вредоносных маркеров неэкологичного общения, лингвотоксичных процессов, которые возникли в результате антропогенной нагрузки на язык и, как результат, нарушают экологический баланс в коммуникации, что приводит к подрыву здоровья не только языка, но порой и носителя языка и окружающего мира.

1.4 Неэкологичное общение как лингвосоциальная проблема

Реальное *общение* представляет собой сложный многоуровневый процесс установления и развития контактов между людьми, который «порождается потребностью в совместной деятельности, обмене информацией, выработкой единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека» (Психологический словарь. М. 1990. С. 244).

Выстраивание единой стратегии взаимодействия, а также понимание своего визави являются естественными, экзистенциальными потребностями носителей языка. Человек нуждается в «экологизации своего социального бытия» (Лобова Т.Г., Ражина Н.Ю., Маковецкая Е.Н. Экологизация общения в условиях "антропологической катастрофы" // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 10. С. 193), формировании безопасного, экологичного пространства в своей жизни.

Экологичное пространство формируется, в том числе, через экологичное взаимодействие / общение с окружающей средой, другими индивидами. На пути к экологичной коммуникации необходимо преодолеть агрессивные, манипулятивные, нетолерантные речевые паттерны, наносящие реальный ущерб здоровью языка и его носителя.

Подобные идеи «экософии» (философии гармонии и баланс), по мнению учёных лингвистов и философов (А.Э. Григоряна, Т.Г. Лобовой, Н.Ю. Ражиной, Е.Н. Маковецкой, А. Stibbe и др.), «подразумевают «очеловечивание» или «окультурирование» процесса коммуникации, в рамках которого субъекты процесса должны осуществлять свою социальную самореализацию, избегая деформации языка» (Григорян А.Э. Лингво-экологическая направленность проектирования социолингвистических коммуникаций // Право и практика. 2020. № 1. С. 204).

В настоящий момент язык, выступая в роли «стохастического феномена, не обладающего ригидными нормами, регулирующими его пользование в различных дискурсах» (Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград. 2016. С. 336), постоянно испытывает на себе отрицательное (приводящее к деградации и загрязнению) воздействие со стороны общества. В настоящий момент констатируется факт превалирования отрицательного влияния на язык, приводящего к нарушению экологического баланса в общении.

Для понимания феномена «неэкологичное общение» необходимо определить его параметры и характеристики, а также противопоставить его экологичному общению.

Н.Н. Панченко отмечает, что «*экологичная коммуникация* понимается как общение, не оказывающее вредоносного влияния на здоровье человека, его психоэмоциональное состояние ...» (Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 375).

Н.Г. Солодовникова и В.И. Шаховский к *параметрам экологичного общения* относят избегание коммуникантами негативных оценок, доброжелательность, сотрудничество, этичность, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, умение слушать, отбор стилистических средств сообразно ситуации, сдерживание отрицательных эмоций, целесообразность речи и др. (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения).

Таким образом, *экологичное общение* – это, в общих чертах, «общение, основанное на позитивных эмоциях, производимое с благими намерениями со стороны говорящего и оказывающее положительное влияние на слушающего» (Самигуллина А.С., Корзун А.В. Роль коммуникантов в определении параметров экологичности общения (на материале англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 5. С. 1499).

Я.А. Волкова под *неэкологичным*, или деструктивным общением, понимает «тип эмоционального общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» (Волкова Я.А. Коммуникативная личность в ценностных параметрах неэкологичного общения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 8(72). С. 4).

Данное определение формулируется учёным на основе определённых ею маркеров *неэкологичного* или *деструктивного общения*, в числе которых:

«нанесение обид и оскорблений, пренебрежение, диффамация, грубость, рассогласованность, подмена аргументации и базисных установок и др.» (Там же).

Аналогичные характеристики *неэкологичного общения* предлагают Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский и Н.Н. Панченко: оскорбления и грубость, пренебрежение, следы от которого могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата, использование негативных оценок, негативная вежливость, разбалансировка в тематике, подмена аргументации и базисных установок, политическая некорректность, неуместное и неправильное использование иноязычных слов, насилие, давление словом, стилистические нарушения и др. (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения). Пространство *«неэкологичной коммуникации»* составляют любые вербальные и невербальные средства, стратегии и тактики коммуникативного поведения, противоречащие коммуникативно-прагматическим и этико-речевым нормам, снижающие комфортность речевого общения и негативно влияющие на эмоциональное здоровье человека» (Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации. С. 375).

Таким образом, ключевым намерением визави в рамках неэкологичного общения является стремление проявить вербальную агрессию, дискредитировать и унижить собеседника. Зачастую подобное общение содержит в себе не только вербальные конфликтогенные сигналы, но и невербальные компоненты в виде агрессивных и властных мимики, жестов, интонации.

Заметим, что выделение маркеров экологичного / неэкологичного общения детерминировано в том числе конкретной коммуникативной средой, социокультурным контекстом. Приведённый перечень параметров экологичности / неэкологичности общения следует постоянно подвергать ревизии и оценке, рассматривать каждую речевую ситуацию в контексте определённого дискурса.

Помимо этого, «коммуникативные ситуации порой предстают как амбивалентно-экологичные ... всегда необходимо учитывать ряд взаимодополняющих факторов: характеристику ситуации общения ... выбор адекватной стратегии поведения, ориентированной на другого...» (Там же. С. 383,

387), так как конфликтообразующими могут являться неправильно выбранные слова и выражения, не обладающие коммуникативной уместностью и прагматической эффективностью.

Феномен неэкологичного общения рассматривается лингвистами не только в теоретическом аспекте, но и в практическом, о чём свидетельствуют нижеследующие работы, проведённые в рамках различных дискурсивных практик (юридической, маркетинговой и рекламной, медицинской, медийной и др).

Е.С. Кара-Мурза анализирует неэкологичность общения с точки зрения лингвоконфликтологии и лингвозэкологии с целью поиска решений лингвоправовых конфликтов при помощи «судебной лингвистической экспертизы» (Кара-Мурза Е.С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов. Волгоград. 2013. С. 179). По мнению автора, привлечение теоретических знаний из данных сфер увеличивает вероятность более чёткой фиксации «такого речевого преступления, как диффамация, т.е. распространение порочащих сведений, оскорблений и клеветы, нарушающих неотъемлемые права личности (человеческое достоинство, честь и деловую репутацию, права на неприкосновенность личной жизни и на доброе имя)» (Там же. С. 184).

В статье, написанной Е.С. Кара-Мурзой совместно с Л.П. Амири также констатируется наличие «отзвуков диффамационности» в рекламных текстах, а также указывается на пренебрежение авторами рекламы деонтологическими требованиями в обществе.

В отдельной публикации на ту же тему Л.П. Амири приводит в пример феномен вульгаризации рекламного пространства, который является одной из центральных лингвистических проблем. По мнению лингвистов, «частое использование жаргонной лексики в повседневной речи наносит вред социокультурному здоровью носителей языка» (URL: Амири Л.П. Феномен языковой игры как средство намеренной вульгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации. С. 162).

Помимо явно вульгарной обценной лексики, в рекламе часто используется языковая игра, порождающая, например, орфографические окказионализмы – контаминации, графогибридизации и др. Существует угроза превращения игры с орфографической нормой в дальнейшее неправильное использование обыгрываемых слов и речевое хулиганство.

Подобное речевое хулиганство обладает языковым излучением (в терминологии Н.А. Сребрянской), способно формировать «неконгруэнтность прагматики говорящего (инициальная интенция) и прагматики слушающего (терминальная интенция), которая мешает оптимизации общения и приводит к эмоциональному и, возможно, когнитивному диссонансу» (Кислякова Е.Ю. Категория инакости в межконфессиональном общении: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 204). И.В. Труфанова также замечает: «Неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события» (Труфанова И.В. Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 279).

Подобной точки зрения придерживается В.И. Шаховский, констатируя, что «современное состояние языка характеризуется наложением на него многочисленных слайдов вульгаризмов, гибридов, американизмов, развитием процессов заигрывания с языком и смешения функциональных стилей» (Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. С. 143). Подобные слайды «затеняют национально-культурную специфику языка ... это не может не привести к изменению менталитета, к ложному когнитивному и коммуникативному поведению и разобщению людей» (Там же. С. 147).

По мнению лингвиста, «экологичная коммуникация существует, *но баланс сдвинут в сторону негатива*» (Там же. С. 162). Учёный указывает на вектор неэкологичности в текстах СМИ, которые содержат в себе номинации, обладающие

отрицательной семантикой и коннотацией, что формирует соответствующие ассоциации у получателя сообщения. Сообщения СМИ вуалируют негативные события при помощи эвфемизмов, которые способны приводить к неверной интерпретации информации и когнитивному диссонансу.

Также множество работ учёного посвящено изучению экологичности / неэкологичности коммуникации с точки зрения эмоций. По его мнению, «положительные эмоции и соответствующая эмотивная лексика в основном формирует экологичное общение, а отрицательные эмоции и негативная эмотивная лексика формирует неэкологичное общение» (Там же. С. 340).

Представитель лингвоэкологических исследований Н.Н. Панченко подчёркивает, что «необходимость экоконтроля, о которой всё чаще говорится в последнее время, распространяется не только на природу, но и на прогнозирование языковой политики для регулирования коммуникативного взаимодействия, гармоничных отношений между коммуникантами» (Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации. Волгоград. 2013. С. 374).

Учитывая запрос на регулирование коммуникации, ряд отечественных учёных указывает на возрастание важности коммуникативно-экологической, здоровьесберегающей функции языка в современном обществе (В.В. Жура, Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский, С.И. Маджаева, А.Э. Григорян и др.).

Терапевтическая функция языка «реализуется не только в институциональном общении («врач – пациент»»). «Она всеобъемлюща для современной как горизонтальной, так и вертикальной коммуникации: бытовое общение как равных по социальной лестнице людей, так и находящихся на разных ступенях этой лестницы ... так как эти типы общения могут создавать конфликтные ситуации» (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения. С. 24).

С.И. Маджаева и А.Х. Сатретдинова исследуют проблему воздействия медицинской информации и экологического пространства пациента, анализируя скрипты бесед специалистов-медиков с пациентами.

Порой пациенты получают от медицинского работника сообщения со сложными синтаксическими конструкциями, многочисленными аббревиатурами, в том числе на иностранном языке, что затрудняет понимание информации.

По мнению учёных, экологичным является общение, в рамках которого пациент получает понятную, прозрачную, конкретизированную и обладающую позитивной модальностью информацию о состоянии здоровья последнего. Реципиент не должен находиться в «уязвимом положении с лингвистической точки зрения», а адресанту необходимо развивать инклюзивную, адаптивную коммуникацию, не создавая для адресата дополнительных барьеров на пути к пониманию какой-либо информации (Бурмакина Н.Г. Ясный язык как объект социальной лингвистики: к вопросу о читабельности текстов институционального взаимодействия // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 4. С. 660).

Как показывает обзор лингвоэкологических исследований, неэкологичность общения представляет собой сложную и многогранную проблему, которая отражается на социальном, линвокультурном и многих других уровнях.

Современное общество нуждается в экоконтроле не только природной, но и языковой экосистемы. Такой контроль и мониторинг могут быть осуществлены при помощи лингвоэкологических исследований. Лингвоэкологическая коммуникация направлена на совершенствование языковой практики носителей языка с целью улучшения «самочувствия» не только языка, но и отдельного индивида и общества в целом.

Подобный тезис сформулирован на основании того, что слово, обладая мощным экспрессивно-эмоциональным зарядом, способно как эскалировать конфликт, так и смягчить его. Именно поэтому со стороны адресатов и адресантов требуется осознанное совершение «здоровых» речевых актов, не нарушающих экологический баланс в обществе.

Выводы по главе 1

Относительно молодое научное направление в рамках языкознания – лингвоэкология – сформировалось на стыке лингвистики, экологии, психологии и социологии. Подобная междисциплинарная направленность лингвоэкологии чрезвычайно важна для современной лингвистики, поскольку позволяет проанализировать и осознать языковые процессы с точки зрения разных научных теорий и междисциплинарных подходов.

Лингвистика стремится преодолеть антагонизм между естественными и гуманитарными науками и исследовать язык во взаимосвязи с окружающей действительностью. Основной тезис лингвоэкологии, таким образом, может быть сформулирован следующим образом: существование языка напрямую зависит от окружающей его среды (общества) и наоборот.

Подобная взаимозависимость предполагает определённую открытость и толерантность целостного языкового конструкта к ряду «аномалий», которые возникают в нём под влиянием множества экстралингвистических факторов.

Однако несмотря на открытость языковой системы и её адаптивность к окружающей среде, лингвоэкологические исследования констатируют факт существования серьёзной лингвосоциальной проблемы в виде неэкологичного общения, оказывающего деструктивное влияние на язык и его носителя.

Неэкологичное общение, обладающее высоким уровнем эмоциональной напряжённости, рассматривается как комплексный, многогранный феномен и включает в себя следующие параметры: вербальная агрессия, диффамирующие слова и высказывания, деформирующие речевой поток; большое количество излишних заимствований, аббревиатур, канцеляризмов, гибридных языковых вариативностей, затрудняющих понимание своего визави; вуалирование / эвфемизация негативных явлений, формирующих неверную интерпретацию информации; политическая некорректность; насилие, давление словом; стилистические нарушения; смешения функциональных стилей и др.

Выделенные характеристики неэкологичного общения обладают языковым излучением, формирующим неконгруэнтность прагматики говорящего и прагматики слушающего, которая приводит к эмоциональному и когнитивному диссонансу. Неэкологичное общение ставит получателя сообщения в уязвимое с лингвистической точки зрения положение, создаёт для него дополнительные барьеры на пути к пониманию информации.

Выделение параметров экологичного / неэкологичного общения детерминировано конкретным социокультурным контекстом, коммуникативной средой, ситуацией, дискурсом. Помимо этого, различные ситуации общения могут являться амбивалентно-экологичными, двойственными, сложно интерпретируемыми, что дополнительно подтверждает сложность рассматриваемой проблематики.

Неэкологичное общение пронизывает многие сферы человеческой жизнедеятельности, способно осознанно и неосознанно закладывать в социуме негативные установки и стереотипы, оказывать отрицательное влияние на здоровье не только языка, но и его носителя.

ГЛАВА 2. ИНТЕРНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕЭКОЛОГИЧНОГО ОБЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

2.1 Вульгаризированная лексика как коммуникативный токсин

Большой интерес для исследователей неизменно представляют *вульгаризмы*, входящие в состав инвективной (бранной) лексики, которые, хотя и являются важным средством реализации связи между словесным выражением эмоций и необходимостью эмоциональной разрядки, выступают в роли маркеров неэкологичного общения.

В соответствии с классификацией А.П. Сковородникова вульгаризированная лексика принадлежит к лингвотоксичным процессам, наносящим урон здоровью языка (Сковородников А.П. Между экспрессивностью и вульгарностью (лингвоэкологические размышления над газетным жанром сатирического комментария) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. С. 247–260).

Обширный перечень функций инвектив, выступающих в роли вульгаризмов, представлен в исследовании В.И. Жельвиса. Продемонстрируем некоторые из них: 1) «инвектива – средство выражения земного и профанного начала, противопоставленного сакральному»; 2) катартическая функция, позволяющая получить эмоциональную разрядку; 3) «через профанизацию речи понижение социального статуса» получателя сообщения; 4) «средство установления контакта между людьми»; 5) «средство дружеского подтрунивания и подбадривания»; 6) «нарративная функция, предусматривающая привлечение к себе всеобщего внимания»; 7) использование инвектив с целью демонстрации бунта; 8) вульгаризм как «средство вербальной агрессии»; 9) «междометное, восклицательное употребление инвектив»; 10) функция, «снижающая необходимость прямой физической атаки»; 11) «ассенизационная функция, делающая возможным употребление инвектив в обществе» и т.д. (Жельвис В.И. Поле брани.

Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. 2001. С.109-133).

Из вышеприведённого списка можно сделать вывод о неоднозначной и противоречивой природе инвектив. Нейропсихолингвист Т. Джей даже выдвинул нейропсихосоциальную теорию речи, в рамках которой вульгаризированная лексика «занимает важное место» (Jay T. Cursing in America: a psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets. Philadelphia. 1992. P. 199).

В фокусе нашего внимания находится анализ вульгарной лексики именно с точки зрения её социального функционирования, поскольку изучение подобной лексики уходит глубоко корнями в историю формирования ряда социальных запретов-табу. Ведь «вся наша деятельность контролируется табу на упоминание сакральных понятий, на обращение к понятиям, связанным с человеческим “низом” и т.д.» (Жельвис В.И. Поле брани. С.21).

Чем серьёзнее «взламывание» табу, тем сильнее реакция на него. Здесь надо оговорить, что процесс нарушения существующего табу необходимо рассматривать в рамках конкретной этнолингвокультуры, социальной группы. В.И. Жельвис делит словесные нарушения табу на три группы: 1) «нарушение слабых табу, которые в силу своей слабости редко могут стать сюжетом резкой инвективы»; 2) «грубые инвективы, нарушающие сильные табу ... ругатель прибегает к этим средствам, когда у него появляется необходимость в эмоциональной разрядке»; 3) «немногочисленные словоупотребления, нарушающие настолько сильные запреты, что сам факт их нарушения – явление экстраординарное, почти недопустимое» (Там же. С. 34).

Прежде чем говорить об отрицательном влиянии вульгарных слов на здоровье языка и, как следствие, носителя этого языка, необходимо сказать несколько слов о «катарсисе» (др.-греч. κάθαρσις — «возвышение, очищение, оздоровление»). Данное понятие обозначает процесс высвобождения эмоций, разрешения внутренних конфликтов и нравственного возвышения, возникающий в ходе самовыражения (в том числе через искусство) или сопереживания при

восприятии произведений искусства (URL: Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина).

Отталкиваясь от этого определения, можно рассматривать вербальную агрессию, реализующуюся с помощью вульгарной лексики, как некую интериоризацию поступка. Интериоризацией называют «переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности» (Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975. С.45).

В рамках данной работы это означает, что слова обладают ещё бóльшим эффектом, нежели физические действия по отношению к визави, не говоря уже о том, что физическая расправа (экстериоризация поступка) зачастую не может быть материализована по ряду причин.

«Инвектива (инвективное слово, инвективная лексика) – словесное оскорбление, вид высказывания, содержащего обвинение ... также грубая брань, бранные (нецензурные) слова и выражения, являющиеся проявлением агрессивного речевого поведения, задевающего честь и достоинство адресата». Данное определение, таким образом, включает в свой состав вульгаризмы – «элементы просторечия и табуированной экспрессивной лексики и фразеологии» (Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сковородников. С. 74, 36). Наличие в языке подобных феноменов свидетельствует о нарушении экологического баланса и дисгармонии речевого общения.

Дисгармония общения наблюдается в рамках напряжённой конфликтной ситуации, в которой получатель негативного, диффамирующего сообщения попадает в неловкое положение, грубые слова ранят или унижают, негативным образом влияют на его эмоциональные отделы мозга. Подобно тому, как неумелое прикосновение к струнам гитары или скрипки способно расстроить музыкальные

инструменты («ähnlich wie bei einer Gitarre oder einer Geige»), в мозгу возникают «фальшивые ноты» («entstehen Misstöne im Gehirn») или диссонанс (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 100).

Подобные идеи наводят на мысли о том, что инвективные высказывания, содержащие вульгарный вокабуляр в ситуации накалённых эмоций, не являются «верными союзниками» говорящего, так как «сквернослов живёт в мире перевёрнутых представлений, точно так же, как и его оппонент» (Жельвис В.И. Поле брани. С.134). Имея целью оглушить своего собеседника, инвектант даже может не подозревать о том, что такое оглушение может работать в обе стороны, понижая его собственный социальный статус и самооценку.

Подобное «оглушение», унижение достоинства собеседника зачастую наблюдается, среди прочего, в рамках миграционного дискурса. Так, миграционный кризис, межэтнические столкновения, размежевание общества на мы / они, наблюдающиеся в немецком обществе, (Р. Сапольски, R. Steinke, A. Mathias, M. Schwarz-Friesel, M. Amjahid, M. Czollek, J. Scharloth, A. Stefanowitsch, М. Марусенко и др.), провоцируют *речевую агрессию, проявляющуюся в вульгаризации языка*.

М. Амджахид в своей книге «Der weiße Fleck. Eine Anleitung zu antirassistischen Denken» размышляет на тему структурного и персонального расизма в немецкоязычном пространстве (Amjahid M. Der weiße Fleck: Eine Anleitung zu antirassistischem Denken. München. 2021. P.210, 216). В частности, автор приводит примеры грубых, вульгарных, дискриминирующих слов и выражений, которые стигматизируют другие национальности, например, выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Африки, Азии и др.

К подобным словам относятся: «*Kanake*» (данный термин, в соответствии с немецким словарём Duden, является дискриминирующим и оскорбляющим и обозначает «жалкого, недостойного человека» или «иностранца, представителя другого этноса». Ср.: «verachtenswerter, hassenswerter Mensch»; «Ausländer, Angehöriger einer anderen, fremden Ethnie», diskriminierendes Schimpfwort) (URL:

Kanake); «*Nafri*» (расистское выражение для обозначения мужчин североафриканского происхождения, используемое полицией, службами безопасности. Ср.: «Rassistische Bezeichnung für nordafrikanisch aussehende Männer, die innerhalb von Polizei- und Sicherheitsbehörden verwendet...») (Amjahid M. *Der weiße Fleck: Eine Leitung zu antirassistischem Denken*. S. 217); «*Ziegenficker*» (немецкий словарь DWDS указывает на вульгарное, оскорбляющее – *vulgär und Schimpfwort* – значение данного слова, часто адресованное выходцам из Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии) (URL: *Ziegenficker*).

Эти и многие другие выражения стигматизируют и подвергают остракизму какие-либо национальности.

По мнению целого ряда авторитетных ученых (А.П. Сковородников, M. Schwarz-Friesel, M. Amjahid, M. Czollek, J. Scharloth, A. Stefanowitsch и др.), распространение в обществе приведённых выше вульгаризированных слов и выражений может провоцировать социальную дезинтеграцию, создавать дистанцию между различными социальными группами. Вульгарная инвективная лексика часто нарушает этические нормы общества, оскорбляя личность, нанося ущерб репутации людей или социальных групп, проявляясь как форма языкового насилия.

Далее будут рассмотрены вульгаризмы, их функционирование в рамках определенных дискурсивных практик (песенного и политического дискурсов). Отметим, что выборка лексических единиц, относящихся к группе «вульгаризмы», происходила в строгом соответствии с конвенциями немецкой языковой картины мира; необходимым условием для отнесения слова или выражения к данной категории являлась фиксация соответствующих помет «*vulgär*», «*derb*», «*salopp*», «*abwertend*», «*derb diskriminierend*», «*spöttisch*», «*abschätzig*», «*herabwürdigend*», «*diskriminierendes Schimpfwort*», «*familiär*» в авторитетных немецкоязычных лексикографических источниках (Duden, DWDS). Например, «*fick dich*», «*Scheißdreck*», «*eine radikal böse Afteröffnung (Arschloch)*» и др. (1, 2, 3).

2.1.1 Вульгаризированная лексика в немецком песенном дискурсе

Сфера применения вульгаризированной агрессивной лексики в немецкой языковой картине мира распространяется на различные дискурсы – институциональные и бытовые. Обратимся к репрезентации вульгаризмов в рамках песенного дискурса.

Выбор данного дискурса мотивирован тем, что музыкальные произведения рассчитаны на массового зрителя и, таким образом, способны оказывать влияние на широкую аудиторию – представителей различных социальных групп, возрастов и т.д.

Тексты песен популярных немецких рэперов Bushido и Gzuz представляют интерес для данной работы, так как содержат множество инвектив, включающих в себя вульгарную и унижающую достоинство получателя подобных сообщений лексику.

В текстах песен Bushido зачастую можно наблюдать вербальную агрессию по отношению к различным целевым группам:

1) коллеги рэперов (на творческом поединке – бифе или диссе – в рамках которого фиксируются публичные оскорбления своего визави): «Keep it real, *du bist Missgeburt*» (4); «*Ich bin erst dann zufrieden, wenn du Nutte den Dreck frisst*»; *Fick dich nach vorn*, egal, wie sehr du dich jetzt anstrengst; «Du bist jetzt nur noch *Scheißdreck*. Machst *Scheißrap*, ein Blick und du rennst weit weg» (5); «Du willst rappen und *brichst dir dabei den Schwanz ab*»; «Ich bin der, *der dich fickt*, wenn die Sonne nicht mehr scheint» (6); «*Du Fettsack* machst dich immernoch peinlich, *du Clown*» (7); «Du siehst *schwul* aus, doch irgendjemand findet's irgendwie schick» (5); «*Du quatschst mich voll*, weil du *Schwuchtel* jetzt ein'n Star kennst»; «Keiner von euch *Homos* ist was wert» (6); «Wenn ich euch seh' denk' ich, dass *ich schwulenfeindlich bin*» (8); «Deiner Mutter bleibt nichts übrig außer *Dicks zu blow'n*» (5); «Du bleibst doch nur *'ne Frau mit Schwanz*»; «Sag deiner Mama, dass Bushido morgen wiederkommt» (6); «Alle Mädchen, die ich kannte, *sahen scheiße aus*» (9).

Творчество Bushido пропитано неэкологичными словоформами, реализующимися при помощи диффамаций: «*Missgeburt*»; «*Nutte*»; «*Dreck*»; «*fressen*»; «*ficken*»; «*Scheißdreck*»; «*Schwanz*»; «*Fettsack*»; «*Schwuchtel*»; «*Schwul*»; «*Homos*», которые интерпретируются немецкими словарями «Duden» и «DWDS» как грубые, вульгарные, уничижительные и фамильярные.

Исполнитель, обращаясь в своём творчестве к коллегам-рэперам, прибегает к помощи вулгаризмов, взламывающих существующие в немецкой лингвокультуре социальные табу. Основной темой инвектив становится дискриминация по гендерной принадлежности, сексуальным предпочтениям, физическим данным и др.;

2) представители других национальностей: «... Er nimmt sich einfach die Welt, so wie's ihm gefällt. ***Er baut sich Tempel aus Gold und gibt dem Moslem ein Zelt***» (10); «Welcher ***Kanake*** zahlt Eintritt für deine Billigshows?» (6).

В данных фрагментах песен Bushido в явной форме указывает на уязвимое положение мигрантов, решившихся на переселение в «страну возможностей» – США, в которой им приходится сталкиваться с рядом сложностей, в частности с неприятием и отрицанием их культуры и религии. Мигрантов часто называют грубым словом «*Kanake*», а их культурные ценности и традиции игнорируются: «*Er baut sich Tempel aus Gold und gibt dem Moslem ein Zelt*».

Тексты произведений рэпера Gzuz обладают схожими характеристиками, в них тоже наблюдается попытка взломать существующие в немецкоязычном обществе табу. Наиболее частотными в текстах песен рэпера являются следующие темы:

1) открытое соперничество с коллегами:

«*Sie fragen: „Gzuz, warum bist du nur so? Warum immer diese Sachen, aber nix mit Niveau? Warum dies? Warum das? Warum nicht einmal mit Message?“ Und ich denk' mir nur, **warum hältst du nicht einfach die Fresse?**» (11); «*Alles unter hundert K ist für mich nicht interessant (Vielen Dank). Fahr zur Hölle oder **friss mein'n Schwanz** (Mir egal)*» (12); «*Und ich rolle über Rapper wie ein Lastwagen (weom). Was für **Pappnasen**, was für'n **Saftladen**. Was für Gangster-Rapper, ihr seid alles **Klappspaten****

(ha). **Digga**, Gzuz, ich hab' lange genug **Scheiße gefressen**» (13); «Finanzamt im Rücken (Ja), Handschellen klicken (Klack). **Ratten** sind am lügen, keine **Schlampe** will verhüten (Gazo). Aber alle woll'n mich ficken (Ja, ja)»; (14);

2) демонстрация протеста против полиции (криминальное прошлое исполнителя и опыт взаимодействия с силовыми структурами являются «темами-донорами» при создании песен). Рэпер часто использует деперсонафикацию для обозначения полицейских: «129 und **die Bullen** ermitteln undercover» (15); «Was für Gesetze? **Halt deine Fresse!** Grad läuft es gut, alles macht ein'n Sinn. Genau da wollt' ich hin seit ich achtzehn bin (yes). Okay, ich war broke, **bezog Kohle vom Staat** (ah)»; «Aaaaah! **Krimineller Lebensstil**, krumme Dinge drehen. **Digga**, Geld machen irgendwie, aaaah! Während Ebbe geht nicht viel. Aber wenn die Flutwelle kommt wird es eklig hier. In 'nem Käfig, so wie Tiere leben wir. Im Revier zwischen **Bullen**, die observier'n und dem Wunsch, was zu verdien'n. Jaaaa! Die Straße ist brutal» (13); «**Scheiß auf die Bull'n**, meine Jungs machen Welle (Wouh). Und geh' ich in' Bau, mach' ich Push-up in Zelle (Zack). Ich leb' nur nach unsern Gesetzen (Wouh)» (16); «Wieder im **Knast**, aber nicht für immer (Hah)» (17);

3) сексистские высказывания по отношению к женщинам, основными обязанностями которых, по мнению Gzuz, являются готовка, удовлетворение мужчины, «смахивание пыли с люксовых вещей рэпера»: «Sie sieht mein'n Autoschlüssel und sie fängt an zu blasen. **Die Schlampe** denkt, ich hol' sie ab, da kann sie lange warten (Hah)»; «**Pussy-Magnet**, wie er einfach da steht»; «Wunder dich nicht, wenn die **Weiber** dich nicht seh'n»; «Alles in mein' Tank frisst mich auf, dieser Wagen. Diese Liebe macht krank. Benzin over **Bitches**, ich liebe den Gestank (Ja). Alles ist entspannt, wenn er rollt, rollt (Heh)» (18); «Finanzamt im Rücken (Ja), Handschellen klicken (Klack). **Ratten** sind am lügen, keine **Schlampe** will verhüten (Gazo). Aber alle woll'n mich ficken (Ja, ja)»; (14); «Bring deine Alte mit, sie wird im Backstage zerfetzt (Ja). **Ganz normal, danach landet dann das Sextape im Netz**»; «Bringst deine Alte zu 'nem Live-Konzert mit. Und danach bläst sie unterm Beifahrersitz»; «Sie labert von Gefühle (Nein), Gazi kriegt die Krise»; «Ich seh' ihr'n **Arsch und ihre Titten** und werd' emotional» (12); «Du glaubst, sie ist artig, ich weiß, dass sie **Arsch gibt** (Haha, ah)» (15);

«Drei Oll'n im Hotel, wenn ich Druck hab' (Hah). **Eine, die kocht, eine, die lutscht** (Hah). **Eine putzt von der Rolex den Schmutz ab** (Ja)» (16); «**Kaufe die Frau von der Stange** (Woah)» (19);

4) нейтральное обращение к ближайшему кругу доверенных лиц, семье, друзьям: «Du fragst, wie viel PS, **Digga** (Ja), 308 (Wouh)»; «Und wir **blubbern, blubbern, blubbern. Blubbern, blubbern, blubbern, blubbern. Wir blubbern, blubbern, fünf Euro weg**» (18); «Ich lebe nur aus'm Koffer, geh' auf Tour und **saufe Wodka** (Yes)»; «Es geht nur um Familie, **Digga, scheiß auf den Erfolg (Scheiß drauf)**» (15).

Риторика рэпера эмоционально заряжена, содержит множество экспрессивных междометий, которые призваны заполнить пространство в речи и придать песням большую эмоциональность («Aaaaah!»; «Hah»; «Ja, ja»; «Heh»; «Wouh» и др.).

Gzuz использует приём «переключение кодов» («Code-Switching») – нейтральные и грубые англицизмы также часто встречаются в текстах исполнителя («Yes»; «Bitches»; «fuck»; «Sextape»; «undercover»; «Pussy» и др.).

Рэпер указывает на скромные интеллектуальные способности своих соперников, коллег-рэперов, используя ироничные, но также и грубые номинации («Pappnasen»; «Saftladen»; «Klappspaten» и др.).

Женский образ описывается в основном при помощи лексем «Schlampe»; «Bitch»; «Weib» «Pussy» и др. Рэпером демонстрируется явное пренебрежительное отношение к женскому полу, а также используются ироничные и саркастичные высказывания – «Sie sieht mein'n Autoschlüssel und sie fängt an zu blasen. Die Schlampe denkt, ich hol' sie ab, da kann sie lange warten»; «Sie labert von Gefühle (Nein)». Практически во всех рассмотренных композициях концепт «женщина» репрезентирован как объект удовлетворения мужских потребностей.

Основной интерес для Gzuz представляют следующие темы: 1) криминальная жизнь («Krimineller Lebensstil») и выживание на «жестокой улице» («Die Straße ist brutal»), игнорирование полицейских и общепринятых законов («Scheiß auf die Bull'n. Ich leb' nur nach unsern Gesetzen»); 2) женщины / бабы («Weiber»); 3) преданность немецкому автопрому, а именно Мерседес-Бенц, благодаря которому,

в том числе, он становится «заметным» для женского пола («CL500»; «*Wunder dich nicht, wenn die Weiber dich nicht seh'n. Eben kein 500er-Daimler-Coupe*»); 4) ближайший круг рэпера (друзья и семья) («*das Milieu ist mein Leben*»; «*Nur die Familie, das ist alles, was ich liebe*»); 5) любовь к себе и демонстрация своей мужественности, стремление быть лучшим, проведение аналогий с другими мужчинами, не достигшими его высокого уровня («*Fame und Cash*», «*Komm hier nicht lang mit dei'm klein'n BMW (Nein)*»).

Тексты песен Bushido и Gzuz во многом схожи – в основном, они пронизаны отрицательными эмоциями (злостью и агрессией), явно ориентированы на жестокость и насилие по отношению к «другим» (конкурентам, полиции и т.д.). Композиции рэперов содержат экспрессивные, грубые, вульгарные высказывания, демонстрирующие агрессию и протест против общепринятых социальных норм. Используя вульгаризмы, рэперы бросают вызов традиционным ценностям и нормам поведения в немецкоязычном обществе, а также пытаются продемонстрировать (пока только с помощью слова) своё превосходство над другими социальными группами.

Массивное использование вульгарных и грубых высказываний рэперами помимо своих основных функций – унижить, оскорбить какую-либо группу населения и устроить бунт против существующих общественных норм – также нацелено на получение эмоциональной разрядки, установление контакта с аналогично мыслящими индивидуумами, привлечение всеобщего внимания, создание фанатского сообщества и др.

2.1.2 Вульгаризированная лексика в политическом дискурсе

Перейдём к рассмотрению вульгаризмов в другом типе дискурса – политическом.

Р. Лакофф писал о том, что язык – это политика, политика устанавливает силу, сила, в свою очередь, регулирует человеческую коммуникацию («*Language is*

politics, politics assigns power, power governs how people talk and how they are understood»). Анализ языка с этой точки зрения – нечто большее, чем просто академическая деятельность: на сегодняшний день подобный анализ – навык, необходимый для выживания («... today, more than ever, it is a survival skill») (Lakoff R.T. Talking Power: The Politics of Language. New York. 1992. p.7)

В настоящее время речь политиков адресована не конкретным группам (например, политическим соперникам или, наоборот, последователям), а широкому кругу людей.

Гражданское общество, как правило, не имея собственного опыта в сфере политики, опирается только на те «вербальные картинки», которые предлагаются ему политическими деятелями (Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии С.80).

Подобные вербальные образы «оказывают информационно-пропагандистское воздействие на массового адресата, формируют идеологию и обусловленные ею взгляды на определенные события в жизни» (Гончарова Е.А. Персуазивный потенциал мультимодальности в немецком политическом дискурсе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Т. 12. С. 222). Таким образом формируется «определенное коллективное политическое знание, вырастающее из отдельных, соотнесенных между собой актов социального (надындивидуального) взаимодействия, усиленного прагматикой персуазивного и зачастую манипуляционного воздействия на массовое сознание ... коллективное политическое знание, в свою очередь, формируется в условиях агонального общения с повышенным эмоциональным и коммуникативным напряжением речевого поведения его участников» (Там же).

Интересна для анализа неэкологичного общения современная риторика в политическом дискурсе, сформировавшаяся вокруг и внутри деятельности немецкой правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» («Alternative für Deutschland, AfD»).

В качестве одного из примеров выступает нарушение социального табу, связанного с националистической идеологией: «*Keiner hier möchte Herrn Gauland*

*als Nachbarn haben. Der hat hier den Spitznamen **Gauleiter***» (20). Подобное высказывание прозвучало от жителей Потсдамской местности, которые делятся своими впечатлениями об их соседе, одном из председателей партии «АдГ» А. Гауланде. Соседи приравнивали А. Гауланда к гауляйтеру (руководителю регионального отделения НСДАП), перефразировав ранее использованную им дискриминирующую фразу по отношению к немецкому чернокожему футболисту Ж. Боатенгу: *«Die Leute finden ihn als Fußballspieler gut. Aber sie wollen einen Boateng nicht als Nachbarn haben»* (21).

Немецкая платформа теле- и радиовещания («ARD-Mediathek») проводит ряд интерактивных стримов и интервью на тему «Задай вопрос сам» («Frag-selbst-Streams»), гостями которых являются политики Бундестага. В их числе – председатель партии «АдГ» А. Вайдель; она ответила на вопросы, которые были заданы интервьюером и гражданами Германии в онлайн-формате.

Во время интервью вопросы и комментарии зрителей отображались бегущей строкой. Среди комментариев наблюдалось множество хвалебных отзывов о партии и А. Вайдель, но в то же время лента была наполнена эксплицитными и имплицитными вульгаризмами, диффамирующими политика и партию в целом.

Зрители проявили креативность, характеризуя деятельность правопопулистской партии: *«Ekelafd»*; *«EkelhAfd»* – название партии сочетается с прилагательным «ekel» и «ekelhaft» («противный, омерзительный»).

Следующие примеры явно демонстрируют взламывание существующих в обществе табу, связанных с националистической идеологией, ультраправыми взглядами. АдГ приравнивается к ультранационалистической, экстремистской НСДАП, а её лидер – к фигуре А. Гитлера: *«Scheißenazis»*; *«Kein Meter nach rechts»*; *«Warum sind so viele Faschisten in der AfD?»*; *«Keine weibliche Hitler»*; *«Schmutz»*; *«AfD = NSDAP»* (22).

При помощи сокращения вульгарного англицизма «fuck» партию призывают «заткнуться» и «убратся»: *«FCK AfD»*; *«@afd halt die Klappe»*; *«Nazis raus»* (22).

Как было упомянуто выше, привлекательной для лингвистического анализа также является коммуникация внутри самой партии. Примером могут быть

сообщения тайного внутреннего чата, который был создан членами АдГ. Журналисты провели расследование и с разрешения участников тайного чата проанализировали сообщения, содержащиеся в нём, а также провели интервью с некоторыми из политиков, публиковавших сообщения в чате.

В результате выяснилось, что сообщения содержат примеры диффамирующих слов и высказываний, направленных в основном на коллег из других партий. Необходимо упомянуть, что в силу своего неприемлемого содержания 90 процентов сообщений были позиционированы как сообщения от анонимного отправителя. Мы выделим наиболее яркие образы:

– эксплицитные диффамирующие гомофобные высказывания по отношению к бывшему политическому деятелю партии СДПГ Й. Карсу: «...freue mich schon. Über die Leistung der SPD und Kahrs würde ich auch mal gerne reden. *Kahrs ist eine radikal böse Afteröffnung ... Kahrs ist Schwul*»; к политику партии ХДС Й. Шпану: «*Ein Traum. Darauf haben die tapferen Soldaten doch schon lange gewartet ... Oh, gut, also wieder eine Verteidigungsministerin ... bei Spahn hätte die Bundeswehr wieder auf Hinterlader umgestellt* (23). Данные высказывания появились в тайном чате АдГ в момент дебатов немецких политиков о том, кто займёт пост министра обороны в Германии. Имплицитно указывается на нетрадиционную ориентацию Й. Шпана;

– критика политического режима в Германии и личные оскорбления: «Das Merkelregime holt täglich zu weiteren Schlägen aus, es wird uns alle treffen»; «*Die Ratte Merkel* an der Spitze. *Diese Volksverräterin* gehört lebenslang *in den Knast*»; «Ich will die CDU nicht konservativ reformierbar machen. *Ich will die vernichtet sehen*»; «Wir müssen wohl warten, bis das alte Regime wirtschaftlich ans Ende kommt...» – в данном случае автор высказывания прибегнул к так называемой «антисемитской враждебности» («antisemitisches Ressentiments» в терминологии П. Брунсена), использовав негативно закодированное слово «Ratte» («крыса»), отсылающее читателя к временам правления фашистской партии и нетерпимости к еврейскому народу (23);

– личные оскорбления: «Also, bei AKK (Annegret Kramp-Karrenbauer) bekäme ich *erektile Dysfunktion*» личность политика А. Крамп-Карренбауэр испытывает на

себе оскорбление в виде сексизма; «*Frau HASS-Elmann* (Britta Haßelmann)» – в данном случае первая часть фамилии представителя партии Союз 90 / Зелёные Б. Гассельман изменена и буквально приобретает прочтение «Госпожа Ненависть-Эльман») (23); высказывание, направленное на политика партии СДПГ М. Рота: «*Hier müssen wir definitiv was machen, eckelhafter Wicht*» («Нам нужно что-то сделать, мерзкий гном»);

– дискриминирующие высказывания: «*Jeder sieht, der Altmaier ist zu dick, aber keiner sieht, dass er immer Hunger hat*» («Все видят, что Альмайер жирный, но никто не видит, что он постоянно голоден») (23).

Агональная и агрессивная риторика по отношению к коллегам также находит своё эксплицитное проявление в рамках политической борьбы. А. Вайдель выступила с резкой критикой политической деятельности министра иностранных дел А. Бербок, назвав её «*Annalachen Baerbock*», совершив отсылку к имени политика (Анналена), и, унизив её достоинство при помощи грубого вульгаризма. (24).

Немецкий политик О. Шольц также подвергся резкой критике со стороны не только коллег, но и немецких граждан, в частности, немецких интернет-пользователей, которые резко высказались о политике на платформе «Fokus». Комментарии пользователей содержат в себе множество инвективных высказываний, которые употребляются с целью оскорбить, задеть, обидеть, унизить, дискредитировать адресата, имеют пейоративную экспрессию неодобрения, пренебрежения, содержат явно негативную оценку.

О. Шольца, «несущего бред» («*wirres Zeug*»), и его ближайших коллег считают некомпетентными в их работе («*Scholz war von Anfang an eine Fehlbesetzung*»). Политика сравнивают со школьным мальчуганом («*Schulbub Scholz*»), снова подчёркивая его некомпетентность и недостаточные интеллектуальные способности, необходимые для успешного выполнения работы: «*Wer ist eigentlich dieser Olaf Scholz? Gerüchteweise habe ich gehört, er sei seit drei Jahren Bundeskanzler ... Und wenn man ihn mal zu sehen bekam, dann hat er wirres Zeug geredet, das jeder Realität entbehrt. Scholz war von Anfang an eine Fehlbesetzung,*

so wie der größte Teil seines Kabinetts auch». «Schulbub Scholz ist die Bundeskanzler Schultasche leider drei Nummern zu groß» (25).

В комментариях используются диминутивы, обладающие уничижительным характером: «Kanzler'le»; «Kanzlerchen»; «Männlein». «Kurz gesagt: Fragt den Scholz einfach, ob er die letzten Jahre „Kanzler'le“ gespielt hat. Antwort: „Weiß es nicht mehr» (25).

*«Das gescheiterte **Schrumpf-Kanzlerchen** ist an Arroganz kaum zu überbieten: statt froh zu sein, daß das Volk ihn nicht vom Hofe jagt, will er auch noch Bedingungen für seinen Abgang stellen – jämmerlich dieses Männlein»; «Olaf ist **Grinsebacke**»; «Wenn der kleine **Grinsekasper** wüsste, wie das Land über ihn lacht» (26).*

Лексемы «Grinsebacke» («зубоскал»), «Grinsekasper» («дурень», «шут») и «Schrumpf-Kanzlerchen» выходят за рамки нейтральных описаний внешности человека. На первый взгляд они кажутся безобидными и ироничными. Однако указание на непривлекательность внешнего вида реципиента унижает его достоинство.

Выделенная лексика выполняет функции «демонстрации бунта» со стороны равнодушных к политической обстановке в стране немецких граждан, а также «понижения социального статуса получателя сообщения через профанизацию речи» (по В.И. Жельвису).

Приведённые инвективы не являются резкими, поскольку сильные табу здесь не нарушаются (Жельвис В.И. Поле брани. С. 34). Наблюдается общая тенденция смягчения инвектив по причине недавнего скандала, связанного с т.н. случаем («Schwachkopf»-Fall). Один немецкий интернет-пользователь создал мем, на котором был изображен министр экономики Р. Хабек и надпись «**Schwachkopf PROFESSIONAL**» с аллюзией на бренд «Schwarzkopf Professionell». Против мужчины, создавшего мем, Р. Хабеком были выдвинуты серьёзные обвинения, а также был проведён обыск его квартиры (27).

Перечисленные диффамирующие вульгарные слова и выражения, типичные для коммуникации представителей партии «Альтернатива для Германии», направлены на множество групп людей: политиков других партий, коллег из

собственной партии и др. Подобная коммуникация, несмотря на её порой сатирический тон, является неэкологичной и содержит в себе ряд лингвотоксичных явлений. Агональный характер политического дискурса детерминирует лингвоэкологические проблемы, такие как конфликтогенность, вербальная агрессия, проявляющаяся в использовании инвектогенных, вульгаризированных языковых знаков.

Описанные токсичные коммуникативные практики оказывают драматическое негативное влияние на эмоциональное состояние отдельно взятой личности и общества в целом. Это подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных учёных (В.И. Шаховский, В.П. Коровушкин, С.В. ИONOва, Н.Н. Панченко, А.А. Штеба, Н.Г. Солодовников, A. Fill, D. Bolinger, S. Eliasson, E. Nākon Jahr, A. Mathias и др.), а также анализом, проведённым в рамках данной работы: в современных обществах наличествует высокий уровень вербальной агрессии, которая выступает в качестве симптома деградации и обеднения языка и речи.

В связи с этим основной задачей лингвоэкологии становится «выработка стратегии и тактики борьбы с насыщением речи бранной лексикой, в первую очередь – с лексикой, ещё недавно полностью запрещённой» (Там же. С. 9).

Вульгаризмы несут в себе отрицательный энергетический заряд с целью уничижения визави, понижения его статуса. Сама по себе вербальная агрессия – это лингвотоксичный процесс, нарушающий экологический баланс в коммуникации и приводящий к подрыву здоровья не только языка, но и носителей языка. Проведённый лингвистический анализ показал, что с помощью многочисленных вульгаризмов осуществляется демонстрация собственного превосходства и ненависти по отношению к своим конкурентам и иным группам населения.

В данном разделе помимо вульгаризмов затрагивается тема дискриминирующего языка, поскольку оба явления, выступая в роли лингвотоксичных процессов, так или иначе имеют множество пересечений в различных контекстах в силу родственной природы и схожести конечной цели –

оскорбления и унижения собеседника. В следующем разделе в фокусе внимания будут случаи дискриминации различных групп населения, которые могут быть классифицированы в зависимости от признака, лежащего в основе дискриминирующего высказывания.

2.2 Дискриминирующие языковые маркеры межличностного взаимодействия

Языковая критика, существующая в рамках эколингвистических исследований, обращается к вопросу политически некорректной речи, которая характеризуется дискриминацией групп населения по различным признакам. Дискриминирующий язык может быть направлен на какие-либо национальности, женщин, представителей сексуальных меньшинств, людей с ограниченными возможностями и т.д.

А. Филл отмечает, что движение политической корректности ратует за идею, согласно которой язык обладает способностью изменять паттерны мышления, которые в первую очередь связаны с так называемым «белым западным способом мышления». Ср.: «...Die Bewegung glaubt an die Macht der Sprache, Denkmuster zu ändern, vor allem solche, die vom "White western thinking" geprägt sind» (Fill A. Ökologlinguistik. Eine Einführung. S. 115).

Использование грубых вульгарных инвектив «может порой привести к потере лица бранящегося и не произвести желательного эффекта, в то время как намёк на какой-то болезненно переживаемый реальный недостаток (происхождение, сексуальные отклонения, физические недостатки и т.д.) способен вызвать резкую реакцию» (Жельвис В.И. Поле брани. С. 80).

С целью заявить о своём доминирующем положении инвектант может указывать на «слабые места» своего собеседника или же при отсутствии таковых вменять своему визави мнение о несуществующих недостатках.

В подобных ситуациях, на наш взгляд, можно вести речь о лингвотоксичных процессах, использующих лексические единицы и языковые выражения, которые приобретают в той или иной дискурсивной практике дискриминирующую форму.

В нашей работе мы опираемся на классификацию немецкого специалиста С. Майер-Фиракера, который выделяет следующие формы дискриминации: расизм (*Rassismus*) – система, утверждающая превосходство одной расовой группы над другими; сексизм (*Sexismus*) – негативное отношение или антипатия по отношению к людям определённого пола; эйблизм (*Ableismus*) – тип дискриминации, при котором трудоспособные люди рассматриваются как нормальные и превосходящие людей с инвалидностью, что приводит к предрассудкам в отношении последних; антисемитизм (*Antisemitismus*) – одна из форм национальной нетерпимости, которая выражается во враждебном отношении к евреям как к этнической группе, и др. (URL: Sprache und Diskriminierung).

М. Грауманн и К.Ф. Винтермантел, характеризуя дискриминацию и её природу, отмечают, что дискриминация является неравным отношением к людям на категориальном уровне, невзирая на их личностные характеристики и достижения. Ср.: «Ungleichbehandlung von Personen auf kategorialer Basis, also in der Regel ohne Berücksichtigung individueller Eigenschaften oder Verdienste ... so, dass Personen ihrer (tatsächlichen oder vermeintlichen) Gruppen- oder Klassenzugehörigkeit unterschiedlich behandelt werden» (Graumann C.F., Wintermantel M. Diskriminierende Sprechakte. Ein funktionaler Ansatz. S. 147).

2.2.1 Дискриминирующие сексизмы

Сфокусируем внимание на словах и выражениях, зачастую затрагивающих табуированные в обществе темы и направленных на дискриминацию каких-либо личностей по их половой принадлежности, сексуальной ориентации – сексизмах. Ср.: «Sexismus ist ein Oberbegriff für eine breite Palette von Diskriminierungsformen auf Basis des Geschlechts» (URL: Realitäts-Check! Geschlecht & sexuelle Orientierung).

Нижеперечисленные примеры содержат в себе дискриминирующие высказывания по отношению к женщинам.

Приветственная речь депутата баварского ландтага К. Штайнера, адресованная участницам фестиваля «Königinnentag», была воспринята именно как дискриминация в силу своей сексистской направленности: *«Erscheinen Sie einfach im Bikini oder im String, dann wird das kühl, die meisten werden ja so ausgestattet sein»* (28).

В рамках политического дискурса стоит обратить внимание на недавнее высказывание мэра Франкфурта-на-Майне П. Фельдмана в адрес стюардессы, взбудоражившее немецкое общество и охарактеризовано как сексистское. Ср.: *«Die Flugbegleiterin hat mich hormonell am Anfang erstmal außer Gefecht gesetzt»* (29).

Такие сексизмы, с одной стороны, могут вызвать неоднозначную реакцию, поскольку зачастую обладают эвфемизированной формой, с другой – конфликты и вербальную агрессию на почве дискриминации по половой принадлежности.

Выделенный тип дискриминации и особенности его языкового выражения рассматриваются нами также в немецком спортивном (футбольном) дискурсе. Интерес к данному дискурсу обусловлен тем, что «спорт, как всякое значимое социокультурное явление, получает своё отражение в коммуникативной деятельности человека. Как всякая коммуникация, он имеет свою вербальную составляющую, реализуемую в семиотическом пространстве» (Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагматического и лингвокогнитивного исследования. автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск. 2019. С. 15–16).

Основой исследования является материал, представленный на немецкоязычном интернет-портале «Sprach-Kick», который через формат «Realitäts-check» в эксплицитном или имплицитном модусе указывает на проблемы дискриминации (в том числе языковой) в спорте.

На футбольном стадионе зачастую могут прозвучать подобные сексистские высказывания, направленные на футбольных игроков или судей женского пола: *«Für Frauen haben die echt ganz gut gespielt»*; *«Was für ein schwuler Pass!»*;

«Frauen haben auf dem Fußballplatz nichts zu suchen»; «Frauen mit Kurven, aber Kurven ohne Frauen»; «Schiri, du schwule Sau!»; «Die scheiß Lesben» (30).

Высказывания «Für Frauen haben die echt ganz gut gespielt», а также «Frauen haben auf dem Fußballplatz nichts zu suchen» подчёркивают принадлежность игроков к женскому полу с целью оценки недостаточно хороших способностей данного гендера.

Скандируемые фанатами высказывания «Frauen mit Kurven, aber Kurven ohne Frauen»; «Schiri, du schwule Sau!»; «Die scheiß Lesben» также профилируют ситуацию дискриминации игроков по половой принадлежности, задействуя специфический спортивный жаргон и уничижительные (abwertend, herabwürdigend) грубые вульгаризмы.

Дискриминирующие сексизмы, основанные на стереотипизации гендерных ролей в обществе, могут проявляться как в эксплицитной, так и в имплицитной формах, поддерживая существующее неравенство. Сексизмы способны оказывать отрицательное влияние на различные сферы человеческой жизни, включая межличностные отношения, профессиональную сферу, образование, и др.

2.2.2 Дискриминирующие эйблизмы

Следующим видом дискриминации (одним из самых распространённых) является эйблизм (из англ. ableism, от able «способный», «дееспособный»), который обозначает системную дискриминацию по отношению к людям с инвалидностью, соматическими и психическими расстройствами. Ср.: «... Ableismus bezeichnet die strukturelle Diskriminierung aufgrund einer körperlichen oder psychischen Behinderung oder aufgrund von Lernschwierigkeiten» (URL: Realitäts-Check! Behinderung & Alter).

Зачастую социальные стереотипы в обществе представляют людей с инвалидностью в качестве отклонения от нормы, а здоровые, дееспособные личности рассматриваются как нормальные и превосходящие ранее упомянутых.

Так, словосочетания «*An den Rollstuhl gefesselt*» или «*trotz der Behinderung*» эксплицитно подтверждают недееспособность человека, буквально его «прикованность к инвалидной коляске». Ср.: «... Floskeln reduzieren behinderte Menschen auf ihre „Defizite“ und verstärken abwertende Bilder von Hilflosigkeit und Leid» (31).

Подобная неэкологичная дискриминирующая формулировка оскорбляет людей с ограниченными возможностями, а также накладывает на них ограничения, связанные со свободой передвижения, выбора профессиональной деятельности, развлечений и др.

Дискриминирующие эйблизмы также были зафиксированы в речи немецкого комедианта Л. Мокриджа в рамках подкаста «Die Deutschen», главной темой которого была история происхождения паралимпийских игр: «...у Вас же в стране тоже есть инвалиды? Нужно людей без рук и ног бросить в бассейн и посмотреть, кто будет быстрее всех. Кто утонет самым последним, тот и победил». Ср.: «*Hey, du kennst doch die Olympischen Spiele. Ich habe eine ähnliche Idee. Ihr habt doch auch Behinderte in eurem Land, oder? Sollen wir mal gucken, wer Schnellere hat? Es gibt Menschen ohne Beine und Arme, die wirft man in ein Becken – und wer als Letzter ertrinkt, der hat halt gewonnen*» (32).

Слова комедианта были интерпретированы как дискриминирующие и унижающие, а также подверглись резкой критике со стороны спортсменов-паралимпийцев.

Дискриминирующие эйблизмы, основанные на общественных стереотипах, способны усиливать социальное неравенство. Эйблизмы, высказанные в имплицитной (завуалированной) или эксплицитной формах, зачастую акцентируют внимание на неспособности человека, а также порой унижают его достоинство.

2.2.3 Дискриминирующие расистские и антисемитские высказывания

В современном немецкоговорящем обществе наибольшую тревожность вызывает тенденция усиления вербальной агрессии, выражающейся в числе прочего в дискриминирующих словах и высказываниях по отношению к беженцам. Языковая практика неминуемо испытывает на себе влияние ряда экстралингвистических факторов: миграционных кризисов, увеличения числа вынужденных переселенцев (Flüchtling).

Е.О. Зубарева справедливо замечает: «Миграция влияет на все сферы человеческой деятельности и является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии» (Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5, № 1. С. 35). В результате происходит размежевание на «свой / чужой» (по Р. Сапольски), повышается уровень ксенофобии и мигрантофобии.

Несмотря на расслоение населения страны, в то же самое время происходит слияние представителей ряда национальностей, о котором пишет немецкий исследователь Й. Шарлот в своей книге «Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten». Результаты анализа правопопулистской риторики в Германии, по мнению учёного, явно демонстрируют наличие проблемы, связанной с перенаселением страны беженцами: «*Deutschland liegt in Eurabien*». Слово «*Eurabien*» (Europa und Arabien) имплицитно демонстрирует смешение двух миров, европейского и арабского, в частности перенаселённость Европы представителями арабских государств. Автор приводит обширную классификацию нелитературной лексики и шуток на тему миграции: «*Deutschland ist Jedermannsland*» («Германия для всех»), «*Asylwonderland*» («мечта для беженцев»), «*MultiKultiZuckerbäckerland*» («мультикультурная кондитерская страна») и др. (33).

Проблемы, связанные с миграционными процессами, все чаще исследуются с лингвистической точки зрения. Т. Штель считает, что основной задачей миграционной лингвистики является изучение языковых и социолингвистических

аспектов миграционных процессов, которые в последующем можно наблюдать в ситуациях трансфера культуры и языкового контакта (URL: Stehl T. Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik).

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс, одним из базовых концептов которого выступает концепт «Flüchtling». Изучению этого концепта уделяют внимание многие учёные: Е.О. Зубарева, Т.А. van Dijk (рассмотрение миграции как феномена, влияющего практически на все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную); М.А. Марусенко (миграция в эпоху глобализации, постмодерна и изменения системы языков); М. Чоллек (идея намеренной «дезинтеграции мигрантов в рамках мультикультурного общества с целью сохранения собственной идентичности»); М. Амджахид (формирование «антирасистского мышления» в немецком обществе); А. Матиас (рассмотрение концепта «беженец» в песенном дискурсе); J. Scharloth (использование правопопулистами hatespeech с целью демонстрации миграционного кризиса в немецком обществе), Т. Штель, Е. Крефельд, Н. Маас, Л. Третов (возникновение «гибридных языковых идентичностей» и формы их существования в немецком языке) и др.

Приведём пример дискриминации по расовому признаку, которая демонстрирует «враждебную коммуникацию» («*Ressentimentkommunikation*»), в терминологии П. Брунссена (URL: Wie viel Antisemitismus steckt in der Kritik an RB Leipzig). Сопредседатель фракции АдГ («Альтернатива для Германии») А. Гауланд высказался следующим образом по отношению к темнокожему игроку сборной Германии по футболу Ж. Боатенгу (он является бывшим игроком сборной Германии по футболу): **«Die Leute finden ihn als Fußballspieler gut. Aber sie wollen einen Boateng nicht als Nachbarn haben»** («Люди считают его хорошим футбольным игроком, но не хотели бы, чтобы он был их соседом») (34).

Данное высказывание, с одной стороны, подчёркивает значительные профессиональные результаты Ж. Боатенга, с другой – снабжено отрицательной

тональностью и указывает на национальную принадлежность футболиста, «не приветствуемую» в обществе.

Указание на проблему миграционного кризиса и перенаселённости Германии арабами, а также нехватку футбольных игроков именно немецкой национальности было зафиксировано интернет-порталом «Sprach-Kick», на котором анализируются проблемы расовой дискриминации в спорте (в частности в футболе): «*In unserer Team spielen **keine Deutschen mehr, sondern nur noch Moslems***» (35).

Дискриминирующие тенденции в немецкоязычной коммуникации часто фиксируются в рамках миграционного дискурса. На данный момент ФРГ по-прежнему остается наиболее привлекательной страной для мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и др. По этой причине немецкое общество находится в крайне напряжённом состоянии, что является катализатором к тематизации запретов и табу на дискриминацию людей по национальному признаку.

Тема национальной принадлежности также была затронута немецким канцлером О. Шольцем, который выступал на съезде протестантских церквей Германии в Нюрнберге. Речь политика была встречена возмущением и критикой со стороны журналистов и немецкого общества в целом, поскольку содержала в себе неуместную дискриминирующую шутку, указывающую на миграционный кризис и бедственное положение беженцев, вынужденных пересекать Средиземное море для достижения своей цели: «*Ich habe schon den Witz beim Europäischen Rat gemacht: Deutschland muss einen großen Strand am Mittelmeer haben. Denn tatsächlich **kommen mehr Flüchtlinge**, die über das Mittelmeer nach Europa kommen, in Deutschland an als in den Mittelmeer-Anrainerländern im Einzelnen*» (36).

Канцлер выступил с поддержкой новых правил миграционной политики и иронично заметил, что Германии следует уже иметь свой собственный пляж на берегу Средиземного моря, поскольку именно в Германию прибывает намного больше беженцев, нежели в другие страны.

Участники карнавальных шествий в городе Бад-Шандау провели акцию под названием «**Blackfacing**». В ходе демонстрации были развёрнуты транспаранты с

надписью «*Die lange Schlange aus der Savanne*» («длинная очередь из Саванны»), смысл которых можно эксплицировать следующим образом: у прибывших в Германию мигрантов чёрный цвет кожи и их количество неуклонно растёт (37).

Подобные действия были обозначены местными политиками как «расистская провокация» («*menschenfeindliche Provokation*») и полное неуважение к представителям других национальностей (37).

Ранее в рамках карнавальных шествий местные жители нарядились в типичные национальные костюмы жителей африканских стран, вооружившись транспарантами с надписью: «*Asylranch*» (37), имплицитно указывая на статус Германии как страны, являющейся убежищем для огромного миграционного потока.

Один из бывших студентов полицейской академии, который принял решение о прекращении своего обучения, поскольку ему часто приходилось сталкиваться с расистскими высказываниями по отношению к беженцам, исходившими от преподавателей, также привёл в пример следующую цитату: «*Wir müssen schießen lernen, weil so viele Flüchtlinge nach Deutschland kommen*» (38).

Бывший студент упоминает тайный коллегиальный чат «Die Elite», содержащий националистические короткие речёвки: «*Wir sind aus Cottbus, und nicht aus Ghana, wir hassen alle ... Afrikaner, Ole Ole*»; «*Musste zwei Mettbrötchen essen und 3 große Pils trinken, um zu beweisen, dass ich kein Moslem bin*» (38).

Работники полиции в эксплицитной форме демонстрируют нетерпимость к беженцам африканского происхождения и подчёркивают свою принадлежность к немецкой национальности, что доказывает существование в немецком обществе антагонизма различных культур.

В фокусе нашего внимания также находятся метафорические репрезентации миграционного дискурса. Наш интерес обусловлен тем, что миграционные процессы находят своё отражение в языке, во многих сферах коммуникации.

Социальное взаимодействие, коммуникация порой немыслимы без «одного из главных рычагов сознания» – метафоры. В.В. Новичкова подчёркивает идею о том, что метафора выступает в роли одного из наиболее действенных механизмов

познания многих концептов (Новичкова В.В. Метафора как когнитивный рычаг эволюции смысла. М. 1991. С. 2).

В силу того, что метафора является «рычагом сознания», «орудием мышления», носителю языка удаётся познать более глубокие смыслы и значения слов и выражений, так как человек «думает, говорит и действует в рамках метафор» (Lakoff G., Wehling E. *Auf leisen Sohlen ins Gehirn. Politische Sprache und ihre heimliche Macht*. Heidelberg. 2009. p. 214). «Метафора является наиболее точным “выстрелом”, воздействие которого намного сильнее воздействия простой речи» (Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М. Киев. 2001. С. 78).

Некоторые метафоры могут быть дискредитирующими, унижающими и рассматриваются как часть вербальной агрессии. Неуместность способствует не только созданию дополнительных сложностей в коммуникативном процессе, но и нарушению «здоровья» языка. Подобная проблематика также входит в перечень направлений лингвоэкологии.

Так, концепт «беженец» («*Flüchtling*»), выступая в роли одного из ключевых концептов немецкого миграционного дискурса, является основой для формирования метафорических моделей. Областью-донором для подобных моделей становится экологическая сфера. Выявленные метафоры могут быть сгруппированы в следующие метафорические блоки:

– медицина и болезни («*Fremde Völker hausen hier wie die schwarze Pest*» и др.) (39); («*Flüchtlings-, Massenzuwanderungspest*», «*Multipest-Träger*», «*Tollwuthorde*», «*Anti-Deutschland-Virus*», «*Selbstabschaffungsvirus*», «*Selbstzerstörungsvirus*», «*Dritte-Welt und Invasoren-Zombies*» и др.) (33);

– фауна («*Halts Maul, Kamel-treiber*»; «*Sau-Ausländer*») (40);

– вода («*Flüchtlingsströme*», «*Flüchtlingswelle*») (41);

– природные явления («*Lawinen kann man auslösen, wenn irgendein etwas unvorsichtiger Skifahrer an den Hang geht und ein bisschen Schnee bewegt*») (42);

– зависимости и психические расстройства у принимающей нескончаемые потоки мигрантов стороны («*Toleranzsucht*», «*Alle-sind-gleich-Wahn*», «*Flüchtlings-Willkommen-Wahn*», «*Schuldkulturwahn*» и др.) (33).

Вышеперечисленные примеры метафор демонстрируют явную негативную оценочность, «формирующую неблагоприятное впечатление о миграционных процессах и вынужденных мигрантах» (URL: Wieso Wörter wie «Flüchtlingswelle» gefährlich sein können). Как справедливо замечает А. Матиас, подобные метафоры дегуманизируют данную социальную группу (Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen. Frankfurt am Main. 2015. 336 S.).

Вслед за Ю.А. Сорокиным уместно подчеркнуть, что определённые слова или выражения представляют собой некий конденсат индивидуальных и коллективных оценок, которые, хранясь в памяти отдельного индивида или общества в целом, способны выступать в роли триггеров для данного общества (Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 1988. С.8).

Концепт «Flüchtling» реализуется в немецком языке в числе прочего через призму высказываний с «юмористической тональностью» (по В.И. Карасику), в которых в основном фиксируется дискриминирующее отношение к вынужденным мигрантам.

Следующее шутливое высказывание оформлено с помощью ресурсов юмористического дискурса и имплицитно указывает на бедственное положение беженцев при их вынужденном переселении: «*Wieso hat Syrien keine Olympia Mannschaft? – Weil beste Schwimmer und Läufer in Europa sind*» (43).

В данном примере через обращение к спортивной тематике приводится в действие механизм «семантической конфронтации» (по В.Е. Чернявской) за счёт помещения в один контекст слов «Schwimmer» и «Läufer», значения которых переносятся из концептосферы «олимпийские спортивные дисциплины» (плавание, бег) в политический нарратив (вынужденные мигранты из Сирии, перед которыми стоит экзистенциальный вопрос спасения своей жизни и перемещения в благополучный, по их мнению, регион).

Аналогичная ирония реализуется при помощи спортивной метафоры, которая создается использованием отдельных лексем «Tor» «Pass»: «*Warum machen Flüchtlinge keine Tore? Weil sie keinen Pass bekommen*» (43).

Миграция – это опасный для жизни процесс, поскольку люди, вынужденно покидающие свою Родину, теряют деньги, имущество и порой жизнь: «*Mir steht das Wasser bis zum Hals. Mohammed, 22, Flüchtling*»; «*Wer nimmt die meisten Flüchtlinge auf? Das Mittelmeer*»; «*Mein Humor ist wie ein Flüchtling kommt nicht immer gut an*»; «*Wie bekommt man 1.000 Follower in kurzer Zeit? Mit einer Wasserflasche durch Afrika laufen*» (43).

Идиоматическое выражение «sich in Grenzen halten» («держаться в рамках приличия») также имплицитно подчёркивает безвыходное положение беженцев: «*Gibt es einen Unterschied zwischen einem Flüchtling einem schlechten Witz? Der schlechte Witz kann sich in Grenzen halten!*» (43).

Смешение спортивного и политического дискурсов можно наблюдать в другом примере.

После победы сборной Германии на Чемпионате Европы 2024 по футболу в игре против команды Венгрии немецкий политик К. Дагмар Гёринг-Эккардт опубликовала на одной из социальных платформ следующее высказывание: «*Diese Mannschaft ist wirklich großartig. Stellt euch kurz vor, da wären nur weiße deutsche Spieler*» («Эта команда действительно превосходна. Только представьте себе, если бы в ней играли только белые немецкие игроки») (44).

Ещё одним ярким примером дискриминации по национальному признаку является событие, связанное с недавним скандалом, разгоревшимся на одной из дискотек немецкого острова Зильт.

Музыкальный трек «L'amour toujours», принадлежащий исполнителю Gigi D'Agostinos, был видоизменён путём инкорпорирования в него высказывания «*Deutschland den Deutschen. Ausländer raus*» (букв. «Германия только для немцев. Иностранцы, убирайтесь прочь»). Аналогичные ситуации произошли одновременно в других городах Германии, что вызвало мощный резонанс со стороны немецкого населения, журналистов, политиков и др. и было воспринято

общественностью как недопустимое расистское явление, оскорбляющее людей с миграционным прошлым (45).

Интерес для дальнейшего исследования дискриминирующей языковой практики представляет зеркальное явление, известное как «обратная дискриминация».

Следующий пример отражает суть этого феномена. Немецкая железнодорожная компания «Deutsche Bahn» запустила в знак поддержки открытого, толерантного общества и людей с нетрадиционной ориентацией поезд, окрашенный в цвета радуги. Многие представители общества были не просто возмущены подобной акцией, но даже заявили о том, что теперь они, люди традиционных взглядов, чувствуют себя уязвлёнными и дискриминированными.

Один из пользователей Твиттера опубликовал следующий пост: *«Das ist nämlich eine Diskriminierung von Heterosexuellen und ich weigere mich, diesen Zug zu benutzen»*. Железнодорожная компания отреагировала на этот твит коротко и сухо: *«Laufen soll sehr gesund sein. Viel Vergnügen!»* (46).

Вышеупомянутый пример носит на данный момент скорее сатирический характер. Проблема дискриминации всё ещё является сложным и дискуссионным вопросом.

Следующим видом дискриминации является антисемитизм, который, по мнению М. Шварц-Фризель, представляет собой токсичную структуру, яд, проникающий в повседневную коммуникацию, и, со временем укореняющийся в немецком коллективном бессознательном. Ср.: *«Das Gift heißt Judenfeindschaft, das Mittel ist die Sprache und der Tatort der Verabreichung ist die alltägliche Kommunikation ... denn die toxische Struktur ist Teil der kulturellen Grundsubstanz unserer Gesellschaft, unseres kollektiven Bewusstseins ...»* (Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen. S. 8).

Учёный считает, что использование антисемитских высказываний в речи способно привести к серьёзным последствиям для психики адресата. Ср.: *«Dieser*

Geist ... kann gravierende Auswirkungen auch für die psychische Realität haben ... judenfeindliche Äußerungen sind geistiges Gift» (Там же. S. 16).

Антисемитизм связан с предвзятым отношением, ненавистью и враждебностью по отношению к евреям (людям еврейского происхождения, исповедующим иудаизм или принадлежащим к еврейскому сообществу) (URL: Was Antisemitismus ist). Ненависть проявляется в виде дискриминации, оскорблений, социальной изоляции.

Высказывание «*Du Jude*» было зафиксировано в повседневной и институциональной немецкоязычной коммуникации (например, в учебных заведениях). Оно буквально означало «ты не принадлежишь к большинству», и использовалось с целью оскорбить и изолировать собеседника. При этом не имело значения, принадлежит ли получатель подобного сообщения к представителям еврейской национальности.

Таким образом, первоначально нейтральное слово трансформировалось в оскорбление, создающее негативный образ евреев в немецком обществе, «ein negatives Bild von jüdischen Menschen» (47).

Следующим примером проявления антисемитизма является песня «*Eine U-Bahn, eine U-Bahn, eine U-Bahn bauen wir, von Jerusalem bis nach Auschwitz, eine U-Bahn bauen wir*», которая множество раз напевалась немецкими футбольными фанатами во время различных матчей.

Слово «Jerusalem» каждый раз заменялось на название команды-противника. В частности, фанаты команды «Боруссия Дортмунд» («Borussia Dortmund») напевали песню во время игры против «Майнц 05» («Mainz 05»): «*Eine U-Bahn, eine U-Bahn, eine U-Bahn bauen wir, von Mainz bis nach Auschwitz, eine U-Bahn bauen wir*» (48).

В соответствии с немецким законодательством подобное высказывание расценивается как уголовно наказуемое деяние – разжигание межнациональной или расовой ненависти.

Случай проявления дискриминирующего антисемитизма также был зафиксирован во время демонстрации партии «Правые» в День народного траура в

немецком городе Брауншвейг. Один из представителей ультраправого политического движения подобным образом обратился к присутствующим репортёрам: «*Judenpresse*»; «*Feuer und Benzin für euch*»; «*Judenpack*», критикуя журналистов и указывая на то, что еврейское сообщество контролирует немецкое СМИ (49).

Данная риторика, обозначенная немецкой общественностью как антисемитская клевета («antisemitische Hetze»), свидетельствуют о существовании проблемы дискриминации по национальному признаку в Германии.

Анализ случаев дискриминации представителей еврейской национальности в рамках различных дискурсов позволяет сделать вывод о том, что концепт «еврей» («Jude») зачастую вбирает в себя отрицательную коннотацию и присутствует в ряде оскорбляющих высказываний. М. Шварц-Фризель указывает на наличие токсичной семантики, которая вуалируется в подобных высказываниях и интерпретируется как «свобода мнения», «разнообразие дискурсов», «культура открытых дебатов», «критика». Ср.: «... süße Ummantelungen durch Begriffe wie „Meinungsfreiheit“, „Diskursvielfalt“, „offene Debattenkultur“ oder „Kritik“, die die toxische Semantik verschleiern» (Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen. S.13).

Антисемитские дискриминирующие слова и высказывания выступают в роли вербальной агрессии и насилия, вызывают деструктивные мысли и чувства, а также разжигают межнациональную вражду и размежевание общества на «свой-чужой».

Лингвистам, в частности лингвоэкологам, приходится сталкиваться с вопросами морали. Так, популярная книга А. Стефановича «Вопрос морали. Почему нам нужно использовать политически корректный язык» («Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen») повествует о политической корректности, означающей активное противодействие использованию дискриминирующей языковой практики. А. Стефанович призывает к выбору таких языковых форм в речи по отношению к другим людям, которые говорящий счёл бы приемлемыми для себя самого. По его мнению, необходимо избегать излишних

обобщений и сравнений (Stefanowitsch A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin. 2018. 63 S.).

Подводя итог, отметим, что исследование лингвоэкологического дискурса содержит в себе мощнейший потенциал для изучения языковых проблем, которые неизбежно характеризуют состояние общества. Мы вслед за иностранными коллегами работаем в данном исследовательском поле, выступаем за здоровую толерантность («*Gesunde Toleranz*»). Смысл её сводится к тому, чтобы, участники коммуникации, с одной стороны, взвешенно и скрупулёзно подбирали слова, предложения, фразы, с другой – старались правильно интерпретировать речевое поведение других и не провоцировать конфликтогенные ситуации.

2.3 Неэкологичность речевого паттерна «двойного сообщения»

Осознание факта существования определённых эффектов у любого высказывания зиждется на «прагматике говорящего (инициальная интенция) и прагматике слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения ... с целью их оптимизации необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тьюнинг» (Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения С. 25). Неконгруэнтная прагматика может являться причиной возникновения когнитивного или эмоционального диссонанса и, как следствие, неуспешности коммуникации.

Одним из примеров неуспешности коммуникативного события служит феномен «двойного сообщения» (double bind), который, по нашим первоначальным наблюдениям, является лингвотоксичным.

Феномен double bind («двойное сообщение» «двойная ловушка») первоначально начал исследоваться в рамках психологии и психиатрии (Г. Бейтсон, П. Вацлавик, S. Shoham и др.), но в последующем привлёк внимание учёных из других научных сфер: маркетинга (Н. Бариле и др.), политики

(С.П. Поцелуев, S. Grigat, F. Unger и др.), менеджмента (С.А. Тихомиров, C. Rodriguez, D. Pérez, A. Kutz, R. Shah, и др.).

Данный лингвотоксичный феномен также представляет интерес для лингвистического сообщества, поскольку он сопровождается рядом лингвистических и паралингвистических маркеров, имеющих дестабилизирующий характер как для «здоровья» языка, так и для здоровья человека.

Феномен double bind описывает «коммуникативную ситуацию, в которой адресат получает от адресанта взаимно противоречащие указания, принадлежащие к разным уровням коммуникации и основанные на так называемом “многоуровневом противоречии”» (Тихомиров С.А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративном управлении, управленческом учете и коммуникациях компании в процессе принятия решений. С. 18). Этот коммуникативный паттерн выступает в роли непростой ситуации, в которой существует две возможности выбора, однако каждый из вариантов может привести к плохому результату ... выйти из подобной ситуации коммуникант не может, так как находится в подчинённом положении (Майер Б.О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник НГПУ. 2012. № 3. С.44).

Немецкий исследователь Х. Айхер подчёркивает, что в любой конфликтной ситуации собеседнику, на которого осуществляется определённое давление, необходимо иметь некий запасной выход, позволяющий избежать эскалации конфликта. Ср.: «Bei jedem ernsthaften Konflikt trägt eine angebotene Hintertür für den Konfliktgegner wesentlich dazu bei, dass die Situation nicht eskalieren kann» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 105).

Жёсткие рамки парадоксальной и противоречащей здравому смыслу коммуникации двойного сообщения закрепощают адресата, отнимают у него способность принимать какое-либо адекватное решение (Антух Г.Г. Психопатология повседневной коммуникации с точки зрения иерархического подхода к решению проблемы парадоксов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 18). Указанный феномен

дестабилизирует устоявшиеся социальные институты, а также разрушает «традиционные поведенческие паттерны» (Куликова Э.Г., Акай О.М., Тедеева З.К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2022. Вып. 3(59). С. 23).

М. Шварц-Фризель справедливо замечает, что *токсичные языковые структуры* оказывают серьёзное влияние на психику человека. Ср.: «... gravierende Auswirkungen auch für die psychische Realität haben» (Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen S.16).

Последствия, формирующиеся в результате использования подобных структур, являются губительными и порой опасными для жизни. Среди возможных последствий дестабилизирующей double bind коммуникации специалисты (А. Кутц, Х. Айхер и др.) отмечают: 1) истощение организма, потеря ориентации в пространстве, появление страха и агрессии; 2) невроз, депрессия, различные зависимости; 3) аллергии, астма, заболевания кожи и щитовидной железы, бессонница; 4) неэффективная работа сотрудников и всей компании в целом, конфликты внутри коллектива; 5) лишний вес и диабет; 6) синдром эмоционального выгорания; 7) истощение иммунной системы и подверженность множеству вирусных заболеваний и т.д.

Человеческий мозг вырабатывает кортизол, гормон стресса, в результате постоянного стресса, вызванного деструктивной коммуникацией, которая наполнена вербальными атаками и циничными замечаниями, истощающими человеческую нервную систему (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 24).

В настоящее время ощущается нехватка лингвистических работ, анализирующих особенности функционирования двойных сообщений. Поэтому данное исследование ставит перед собой задачу изучить отличительные черты паттерна «двойного послания» с точки зрения языковых маркеров, которые его детерминируют. Анализ феномена осуществляется на примере трёх дискурсивных

практик: коммуникации между лицами, состоящими в любовных отношениях, корпоративного общения (начальник и подчинённый), коммуникации между родителями и детьми.

2.3.1 «Двойное сообщение» в сфере профессионального общения

Сфера делового общения порой токсична в силу «нарушения основополагающих принципов и норм профессиональной этики» (Глущенко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // *Communicology*. 2021. Vol. 9, № 4. С.164).

В настоящий момент корпоративному миру, претерпевающему стремительные изменения и вбирающему в себя новые взгляды на будущее, требуется развитие новых перспектив и концепций в сфере, которая касается стиля руководства. Подобный запрос объясняется существованием такого акронима, как VUCA-Arbeitswelt – Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity (профессиональный мир, характеризующийся непостоянством, неуверенностью, сложностью и неопределённостью) (Franken S. Frauen im digitalen Zeitalter: Neue Chancen vs. alte Stereotypen // *Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation*. – Wiesbaden, 2021. S. 221).

К наиболее востребованным компетенциям относятся эмпатия, способность к кооперации и работе в команде, ориентация на построение доверительных отношений в коллективе, креативность и открытость всему новому (Там же. S. 222).

Исследование, проведенное Рурским университетом в Бохуме, показало, что среди 3500 опрошенных работников немецких предприятий только 20% показали достаточный уровень удовлетворённости своим руководством, в то время как 56% были им недовольны (Kuhn T. Weibler J. Bad leadership – Warum uns schlechte Führung oftmals gut erscheint und es guter Führung häufig schlecht geht. Vahlen. 2020. 156 S.).

Одной из основных причин недовольства является токсичный стиль руководства, характеризующийся философией «Win-or-die», сопряжённой с

такими характеристиками, как высокомерие, эгоизм, пренебрежение интересами подчинённых, непредсказуемость, nepoтизм, нежелание вступать в открытую коммуникацию и предоставлять прозрачную информацию по тем или иным вопросам (Schwuchow K. *Mittelpunkt Mensch? Die Toxik der neuen Arbeitswelt. Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation*. Wiesbaden. 2021. S. 24–26).

Интересно отметить такой статистический факт: в 2019 году были проведены опросы среди работников различных немецких компаний, которые показали, что почти 67 тысяч работников вынуждены были раньше уйти на пенсию в результате того, что страдали психическими заболеваниями, вызванными большим количеством стрессовых ситуаций на рабочем месте и токсичными условиями труда (Geramanis O., Hutmacher S., Walser L. *Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation*. Wiesbaden, 2021. S.22).

К основным профессиональным заболеваниям XXI века относятся не пневмокониоз или асбестоз, а вызванные стрессом психические болезни. Несмотря на наличие подобной тенденции, на предприятиях всё же основное внимание уделяется «физической целостности и неприкосновенности» (Там же).

Подобная статистика заставляет задуматься о роли руководства предприятий, поскольку одной из основных ключевых способностей профессионального руководителя являются контроль окружающей его действительности (Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М. 2008. 304 с.), а также в какой-то степени коррекция картины мира его визави (Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. 2021. 308 с.). Это означает, что руководитель выполняет роль не только начальника, но и партнёра, стимулирующего интеллектуальную и эмоциональную деятельность работников («*intellektuelles und emotionales Engagement*») (Geramanis O., Hutmacher S., Walser L. *Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation* S. 23).

Однако если коммуникативные тактики и стратегии управленца могут быть охарактеризованы как токсичные, то моральный климат в коллективе неизбежно

оказывается под деструктивным влиянием, и, как следствие, возникает так называемая «асимметричная коммуникация» (Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 6).

Таким образом, наряду с таким явлением, как асимметричность коммуникации, рождается так называемый «горизонтальный моббинг» или «боссинг» («horizontales Mobbing», «Bossing») (в терминологии Х. Айхера), «включающий в себя ряд деструктивных действий по отношению к подчинённым» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 149).

Следующие примеры противоречивых распоряжений или приказов содержатся в ситуациях презентации новой продукции, участия работников компании в проекте, делегирования различных задач, привлечения внешнего консультанта и т.д. в рамках работы конкретного предприятия:

*«Sie müssen mit Blick auf das neue Produkt proaktiv Kundenkontakte aufnehmen ... die Kunden für dieses Produkt gewinnen ... **aber auf keinen Fall dürfen Sie über das noch geheime Produkt irgendwelche Informationen herausgeben**» (50).*

В данной коммуникативной ситуации double bind профилируется следующим образом: при условии сохранения полной конфиденциальности информации о новом продукте руководитель фирмы настаивает на рекламировании данного товара, однако одновременно он инструктирует сотрудников, реализующих проект, указывает на необходимость не распространять информацию о товаре, всё ещё являющейся секретной. Основными маркерами «двойной ловушки» являются противительный союз «aber»; модальный глагол «dürfen», а также словосочетание «auf keinen Fall», выражающие запрет. Иллокутивная сила вышеприведённых высказываний придаёт распоряжению начальника директивную окраску.

*«Sie müssen der Runde klar machen, dass wir unter diesen Bedingungen die geforderte Geldsumme nicht aufbringen können, und deswegen aus dem Projekt zum Jahresende aussteigen müssen. **Auf keinen Fall darf aber der schwarze Peter zu uns***

geschoben werden, wenn wegen dieses Ausstiegs das gesamte Projekt "den Bach runtergeht"» (50).

Руководство компании на данный момент намерено выйти из проекта, поскольку не способно совершить необходимую инвестицию в него. Одновременно союз «aber», словосочетание «auf keinen Fall», а также модальный глагол «dürfen» с отрицанием в эксплицитной форме накладывают запрет на критику подобного решения в случае провала проекта. Таким образом осуществляется попытка снять с себя ответственность за совершаемые действия.

«Wieso haben Sie das nicht anders entschieden? Man kann Sie aber auch nichts machen lassen! Wieso maßen Sie sich an, das zu entscheiden? Wie kommen Sie auf die verrückte Idee, dass Sie das zu entscheiden hätten?» (50).

Данный пример демонстрирует так называемое токсичное ампутированное делегирование задач («лживое ограничение»), характеризующееся наличием двух взаимоисключающих сообщений в речи начальника: первое сообщение стимулировало работника к самостоятельному принятию решений, второе сообщение отменяло ранее сказанное [Ibid.].

*«Dieses Projekt muss heute fertig werden. **Aber** Sie müssen sorgfältig arbeiten, wir können uns **keine Fehler** erlauben!» (51).*

Распоряжение руководства, содержащее в себе противительный союз «aber» и словосочетание «keine Fehler», имплицитно подразумевает возможность наказания сотрудников в случае возникновения ошибок или невыполнения работы в заявленные сроки. Данная ситуация сопровождается жёстким цейтнотом и стрессом.

*«Helfen Sie uns beim Abstellen unserer Missstände!», «**Aber Sie dürfen auf keinen Fall etwas verändern!**» (50).*

При привлечении «внешнего консультанта» с целью оптимизировать работу компании принимается парадоксальное распоряжение устранить имеющиеся пробелы, не изменяя целостной системы. Подобное сообщение сопровождается рядом невербальных сигналов, паралингвистических средств в виде агрессивной интонации и жестов, что несёт в себе ещё большее психологическое давление.

2.3.2 «Двойное сообщение» в сфере гендерного общения

Исследуемый феномен также встраивается в коммуникативные ситуации в рамках любовных отношений. Х. Айхер указывает на «ошеломительную» силу слова в сфере любви и его способность не только транспортировать информацию из точки А в точку Б, но оставлять глубокие следы в эмоциональной памяти человека (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 31–32).

Приведённые примеры из дискурса любовных отношений включают в себя парадоксальные высказывания:

«Sicher kannst du heute Abend mit deinen Freunden weggehen, du bist ein freier Mensch!» (51).

Высказывание, сопровождающееся интонационной модальностью в виде обиды и упрёка со стороны женщины по отношению к своему супругу, вызывает недоумение и провоцирует конфликтную ситуацию. Стоит ли мужчине реализовать построенные планы или остаться дома – для мужа расшифровка двойного сообщения становится тяжело выполнимой задачей.

«Komm zu mir her, lass mich *aber* in Ruhe» (52).

Противительный союз «aber», а также негативное предписание, включенное в данное высказывание, ставят получателя сообщения в тупик и не оставляют ему выбора в принятии решения. Реципиент незаметно превращается в жертву, не способную избежать конфликта или наказания за неисполнение приказа. Подобная коммуникация является примером так называемых пограничных отношений, рождающих бессилие и растерянность.

«Du musst mich beim heutigen Arztbesuch nicht begleiten, du hast auf der Arbeit genug zu erledigen» (52).

Данное сообщение, содержащее повелительное наклонение и модальный глагол «müssen», а также сопровождающееся обиженным тоном, способствует появлению у собеседника недоумения и чувства недосказанности.

2.3.3 «Двойное сообщение» в сфере детско-родительского общения

Обратимся к дискурсу «отцов и детей», в рамках которого дети, находясь в зависимости от родителей, могут получить психологическую травму, поскольку вынуждены сталкиваться с парадоксальными, двойственными сообщениями (URL: Falle Double Bind):

«Willst du mir nicht "hallo" sagen? ... Jetzt brauchst du auch nicht mehr kommen» (51).

Когда мать забирает ребёнка из детского сада, то обнаруживает, что тот занят своими делами и ещё не заметил прихода мамы. Далее следует высказывание матери («Ты что не хочешь поздороваться со мной? ... Ну что ж, тогда не нужно ко мне подходить»), демонстрирующее её желание, с одной стороны, привлечь к себе внимание, с другой – отвергнуть детские объятия. Ребёнок получает от близкого человека, а также авторитетной личности два противоречащих друг другу высказывания и не способен уточнить, на какое из них ему нужно реагировать. Первая часть сообщения, инициирующая общение, свидетельствует о готовности к взаимодействию. Вторая часть содержит конструкцию «brauchen + nicht + Infinitiv», отрицание и повелительное наклонение, которые аннулируют смысл предыдущего призыва.

«Mir macht das auch keinen Spaß, aber weil ich dich liebe / du mich dazu zwingst, muss ich dich bestrafen» (51).

Ребёнок находится в зависимом, подчинённом положении в рамках его отношений с родителем, который, пользуясь подобным положением дел, позволяет себе сложное противоречивое высказывание: «Конечно, мне неприятно это делать, но я из любви к тебе / раз уж ты меня вынуждаешь, должен тебя наказать». Маркеры в виде противительного союза «aber», директивный тон лишают ребёнка права принять самостоятельное решение в сложившейся ситуации. Ребёнок, склонный доверять кажущейся логичной на первой взгляд аргументации взрослого, не способен оказать сопротивления.

Большинство из приведённых примеров включают в себя противительный союз «aber», рождающий противостояние в коммуникации. Исследователь Х. Айхер даже вводит отдельный термин «люди “да, но”» («Ja, aber Mensch»). Такие люди склонны использовать союз «aber» в каждой дискуссии, имплицитно кодируя в своём высказывании смысл: «Я знаю это лучше, чем ты» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 86).

Противительный союз «aber», зачастую присутствующий в рамках корпоративной коммуникации, в беседе между начальником и подчинённым, разделяет вводное позитивное (подбадривающее) высказывание начальника и последующее негативное выражение. Сказанные в первую очередь подбадривающие слова являются своеобразным прологом к критике и создают таким образом платформу для выработки гормонов стресса в мозгу реципиента. Ср. «Die anerkennenden Worte sind der Vorspann zur anschließenden Kritik. Daher werden sie nur mit einem halben Ohr wahrgenommen, weil im Gehirn bereits eine Erwartungsspannung aufgebaut wurde. Und zwar im Hinblick auf das, was folgen wird – die Kritik. Auch wenn diese vorsichtig und ohne Wertungsabsicht formuliert wird, setzt sie Stresshormone frei» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 142).

Лингвистические маркеры в виде агрессивных директив, императивных высказываний, включающих модальные глаголы (wollen, müssen, dürfen, sollen, brauchen + nicht + zu и др.), подкрепляются рядом паралингвистических средств, совершая порой психологическое насилие над собеседником. Скрытые упрёки, обиды и агрессия, закодированные в мимике, жестах и тембре голоса, помещают визави в манипулятивную ловушку.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что с двуликими сообщениями, противоречащими правилам этики и принципам экологичной коммуникации, можно столкнуться в различных сферах жизни – в корпоративной сфере, семейных отношениях и т.д.

Феномен double bind, имея неэкологичный (токсичный) характер, относится к лингвоэкологическим проблемам и нуждается в дальнейшем исследовании.

2.4 Маркеры гендерного расслоения языка

В число основных атрибутов лингвоэкологических исследований входят *критика языка и забота о языке*. В данном разделе речь пойдёт о *феминистской критике языка*, которая зиждется на относительно новом направлении – феминистической лингвистике и гендерных исследованиях (Gender Studies). «Как социокультурный феномен гендер конструируется в процессе речевой деятельности общества: гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентификация манифестируются в языке и с его помощью» (Андреева В.А. Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2023. Т. 5, № 1. С. 5).

Как уже отмечалось ранее, немецкое общество сталкивается с проблемой возникновения в языке сексизмов, дискриминирующего языка. С. Майер-Фиракер предлагает «вмешаться» в подобный дискриминирующий язык («*Interventionsmöglichkeit*»), используя гендерно-нейтральный язык (*Geschlechtergerechte Sprache*), в основе которого лежит принцип справедливого отношения к каждому из полов (Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. Wiesbaden, Deutschland. 2021. S. 162).

Данная тема вызывает огромный резонанс в немецкоязычном обществе. Учёные-лингвисты пытаются разобраться в мотивированности или немотивированности использования Gendersprache (F. Payr, G. Diewald, A. Steinhauer, C. Olderdissen, B. Sick и др.).

По мнению М. Рейзигл, немецкий язык на современном этапе своего развития претерпевает заметные изменения в результате влияния на него ряда культурных, экономических, политических и других факторов (URL: Stichwort Gendersternchen: Warum dieser Bahöl?). Таким образом, язык вынужден отвечать на запрос быстро меняющегося мира. Человек, рефлексирующий над особенностями

внутренних ресурсов языка, замечает некоторые его недостатки (Белютин Р.В. Антропоцентрические границы языка // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. Т. 6. М. 2009. С. 273) и стремится создавать новые языковые формы.

С точки зрения лингвоэкологии подобные формы должны стремиться не нарушать сложившиеся языковые традиции, а также не наносить травму языку.

Одним из вариантов нетравматичной, экологичной языковой практики является политическая корректность, которая в последние годы сильно повлияла на немецкий язык. *Political correctness* ориентирована на устранение несправедливости по отношению к ряду социальных групп, среди которых, например, женщины и сексуальные меньшинства (Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. 2019. С. 142-143).

Интересную точку зрения на проблему функционирования политической корректности выдвигает В.Е. Чернявская: «Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей и идеологий, но как ограничение возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. Радикализация политической корректности создала давление на выбор имени и в целом на использование языка в социальном контексте» (Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 60).

Говоря о тенденции «замены гендерно маркированных слов» в английском языке, в качестве примеров можно привести следующие слова: *stewardess* заменяется на *flight attendant*; *forefather* – *ancestor*; *mankind* – *humankind*; *fireman* – *fire official*; *wife, husband* – *domestic partner, spouse-equivalent, companion*; *housewife* – *housemaker* (Кузнецова А.В. Лексические средства выражения гендерной политкорректности // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2021. № 22. С. 30); *manpower* – *workforce*; *businessman* – *business executive*; *policeman* – *police officer* и др. (Кадырова К.А. Языковая политика феминизма // Актуальные

вопросы права, управления и экономики. Наука и образование в XXI веке. Томск. 2019. С. 143).

По мнению приверженцев идеи развития политической корректности, использование подобных слов-эквивалентов помогает избежать дискриминирующего языка в виде сексизмов, а также излишней маскулинизации языка.

Политическая корректность включает в себя дискуссии о гендерных стереотипах в корпоративной сфере, всё ещё бытующих в современном обществе, и указывает на существование разницы в оплате труда между мужчинами и женщинами (Pay Gap), их «проявленности» в цифровых профессиях (Digital Gender Gap), превалирующее число мужчин на лидирующих, управленческих позициях и т.д.

Несмотря на бытующее мнение о том, что «классические женские профессии» не лежат в поле цифровых технологий, исследования немецкого экспертного центра по трудоустройству (Kompetenzzentrum Fachkräftesicherung), проведённые в 2019 году, констатировали, что количество мужчин и женщин, работающих в сфере современных технологий, является одинаковым. Разница состоит лишь в том, что меньшее количество женщин представлено в области разработки программного обеспечения и обслуживания техники, управляемой компьютером (URL: KOFA. Kompetenzzentrum Fachkräftesicherung. Chancengleichheit und Digitalisierung).

Гендерный язык (Gendersprache) является «языковым механизмом, позволяющим достигнуть равенства между мужчинами и женщинами в процессе речи». Ср.: «...ein sprachliches Verfahren, um Gleichberechtigung, d.h. die gleiche und faire Behandlung von Frauen und Männern im Sprachgebrauch, zu erreichen» (Diewald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! S.7).

Г. Гачев подчёркивает наличие так называемой «германской и англо-американской ПРЕД-усмотрительности» (Гачев Г.Д. Германский образ мира в сравнении с Россией. М. 2019. С. 365). Подобная предусмотрительность повсеместно демонстрируется в рамках различных коммуникативных ситуаций,

таких как составление официальной документации, неформальное общение, разговор с психологом и т.д.

Например, главные герои фильма-ремейка «Сцены из супружеской жизни» («*Scenes from a marriage*»), снятого по мотивам одноимённого фильма И. Бергмана, стараются учесть гендерную принадлежность каждого участника разговора, предварительно «проверяя» местоимения, которые должны использоваться по отношению к визави: «В поле моего исследовательского интереса находятся психология и гендерные отношения. В данный момент я исследую вопрос влияния изменяющихся гендерных норм на моногамные браки. Не могли вы перечислить ваши местоимения?» – «Он, ему, его. Она, ей, её». Ср.: *«I'm working on my study in Gender and Psych. I'm looking at how evolving gender norms affect monogamous marriages. Let me confirm your pronouns» – «He, him, his. She, her, hers»* (53).

Прежде всего необходимо обратить внимание на наличие в немецком языке следующих категорий родов: 1) внеязыковые категории рода: биологический род (biologisches Geschlecht, Sexus, sex), социальный род (soziales Geschlecht, gender); 2) внутриязыковые категории рода: грамматический род (grammatisches Geschlecht, Genus); семантический род (Semantisches Geschlecht).

Особое внимание уделяется дебатам на тему взаимосвязи между биологическим и грамматическим родами («Genus-Sexus-Debatte»). Существуют две противоположные точки зрения: 1) биологический и грамматический рода не зависят друг от друга; 2) оба рода принципиально конгруэнтны друг другу. Сторонники гендерного языка представляют вторую точку зрения, заявляя, что за общепринятым мужским родом (generisches Maskulinum) всегда стоит биологический мужской пол, исключая женский. Ср.: «...die feministischen Sprachaktivisten behaupten, das generische Maskulinum werde de facto nicht generisch interpretiert, weil das maskuline Genus stets mit biologischer Männlichkeit verknüpft werde» (Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. S. 45–47). То есть представители феминистической лингвистики утверждают, что такие выражения всегда направлены на лица именно мужского

пола, при этом оставляя в тени женскую половину общества: *«Ich muss dringend zum Arzt»*, *«Sportler bereiten sich auch mental auf Wettkämpfe vor»*.

В роли одной из коммуникативных стратегий, призванных устранить дискриминирующий компонент из немецкоязычной речи, может выступать использование в речи мини-паузы или гортанной смычки (Glottisschlag), суффиксов, дефисов, дробей, двоеточий, звёздочек, скобок, нижних подчёркиваний или нейтральных формулировок в виде субстантивированных причастий, прилагательных и т.д. с целью включения мужского и женского полов. Например: *Student*innen; Student / Studentin; StudentInnen; Student(in); Student_in; Student:in; die Studierenden* (54).

Подобные коммуникативные стратегии активно используются в различных сферах немецкоязычного общения. Так, например, «Немецкая академия футбольной культуры» («Deutsche Akademie für Fußball-Kultur») сделала анонс выставки с названием *«Längst vergessene Held*innen, Sinti*zze und Rom*nja-Sportler*innen»* («Уже давно забытые героини, спортсменки синти и рома»), в рамках которой организаторы стремятся указать на проблему антицыганизма, дискриминации и социальной изоляции, с которой сталкиваются спортсменки («*Athlet*innen*») синти и рома (представители цыганского населения) в ситуациях повседневной и институциональной коммуникации. (55).

Немецкая консалтинговая компания «Viadee» инкорпорирует гендерно-нейтральный язык во все статьи, публикующиеся на их сайте: *«Unser größtes Kapital sind unsere exzellenten Mitarbeiter:innen»* («Наш самый большой капитал – это наши превосходные работники»); *«Da jedes Unternehmen, jede:r Kundenvertreter:in anders ist, sind unsere Leistungen und Vorgehensweisen individuell darauf abgestimmt»* («У нас индивидуальный подход для каждого клиента») (56); *«die soziale Kompetenz unserer IT-Berater:innen sind die Basis für unseren Erfolg»* («Социальная компетенция IT-консультантов компании является основой для нашего успеха»); *«... Wir unterstützen mit Mitdenker:innen und Architekturen»* («Единомышленники окажут вам поддержку») (57); *«Ob Student:in, erfahrene:r IT-Expert:in, Berufseinsteiger:in oder Quereinsteiger:in: Bei der viadee schätzen wir ...»*

wer Du heute bist und morgen sein möchtest) («Не важно, ты – студент, опытный IT-специалист, молодой специалист или работник, прошедший переквалификацию, мы ценим то, каким ты являешься сегодня и кем ты хочешь стать завтра») (58).

Немецкое общественное объединение журналистов (Der Journalistinnenbund e. V.) занимается исследованием Gendersprache, а также репрезентацией женщин в средствах массовой информации. Данная организация разрабатывает правила использования гендерного языка на письме и в речи для носителей немецкого языка. В частности, эти правила связаны с внедрением в письмо вышеперечисленных гендерных знаков. Приведём в пример варианты написания слова «Journalist»: «**Journalist**» – написание слова при помощи общепринятого мужского рода (generisches Maskulinum) является нейтральным в плане обозначения рода, однако может быть подвергнуто критике, так как женщины могут чувствовать себя не включёнными в это обозначение; «**Journalist / -in**» – дробь является частотным вариантом написания; «**JournalistIn**» – заглавная буква «I» (Binnen-I) существует в немецкой языковой системе с 1980 года и обозначает мужчин и женщин; в настоящий момент используется редко; «**Journalist_in**» – нижнее подчёркивание (Gender-Gap) указывает на возможность включения других родов; «**Journalist*in**» – гендерная звёздочка (Genderstern, der Asterisk) учитывает не только мужчин и женщин, но и гендерное разнообразие; «**Journalist:in**» – двоеточие (Doppelpunkt) распространено на письме, однако используется реже, нежели гендерная звёздочка; «**Journalist!n**» – восклицательный знак (Ausrufezeichen) был предложен одной из пионеров феминистической лингвистики Л.Ф. Пуш, является возможной альтернативой звёздочки и нижнего подчёркивания; «**Journalistin**» – общепринятый женский род (generisches Femininum) выступает в роли противовеса generisches Maskulinum; «**Medienschaffende**» – субстантивированное причастие (Substantiviertes Partizip) объединяет всех представителей средств массовой информации (59).

Проведённый анализ эмпирического материала по заявленной проблематике демонстрирует поляризацию мнений о функционировании гендерно-нейтрального языка.

Сторонники идеи о Gendersprache подчёркивают необходимость его инкорпорирования в немецкий язык, поскольку таким образом речь может быть освобождена от доминирования мужского пола, сексистских и дискриминирующих тенденций.

Представители феминистической лингвистики, среди которых S. Trömel-Plötz, L.F. Pusch, N. Henley, D. Spender, H. Kotthoff, E. Aries, P.M. Fischman и др., подчёркивали необходимость разработки и анализа коммуникативных стратегий, которые могли бы быть использованы в различных ситуациях с целью защиты собеседников, в частности женщин, от речевого насилия и ущемления (Trömel-Plötz. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Frankfurt am Main. 1984. 406 S.).

Вышеперечисленные учёные приводят множество примеров дискриминации женщин в различных жизненных ситуациях – в образовательных учреждениях, в корпоративной сфере и т.д. Сборник трудов данных исследователей («Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen») содержит множество статей, через которые красной нитью проходит идея о поиске решений существующей проблемы подавления женщин в современном обществе и достижении человеческого диалога (Там же. S. 12, 32).

Проблема дискриминации женщин также представлена в эколингвистических трудах А. Филла, рассуждающего о языковом доминировании мужчин, андроцентричности языка. Учёный приходит к выводу о том, что систематические и прагматические сексизмы, имплицитно или эксплицитно проявляющиеся в немецкоязычной коммуникации, являются одной из центральных проблем эколингвистических исследований (Там же. S. 87–91).

Похожей риторики придерживается австрийский политик Г. Хайниш-Хосек, считая, что язык создаёт действительность. Избегание женских форм и игнорирование таким образом женщин было бы совершенно неправильным. Ср.: «Sprache schafft Wirklichkeit. Weibliche Formen unerwähnt zu lassen und Frauen damit auszublenden, das wäre ein völlig falsches Zeichen» (URL: Heinisch-Hosek sieht «völlig falsches Zeichen»).

Немецкое студенческое сообщество поддержало эту мысль следующим заявлением: «Мы в ужасе от того, что в XXI веке люди требуют отказа от обозначения женского пола. Gendersprache – это важный шаг на пути к равноправию в обществе». Ср.: «Wir sind entsetzt, dass im 21. Jahrhundert ernsthaft gefordert wird auf weibliche Bezeichnungen zu verzichten. Die männlichen Bezeichnungen schließen die weiblichen ganz klar aus. Geschlechtergerechte Sprache ist ein wichtiger Schritt für absolute Gleichstellung von Frauen und ist nicht mehr wegzudenken» (URL: Von großen Töchtern und Söhnen).

Есть и обратная сторона медали – она указывает на противников гендерно-нейтрального языка, приводящих в сложившейся дискуссии веские аргументы против, по их мнению, «недемократичного Gendersprache», который искусственно сексуализирует немецкий язык. Такое мнение высказывает «Общество немецкого языка» («Verein Deutsche Sprache»), говоря о том, что «даже если женщина будет использовать абсурдный гендерно-нейтральный язык, она не сможет зарабатывать больше» (Там же).

«Общество немецкого языка» приводит в пример людей с ограниченными возможностями (незрячих, аутистов и т.д.), имеющих на повседневной основе существенные сложности с чтением, говорением, восприятием какой-либо информации, содержащей новые правила гендерно-нейтрального языка (Там же).

Представители Общества слепых и слабовидящих (Deutscher Blinden- und Sehbehindertenverband) высказываются следующим образом: «Мы стараемся использовать языковые формы, которые не будут исключать ни один из полов, но всё же изменение структуры языка является проблематичным для слепых людей или людей с нарушением зрения». Ср.: «Wir bemühen uns, bevorzugt Textlösungen zu finden, die kein Geschlecht ausschließen (*“Team”* statt *“Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter”*) ... Für blinde und sehbehinderte Menschen ist das Gendern durch Satz- und Sonderzeichen problematisch» (60).

Как было упомянуто ранее, человек на сегодняшний день находится в напряжённой, полной конфликтов и агрессии языковой среде, в которой всё чаще используется понятие «насилие» («Vergewaltigung»). Многие исследователи

говорят о том, что происходит насилие над немецким языком («Vergewaltigung der deutschen Sprache») посредством излишнего использования «языка полов», которое разрушает фундаментальность немецкого языка.

Немецкий актёр Д. Халлерворден поддерживает такую точку зрения и говорит о том, что язык должен развиваться естественным путём, а не по принуждению. Ср.: «Aber alles, was von Seiten des Theaters herausgegeben wird, wird nicht dazu dienen, die deutsche Sprache zu vergewaltigen... Sprache entwickle sich zwar, doch sie entwickelt sich nicht von oben herab auf Befehl») [URL: Eine Vergewaltigung der Sprache].

Писатель М. Стоковски считает «борьбу между полами» («Gender-Kampf»), «феминистическую войну» («Feministinnen-Krieg») и «войну полов» («Krieg der Geschlechter») абсолютно бесполезными (URL: «Hamse jedient im Genderkrieg?»).

По мнению писателя, подобная военная метафора является «полным бредом», так как в ней нет никакого смысла, она не придаёт нашей речи стройности, образности и красоты. Ср. «Es ist nur eine Metapher, sagt ihr. Nein, es ist unbedachtes Wörterkotzen. Metaphern haben einen Sinn, sie sollen etwas klarer oder schöner sagen. Wer aber von Krieg spricht, macht es weder klarer noch schöner, der sagt nur: Guckt, wie sie sich prügeln. Aber was, wenn sie gar nicht prügeln» (Там же).

По мнению исследователя Ф. Пайра, дискуссия о гендерно-нейтральном языке является «люксовой» и способствует появлению у носителя языка страха показаться недемократичным и несовременным женоненавистником в случае неиспользования Gendersprache» (Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. S. XV).

Учёный анализирует случаи использования гендерного языка в рамках различных дискурсов и приходит к следующим выводам: 1) в настоящий момент не существует реальных научных подтверждений полного исключения женского пола из разговора в случае использования общепринятого мужского пола (generisches Maskulinum); 2) полная правка устоявшегося строя языка невозможна и нереалистична; 3) введение ряда знаков в виде звёздочек, нижних подчёркиваний и др. значительно усложняет процесс восприятия письменной или устной речи; 4)

гендерно-нейтральный язык не решает реальных, серьёзных проблем, существующих в немецком обществе; 5) Gendersprache дисфункционален, так как порождает неудавшуюся коммуникацию на фоне излишней фиксации на ненужных языковых конструкциях, перегружающих язык; 6) Gendersprache несёт в себе поучающие черты; 7) Gendern авторитарен; 8) введение общепринятого женского рода» («generisches Femininum») или «тренировка эмпатии» («Empathietraining») противоречат правилам языка и морально неприемлемы; 9) Gendern делает язык искусственным, перегруженным и бюрократическим; 10) гендерный язык, борясь за равноправие, оказывает обществу медвежью услугу – выступает в роли катализатора, запускающего конфликтные ситуации (Там же. S.145–148).

Исследователь Б. Зик, критично осмысляя тенденции развития немецкого языка, приводит в пример объявления в уборной некой организации: «*Liebe Gästinnen, bitte werfen Sie keine Tampons oder Binden in die Toilette! Unser Klempner streikt! Danke für Ihr Verständniss!*» (61).

Комичное объявление сопровождается настоятельной просьбой и восклицательными знаками в надежде на осознанность представительниц женского пола. Хотя данное сообщение имеет ироничное форму, однако оно явно демонстрирует существующую в обществе проблему корректного выбора лексики, которая могла быть недискриминирующей и корректной для каждого реципиента.

Исследователь также упоминает в своей статье о реальном случае с жительницей немецкой земли Саар, которая жаловалась на то, что её банк обращался к ней при помощи словосочетания «*Kunde und Kontoinhaber*». При подобном обращении она чувствовала себя ущемлённой и требовала, чтобы к ней обращались при помощи слов «*Kundin und Kontoinhaberin*». Банк, в свою очередь, отклонил подобное обвинение, аргументируя это тем, что такие слова, как «*Kunde und Kontoinhaber*», не имеют своей целью исключить или ущемить женщин (61).

Сатирический рассказ «*Liebe Gläubiginnen und Gläubige*» повествует о компании, работниками которой являются мужчины, желающие с целью улучшения продаж реформировать свою деятельность, став более дружелюбными по отношению к представительницам женского пола. Это дружелюбие будет

проявляться в активном использовании гендерного языка и демонстрации своего уважения и наличия равных шансов для мужчин и женщин. Необходимо помнить, что на сегодняшний день существуют уже не только *«Arbeitgeberinnen und Arbeiterinnen»*, но и *«Gewerkschafterinnen, Betriebsrätinnen, Geschäftsführerinnen»*. Уже давно каждый политик использует в своей риторике суффикс «Innen» (*«Längst hat jeder Politiker die “Innen” in diesem Land verInnerlicht»*). Даже слово *«Mitglied»*, имеющее грамматический средний род, превращается в *«Mitgliederinnen»*. К молодёжи обращаются при помощи *«Teenager und Teenagerinnen»*, а университеты приветствуют вновь поступивших на учёбу *«Erstsemesterinnen und Erstsemester»*. Бундестаг занимается проблемами *«Steuerhinterzieherinnen und Steuerhinterzieher»*, *«Schwarzfahrerinnen und Schwarzfahrer»*, *«Sozialschmarotzerinnen und Sozialschmarotzer»*, *«Leistungserschleicherinnen und Leistungserschleicher»* (62).

Проанализировав случаи использования гендерно-нейтрального языка, Б. Зик приходит к выводу о том, что вынужденная правка немецкого языка приводит к его инструментализации в политических целях, а также делает немецкую речь чрезмерно корректной (Там же).

Подобное разнообразие форм находит своё отражение в ироничном высказывании Б. Зика: «Радостным событием является для нас эмансипация не только женщин, но и немецкой грамматики, обладающей мощным потенциалом в создании благоприятных условий для существования различных форм мужского и женского полов». Ср.: *«Zu verdanken haben wir das nicht nur der Emanzipation der Frau, sondern eben auch unserer Grammatik. Keine andere mir bekannte Sprache kann ein derart konsequentes Gendern leisten, daher sehe ich im gleichberechtigten Nebeneinander von diversen männlichen und weiblichen Formen heute vor allem eines: eine Verneigung vor den wunderbaren Möglichkeiten der deutschen Sprache»* (URL: Das Wunder des Genderns).

Лингвист пишет о своих впечатлениях от «справедливой ко всем полам языковой политики» (*«gendergerechte Sprachpolitik»*), которая, по его мнению, находится в состоянии активного наступления на немецкий язык. Это проявляется,

например, в том, что в 2012 году строки в австрийском национальном гимне *«Heimat bist du großer Söhne»* и *«Einig laß in Brüderchören»* были изменены («geändert»), или, как теперь принято говорить, «gegendert», на *«Heimat großer Töchter und Söhne»* и *«Einig laß in Jubelchören»* (63).

(1) Land der Berge, Land am Strome ...

Heimat großer Töchter und Söhne,

Volk, begnadet für das Schöne,

vielgerühmtes Österreich ...

(3) Mutig in die neuen Zeiten,

frei und gläubig sieh uns schreiten,

arbeitsfroh und hoffnungsreich.

Einig laß in Jubelchören,

Vaterland, dir Treue schwören,

Vielgeliebtes Österreich.

В качестве примера грубой иронии над гендерным языком выступают высказывания правых популистов. Данное политическое движение резко критикует гендерно-нейтральный язык и проявляет лингвокреативность при создании новых выражений, инкорпорируя в них также темы дискриминации представителей нетрадиционной ориентации: *«Elternteil-eins- Elternteil-zwei»*; *«Vater_ *In»*; *«Mutterer»* др. (33).

Правые популисты выступают с резкой критикой феминизма, именуя его *«Feminat»* (по аналогии с *«Kalifat»*) и *«Männerhasserfeminismus»*, *«Femi-Faschismus»*, указывая на демографическую проблему в стране (*«Familienzerstörungsfeminismus»*, *«Multikulti-Selbstvölkermord»*) и создание «существ, обладающих флюидным полом» – *«genderfluide Einheitswesen»* (33).

Привлечение в дискуссию о гендерном языке националистской терминологии также может быть показано на примере мнения немецкого комедианта Ф. Кавузи: «С одной стороны, существуют феминистки, с другой – нацисты. Оба направления объединены одинаковой методикой». Ср.: *«Auf einer Seite sind Feministen, auf der anderen Seite sind Nazis. Gleiche Methodik»* (64).

Ф. Кавузи выступает за феминизм, но против нацизма. По его наблюдениям, носители языка вместо положительной просвещающей коммуникации действуют друг на друга токсичным образом, призывая собеседника быстро принять ту или иную позицию. Ср.: «*Ich bin für Feminismus, gegen Nazis, aber sie haben die gleiche Methodik. Lern Deutsch JETZT. So beleidigen wir einander, so vergiften wir einander. Das ist eine negative Methodik. Ich bin für liebevolle Kommunikation der Aufklärung. Heutzutage ist jemand irgendwie immer verletzt*» (64).

Подобные переформулировки также коснулись некоторых официальных немецких организаций, например крупнейшего авиаконцерна Европы «Люфтганза». Компания сделала официальное заявление о том, что приветствиям пассажиров на борту: «*Sehr geehrte Damen und Herren*» или «*Ladies and Gentlemen*» – существуют альтернативы: «*Liebe Gäste*» или «*Herzlich willkommen an Bord*» (65).

По словам компании, такое изменение в обращении создаёт справедливые к каждому полу высказывания, а также не оставляет пространства для дискриминации. Ср.: «...schaffe man eine gendergerechte Ansprache, die keinerlei Spielraum für Diskriminierung bieten würde» (65).

В Гамбурге партии «Левые», «СвДП» и «СДПГ» требуют создания дорожных знаков, на которых будут изображены фигуры не только мужского пола («Männchen»), но и женского. Ср.: «In Hamburg fordern SPD, FDP und Linke gendersensible Verkehrsschilder: Sie sollen statt der bekannten "Männchen" nun auch Frauen zeigen» (URL: Hamburg im Gender-Wahn? Jetzt soll es «weibliche Straßenschilder» geben).

Один из лидеров партии «Зелёные» А. Бербок, говоря о том, что пришло время феминистического правительства («Es wird Zeit für eine feministische Regierung»), выдвигает идею необходимости введения закона о «Контроле гендера» («*Gender Check*») или «*Gender Polizei*», призванного контролировать корректное использование гендерного языка (66).

Вооружённые силы Федеративной Республики Германия (Бундесвер) заменили слово «*Einmannpackung*» («сухой паёк») на «*Einpersonenpackung*» (67).

Интересным фактом является то, что в соответствии со статистическими данными, приведёнными интернет-порталом «Statista», 65% процентов немецкого населения выступают против использования Gendersprache в общественной сфере и средствах массовой информации (URL: Vorbehalte gegenüber gendersensibler Sprache wachsen).

Приведённые примеры заставляют задуматься о проблеме мизандрии, дискриминации людей с ограниченными возможностями, представителей различных меньшинств, мужчин. Возникает справедливый вопрос, который можно представить в виде уравнения: общепринятый язык + реформа орфографии = дискриминация? (einheitliche Sprache + Rechtschreibreform = Diskriminierung?).

Учитывая и анализируя мнения учёных о gendergerechte Sprache, необходимо указать на постановление по данному вопросу Совета по немецкому правописанию (Der Rat für deutsche Rechtschreibung), организации – «регулятора немецкого языка, созданной в 2004 году на базе Межгосударственной комиссии по немецкому правописанию, в состав которой входит в общей сложности 41 член» (URL: Der Rat für deutsche Rechtschreibung). Основной задачей Совета по немецкому правописанию является сохранение и сбережение единообразных правил правописания и дальнейшее их развитие в немецкоязычном пространстве.

Совет, действуя в рамках своих полномочий, выпустил документ с рекомендациями по использованию Gender Sprache в немецком языке, в соответствии с которым справедливый по отношению к каждому человеку язык необходимо учитывать, но при этом не рекомендуется принятие в качестве нормы использования гендерных звёздочек, подчёркиваний, двоеточий или других сокращённых форм, указывающих на обращение ко всем гендерам. Ср.: «Der Rat hat vor diesem Hintergrund die Aufnahme von Asterisk ("Gender-Stern"), Unterstrich ("Gender-Gap"), Doppelpunkt oder anderen verkürzten Formen zur Kennzeichnung mehrgeschlechtlicher Bezeichnungen im Wortinnern in das Amtliche Regelwerk der deutschen Rechtschreibung zu diesem Zeitpunkt nicht empfohlen» (URL: Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021).

Подобное постановление Совет объясняет тем, что тексты должны содержать в себе корректную фактическую информацию, быть понятными и доступными для чтения как для немецкого общества, так и для жителей других немецкоязычных стран и регионов, а также не усложнять изучение немецкого языка.

Справедливость перечисленных критериев объясняется тем, что необходим учёт: 1) школьников, которые находятся ещё в начале пути освоения правил немецкого языка; 2) 12% взрослого населения в немецкоязычном пространстве, являющихся неграмотными, которые не способны писать или читать даже простые тексты; 3) изучающих немецкий язык как иностранный и т.д.

Организация занимается дальнейшим наблюдением за развитием и целесообразностью *geschlechtergerechte Sprache* и указывает на необходимость решения центральной задачи – обеспечить сохранение общепринятой нормы письменного языка в немецкоязычном пространстве.

Учитывая тот факт, что «феминистская критика языка представляется в настоящее время одним из активно развивающихся научных направлений в рамках гендерных исследований, необходим анализ феминистской критики языка не только для понимания развития германистики, но и для лингвистики в целом» (Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 164).

Опираясь на ранее приведённые примеры, необходимо заметить, что феминистическая лингвистика добивается определённых положительных для себя результатов в сфере реформирования немецкого языка и языковой политики немецкого государства в целом: активно ведутся междисциплинарные дискуссии на тему гендерного языка, в какой-то степени меняется языковая норма в письменной и устной речи, вводятся новые слова и выражения, используется ряд новых лингвистических понятий и т.д.

Вместе с тем проанализированный эмпирический материал по заявленной проблематике демонстрирует порой изматывающую и монотонную работу («Diversity-Tretmühle»), которая ведётся над сформировавшимся языковым

конструктом (Burkhardt A. Diversität und die (deutsche) Sprache // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 82–105).

2.5 Эффекты плацебо и ноцебо в общении врача и пациента

Ряд учёных указывают на интересную перспективу лингвоэкологических исследований – воздействие языка на физическое или психоэмоциональное здоровье человека. В данной связи особое значение придаётся терапевтической, здоровьесберегающей функции языка (В.В. Жура, В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова, М.С. Гринева, С.И. Маджаева, А.Х. Сатретдинова и др.).

Ранее в нашем исследовании освещался вопрос о важности учёта данной функции языка в рамках корпоративной коммуникации, которая порой может содержать в себе неэкологичный паттерн в виде двойных сообщений, ставящих одного из участников разговора в беспомощное положение.

Данный раздел также фокусируется на анализе речевого взаимодействия участников профессиональной сферы, а именно медицинской коммуникации, поскольку тактико-стратегическое планирование беседы лечащего врача и пациента, ориентированность коммуникации на «терапевтическое сотрудничество способствует скорейшему выздоровлению пациента, улучшению и стабилизации его физического и психоэмоционального состояния» (Жура В.В. Экология общения врача и пациента // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград. 2013. С. 173). Вербальное воздействие медицинской информации, исходящей от лечащего врача, «является важной составляющей терапевтического процесса и эколингвистического пространства» (Маджаева С.И., Сатретдинова А.Х. Медицинская информация и экологическое пространство пациента // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С.282).

В качестве основы для коммуникации в рамках врачебного дискурса выступает медицинская деонтология (этика), исследующая «вопросы соблюдения врачебной тайны; меры ответственности за жизнь и здоровье пациентов; проблемы

взаимоотношений в медицинском сообществе и проблемы взаимоотношений врача с пациентами и их родственниками (Медицинская этика. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М. 1982–1984).

Данная работа фокусирует своё внимание на анализе общения между врачом и пациентом, которое может быть охарактеризовано при помощи бинарной оппозиции *экологичная / неэкологичная коммуникация*.

Х. Айхер в своей работе, посвящённой исследованию механизмов воздействия языка на многие сферы человеческой жизни, цитирует профессора В. Цигльгансбергера из Института психиатрии М. Планка: слова обладают эффектом, подобным эффекту от применения психотропных средств, разница заключается лишь в том, что слова действуют быстрее и надёжнее. Ср.: «Worte haben die gleiche Wirkung wie Psychopharmaka – nur eben viel schneller und zuverlässiger» (Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. S. 238).

Таким образом, слова, подобно лекарственным средствам, могут иметь определённые «побочные эффекты», породить неэкологичную или даже токсичную коммуникацию.

По мнению специалистов, слова и выражения вызывают у человека различные чувства и телесные реакции: учащённое сердцебиение, повышение кровяного давления, влажные руки, гипертонус мышц спины и шеи и т.д.

Доктор медицинских наук К. Мэдор из частного исследовательского университета в Нашвилле, США, указывает на известный феномен, при котором пациент способен ощущать побочные эффекты от лечения, которые были ему предсказаны: иначе говоря, «плохие новости вызывают плохую физиологическую реакцию». Ср.: «Schlechte Neuigkeiten fördern schlechte Physiologie» (URL: Wenn der Arzt mit Worten tötet). Учёный констатирует факт недостаточной образовательной подготовки специалистов здравоохранения в сфере коммуникативных навыков, касающихся взаимодействия врачебного персонала и пациентов.

Из сказанного ясно, что одним из условий успешного общения в рамках медицинского дискурса «является соблюдение врачом целого ряда

коммуникативных принципов, реализация которых требует от врача владения особой профессиональной коммуникативной компетенцией, базирующейся, с одной стороны, на знании клинических дисциплин и знании человеческого поведения, социального и культурного контекста – с другой» (Жура В.В. Принципы организации «медицинского интервью» // Вестник ВолГМУ. 2005. № 4(16). С.62).

Экологичность коммуникации возможна при терапевтическом сотрудничестве лечащего врача и пациента. Пациенту также необходимо обладать оптимистическим настроением на будущее. Однако зачастую речь самого пациента может включать в себя ряд отрицательно окрашенных метафорических выражений, содержащих названия органов или телесных реакций организма.

Следующие образные выражения независимо от типа дискурсивного общения содержат в себе слова-триггеры, способные вызвать соответствующие реакции организма: «*Das bereitet mir Kopfschmerzen*»; «*Als ich das hörte, platzte mir der Hals*»; «*Das schlägt sich mir auf den Magen*»; «*Was er gesagt hat, ist für mich schwer verdaulich*»; «*Die ständigen Missverständnisse gehen mir an die Nieren*»; «*Diese Nachricht fährt mir tief in die Knochen*» и т.д.

Как известно, язык обладает мощным персуазивным свойством. Данный тезис подтверждается существованием двух явлений – плацебо (от лат. *placere*, букв. – «буду радовать» или «сделаю добро») и ноцебо (от лат. *nocere* – «причиню вред») (URL: Буеверов А.О. Недооцененная сила. Плацебо и ноцебо в медицине // МС. 2020. № 4). Эти средства, не обладая реальным фармакологическим действием, имея только психофизиологическую природу, могут положительно или отрицательно воздействовать на самочувствие пациента, а значит, оба термина также применимы к коммуникации между врачом и пациентом.

Примерами ноцебо-эффекта являются следующие выражения в рамках медицинской коммуникации, выявленные по итогам чат-коммуникации, в которой пациенты обсуждают своё общение с врачами. Врач эксплицитно указывает на высокую вероятность неблагоприятного развития болезни: «*Sie sind ein Risikopatient*»; на ярко выраженную физическую боль: «*Das tut schon immer*

höllisch weh»; на возможные тяжёлые последствия в результате необдуманных действий пациента: «*Sie sollten nichts Schweres mehr heben, nicht, dass Sie noch gelähmt sind*»; упоминает анатомические подробности с использованием образных словосочетаний: «*Ihr Rückenmarkskanal ist eingengt, das Rückenmark wird abgequetscht*»; вводная фраза «*Das sieht nicht so gut aus*» изначально может настраивать её получателя на тревожное состояние, а следующее за ней высказывание «*Es können mögliche Komplikationen entstehen*» формирует у пациента негативные убеждения и ожидания (68).

Высказывания врача, содержащие в себе индикаторы неуверенности или неоднозначные сообщения, также способны оказывать отрицательное влияние на пациента, поскольку для последнего фигура лечащего врача является авторитетной и вселяет надежду на наличие позитивной динамики в самочувствии: «*Vielleicht hilft dieses Medikament*»; «*Probieren wir mal dieses Mittel*»; «*Versuchen Sie, die Medikamente regelmäßig zu nehmen*»; «*Wir machen Sie jetzt fertig*» («Сейчас мы вас отключим» – комментарий врача перед началом операции); «*Ich hole noch etwas aus dem Giftschränk*» («Мне нужно кое-что принести из шкафа с ядосодержащими медикаментами» – комментарий врача, перед тем как дать оперируемому наркоз) (69).

Данные высказывания врача противоречат параметрам экологичного общения, поскольку имплицитно содержат негативную оценку состояния пациента, выражают пренебрежение его нестабильным (на фоне болезни) психоэмоциональным состоянием, отсутствие эмпатии и толерантности по отношению к пациенту, демонстрируют излишнюю категоричность, психологическое давление словом.

Слова лечащего врача должны оказывать мелиоративное воздействие на пациента, давать ему психологическую поддержку, быть конструктивными, созидающими и возвышающими. Таким образом, возможна замена вышеперечисленных высказываний на *сообщения-плацебо*. Наиболее яркие примеры таких сообщений были заимствованы из интервью врачей: вместо «*Sie sind ein Risikopatient*» возможно использование эвфемистической

переформулировки, не указывающей на тревожные прогнозы протекания болезни: **«Sie haben Erkrankung, die eine besondere Fürsorge braucht»**; врач вместо фразы **«Das sieht nicht so gut aus»** может прибегнуть к демонстрированию конкретного плана по борьбе с заболеванием: **«Das bedarf einer intensiven Therapie»**; **«Es können mögliche Komplikationen entstehen»** заменяется на **«Wir brauchen Präventivmaßnahmen gegen einen unerwünschten Therapieverlauf»** с целью вселить надежду на существование эффективных методов, способных побороть болезнь (68).

Задействование в подобных беседах именно сообщений-плацебо свидетельствует о выборе врачом *интерактивной стратегии*, смысл которой состоит в «оказании воздействия на психоэмоциональное состояние пациента и способствует его адаптации к заболеванию, а также обеспечению его комплаентности (выполнения рекомендаций и назначений врача)» (Жура В.В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе. С.60).

Стратегия рационализации информации обеспечивает «перефокусировку с эмоционально заряженной информации на эмоционально нейтральную» [Там же]. Происходит минимизация степени негативности, присутствующей, например, в диагнозе, а также рационализация и переключение на позитивные идеи.

Подобная переориентация высказываний чрезвычайно важна во врачебной коммуникации. Так, практикующий детский психотерапевт У. Фукс-Егли в статье о словах плацебо и ноцебо пишет о важности экологичной, здоровьесберегающей функции врачебной коммуникации. Психотерапевт, ориентируясь на свой многолетний опыт, подчёркивает важность «смены перспективы» («*Perspektivenwechsel*») в рамках общения с ребёнком-пациентом и приводит в качестве примеров подобные высказывания: *Negativsuggestionen* (высказывания или предложения, внушающие негатив): **«Es gibt einen Stich»**; **«Das tut nicht weh»**; **«Das ist nicht schlimm»**; **«Du musst keine Angst haben»**; **«Du hast nichts»** (70).

Вышеперечисленные фразы могут быть заменены на *Positivsuggestionen* (высказывания или предложения, внушающие позитив): **«Du wirst etwas spüren,**

erzähl mir nachher, was du gespürt hast» – фраза, предупреждающая возможное возникновение страха и тревоги у ребёнка; заботливое отношение, понимание и учёт мнения пациента отражается в следующем предложении: «*Um welchen Teil von dir müssen wir uns besonders kümmern?*»; просьбы и указания, высказанные в мягкой форме, настраивают ребёнка на кооперацию и взаимодействие, снимают физическое и психологическое напряжение: «*Du kannst gesunde Luft einatmen*»; «*Du kannst Unangenehmes wegpusten*»; «*Du kannst die Hände / Füße öffnen*»; «*Du kannst mir helfen, in dem du für mich dieses Pflaster hältst*» (70).

Необходимо сделать вывод, что лингвоэкология, имея широкий спектр задач, занимается, с одной стороны, анализом «здоровья» языка, с другой – рассмотрением экологичности коммуникации, терапевтическим потенциалом ресурсов языка. Экологичность коммуникации подразумевает выполнение языком терапевтической, здоровьесберегающей функции и является благоприятной для физического и психоэмоционального здоровья обоих коммуникантов.

Зачастую происходит нарушение экологического баланса в коммуникации между лечащим врачом и пациентом, поскольку слова врача и/или пациента нагружены отрицательной оценочностью, репрезентирующей в виде эффекта ноцебо. Данные вредоносные слова и выражения противоречат параметрам экологичного общения и порой способны препятствовать выздоровлению пациента.

2.6 Взаимодействие языковой и окружающей среды

Обратим внимание на ещё одну перспективу исследований – маркеры неэкологичного общения в рамках парадигмы «человек-окружающая среда».

Подобный ракурс рассмотрения заявленной проблематики выбран нами неслучайно, так как часто современное общество наполнено деструктивной коммуникацией, нарушающей контакт между человеком и окружающей средой.

Немецкий лингвоэколог В. Трампе сосредотачивает своё внимание на том, как человеческая коммуникация способна порой приводить к экологическому

кризису, и выделяет следующие типы неэкологичного общения: 1) *вуалирование фактов* (Tatsachenverschleierung); 2) *приукрашивание действительности* (Beschönigung); 3) *неверная интерпретация значения* (Bedeutungsverschleppung); 4) *языковое нивелирование* (Sprachnivellierung); 5) *механизация* (Verdinglichung oder Maschinisierung); 6) *обеднение языка* (Sprachverarmung); 7) *эвтрофикация языка* (Spracheutrophierung).

Данная модель взята нами за основу при рассмотрении взаимоотношений «человек – окружающая среда»; в силу того, что многие типы в данной классификации взаимозависимы и взаимосвязаны, мы объединим их в более крупные блоки (например, вуалирование фактов, приукрашивание действительности, неверная интерпретация значения, языковое нивелирование).

Исследования, проведённые на тему переработки отходов в Германии, демонстрируют несоответствие между риторикой властей и реальным положением дел в стране по данному вопросу. В Германии создано множество немецких документальных фильмов и статей с подобными названиями: «*Wie Deutschland beim Recycling schummelt*» («Мошенничество в сфере переработки мусора»); «*Recycling-Mythen und illegale Plastik-Exporte, was ist dran?*» («Мифы о переработке мусора и нелегальном экспорте пластика»); «*Altpapier-Recycling: Neue Verpackungen werden zum Problem*» («Переработка старой бумаги: новые упаковки становятся проблемой») и многие другие.

В качестве примера *вуалирования фактов* можно привести слова и выражения из индустрии упаковочных материалов. Согласно статистическим данным, Германия является лидером в данной сфере и крупнейшим производителем пластмассы. Ср.: «...*Als größter Chemie- und Kunststoffproduzent Europas ist Deutschland die Heimat der führenden Verpackungsindustrie Europas...*» (71).

Высокие показатели производительности сопровождаются идеями о том, что старые товары являются ценным сырьём. Ср.: «...Denn Altprodukte und Müll sind *wichtige Rohstoffe*» (72).

Мусор необходимо перерабатывать, а не отправлять на свалку. Ср.: «...Abfall gehört *recycelt*, nicht auf Deponien oder anderweitig in die Natur» (72).

Федеральное министерство окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей (Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz) в своих отчётах заявляет о том, что доля переработки пластиковых отходов в 2019 году составила 58,5%, в 2022 году она повысилась до 63%. Доля переработки других материалов, таких как стекло и алюминий, в 2022 году составила 90% (URL: Unsere Politik für weniger Plastikmüll und mehr Recycling).

Однако безупречная и с первого взгляда кажущаяся прозрачной отчётность, наполненная позитивными формулировками («führende Verpackungsindustrie»; «wichtige Rohstoffe»; «recycelt»), вуалирует факт расточительности бизнеса и использования ресурсов природы, а официальная отчётность порой не совпадает с реальным положением дел: 1) переработка в Германии в числе прочего означает экспорт отходов в другую страну; 2) чёрный пластик не поддаётся переработке, в силу того, что инфракрасный свет не распознаёт этот материал; 3) упаковки из смешанных материалов не поддаются переработке и т.д. (73).

Таким образом, звание «Профессионала в сфере сортировки мусора», принадлежащее Германии, вбирает в себя новый смысл и превращается в «Профессионала мусорных отходов»: «*Deutschland ist Müll(trenn)meister*» (73).

Именуемые «зелёными» электромобили («*grüne Autos*») имеют в своём составе количество меди намного большее, чем в обычном автомобиле. Ср.: «Das Metall ist ein zentraler Rohstoff für die Herstellung von Elektroautos. In einem E-Auto ist etwa 3,6-mal so viel Kupfer enthalten wie in einem Auto mit Verbrennungsmotor. Es befindet sich in den Batterien, den Elektromotoren und den Stromkabeln» (74). Высокое содержание этого тяжёлого металла, добываемого в медных рудниках Перу, было обнаружено в организме у местных жителей. Подобная концентрация металла в организме приводит к серьёзным заболеваниям и летальным исходам, а также наносит вред всей окружающей природе (74).

Приукрашивание действительности также реализуется через использование *эвфемистических слов и выражений*, представляющих в более мягкой форме положение дел, которое с экологической точки зрения нуждается в реалистичном описании с целью сохранения креативности в языковой экосистеме.

Безусловно, эти иносказательные конструкции призваны смягчить первоначально грубое, резкое и агрессивное высказывание с целью снижения напряжения между коммуникантами и избегания эскалации конфликта.

Однако необходимо оговориться, что эвфемистические замены, использованные в контексте обсуждения серьёзной проблемы, порой оставляют за скобками саму проблему и впоследствии способствуют игнорированию вопроса о решении или реформировании сложившейся сложной ситуации.

Один из примеров подобных эвфемизмов приводит лингвист К. Ерведоса: анализируя миграционный дискурс и дискриминирующий язык в Германии, исследователь подчёркивает мысль о том, что в немецком обществе существует вопиющая языковая проблема, связанная с расизмом. Ср.: «Denn hierzulande herrscht ein eklatantes Sprach- und Wahrnehmungsproblem in Sachen Rassismus...» (URL: [Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen](#)). Данная проблема вызвана систематическим устранением из повседневной коммуникации или даже табуированием лексических единиц, которые указывают на расизм и антисемитизм: вместо слов «*Rassismus*» и «*Antisemitismus*» прибегают к помощи «*Ausländerfeindlichkeit*» или «*Fremdenfeindlichkeit*» («враждебное отношение к иностранцам») (75).

Лингвист опирается на мнение Комитета по ликвидации расовой дискриминации (UN-Anti-Rassismus-Ausschuss (CERD)), которое было сформулировано так: «Расовая предвзятость является повседневной проблемой в Германии ... Немецкой полиции ставится в упрёк некорректный выбор соответствующей терминологии, а также несовершенная регистрационная система» (URL: [Es gibt Racial Profiling. Und zahlreiche Belege dafür](#)).

Термин Racial Profiling (буквально «расовая предвзятость»), заимствованный из английского языка, используется для обозначения личных досмотров, обысков,

задержания полицейскими без конкретного основания для подозрения. Данное расовое профилирование происходит исключительно по причине наличия у подозреваемого определённых этнических особенностей: тёмный цвет кожи, предполагаемая религиозная принадлежность и т.д. Ср.: «Racial Profiling (rassistische Profilerstellung, auch "Ethnic Profiling" genannt) bezeichnet polizeiliche Maßnahmen oder auch Verhaftungen, die nicht auf einer konkreten Verdachtsgrundlage oder Gefahr erfolgen, sondern allein aufgrund von ("äußeren") rassifizierten ... insbesondere Hautfarbe oder (vermutete) Religionszugehörigkeit» (76).

Констатируя факт существования проблемы расовой предвзятости в немецком обществе, учёный опирается на анализ отчётов работников полиции, в которых наиболее частотными являются слова «*der Südländer*», «*südländisch*», «*Nafri*». По мнению лингвиста, подобные номинации являются поверхностными и выступают в роли ярлыков, которые навешиваются на людей независимо от того, какой они национальности (76).

Перечисленные слова и выражения, с первого взгляда кажущиеся нейтральными или позитивными по своему значению, *вуалируют и приукрашивают действительность* и таким образом приводят получателя этой информации к *неверной интерпретации значения*. Подобный вывод вызывает закономерный вопрос: является ли данный вариант коммуникации экологичным для человека, его восприятия мира и природы в целом.

В качестве примера *языкового нивелирования*, характеризующегося редукцией, нереализацией первоначальных задач, выступает феномен «многообразия» («*Diversity*»), который был представлен в документальном фильме «*Diversity nur fürs Schaufenster?*» («Политика многообразия – только напоказ?»). Журналисты сравнивают риторику NDR (Северогерманского радиовещания) и реальное положение дел.

NDR выступает наряду с другими более чем 4500 немецкими организациями за «многообразие, сопричастность, справедливость и уважение» («Vielfalt, Teilhabe, Fairness und Respekt») в следующих контекстах: 1) женский спорт, в рамках которого женщины часто вынуждены бороться не только за медали, но и за

признание. Северогерманское радиовещание запускает серию фильмов об экстраординарных достижениях женщин в спорте. Ср.: *«Frauen im Sport kämpfen nicht nur um Medaillen und Rekorde, sondern immer wieder auch um Wahrnehmung und Wertschätzung ... Dabei gibt es genug spannende Geschichten im Frauensport, die erzählt werden wollen»* (77); 2) квир-сообщество в Германии. Оно тематизируется в программах, фильмах, в которых обсуждаются вопросы толерантности немецкого общества к однополым бракам и т.д. Ср.: *«"Ehe für alle": Wie gleichgestellt sind queere Menschen in Deutschland? Wie tolerant ist unsere Gesellschaft tatsächlich?»* (77); 3) покрытые женщины и то, насколько они представлены в медиапространстве (77).

Компания также выпускает короткометражный фильм под названием: *«Vielfalt ist im NDR auch unter den Mitarbeiter*innen sichtbar»* («Разнообразие в северогерманском радиовещании среди всех работников должно быть видимым»). Название фильма включает в себя актуальный справедливый для всех гендеров *Geschlechtergerechte Sprache*, который призван элиминировать элементы дискриминирующей коммуникации (77).

Короткометражный фильм-интервью включает в себя беседы с работниками компании, имеющими миграционное прошлое, выходцами из африканских стран, Португалии и Ямайки. На вопрос о том, как обстоят дела с вопросом поддержания разнообразия, наряду с другими положительными отзывами, один из работников отвечает следующим образом: наличие разнообразия работников в коллективе компании, касающееся происхождения, религии или пола, не вызывает сомнения, однако есть к чему стремиться. Ср.: *«Es sieht schon hier und da gut aus, aber ich glaube, wir können bisschen mehr Vielfalt vertragen. Wir sind schon da bunt, vielleicht was die Herkunft der Mitarbeiter angeht oder die Religion oder das Geschlecht angeht, aber wir können noch viel mehr Buntheit bei uns im Haus gebrauchen»* (78).

В какой-то степени разоблачающие NDR результаты исследования, которым предшествовали многочисленные интервью с работниками офиса и наблюдения за реальным процессом работы компании, показали отсутствие женщин-мусульманок в коллективе: *«Hast du eine Frau mit dem Kopftuch gesehen – Nicht, dass ich mich*

erinnern könnte»; «Nein, ich kann mich nicht an eine Frau mit Kopftuch erinnern» (79).

На предмет наличия темнокожих работников, людей с ограниченными возможностями или мусульман также были проверены списки и фотографии компании. Результат – ни одного из перечисленных типов среди представителей компании не было найдено. Были продемонстрированы списки лиц, возглавляющих определённые отделы NDR, среди которых оказалось 7 мужчин и только 3 женщины (79).

Были опрошены многие журналисты из сторонних организаций, а также телезрители разных возрастов, которые следующим образом комментировали ситуацию: «Viele denken, die Nachrichten sind sowieso nicht für uns ... es geht um die Perspektive ... es geht immer um die *Weißperspektive*. Das schafft kein Vertrauen. Wenn viele Menschen, wenn es nicht für mich ist, dann soll ich das konsumieren»; «Alte *weiße Männer sind Intendanten und die Themen sind immer gleich und haben nur eine Perspektive* ... meine Realität wird so gut wie nie abgebildet. Diese Einseitigkeit schafft kein Vertrauen, dass Themen von allen Seiten betrachtet werden» и т.д. (79).

Оба комментария демонстрируют существование проблем языкового нивелирования, вуалирования фактов, а также приукрашивания действительности в рамках медиа, которые проявляются в одностороннем рассмотрении тех или иных новостей. Последствием становится зарождение недоверия и нежелания «потреблять» предложенную информацию.

Приукрашивание действительности, вуалирование фактов, неверная интерпретация значения формируют коммуникацию, порой выступающую в роли «войны формулировок» (Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии. С.83).

Подобная коммуникация вводит адресанта в заблуждение, поскольку воспринимаемые им вербальные знаки претерпевают метафорическое и эвфемистическое преломление в социальной реальности и формируют устойчивые негативные установки.

Таким образом, языковая практика приобретает имманентную манипулятивную направленность и при помощи высказываний, скрывающих нежелательные факты, воздействует на сознание и подсознание адресанта и нарушает экологическое пространство субъектов коммуникации.

Механизация реализуется через проецирование характеристик технических приборов на человеческую личность («*menschliche Eigenschaften auf Computer zu projizieren*»). «Мышление» человека заменяется на «многопроцессорную систему» («*Mehrprozessorensystem*»); компьютерный инженер рассуждает о «стандартизированных решениях задач» («*Standardlösungen*») в рамках отношений с противоположным полом; психотерапевт указывает на необходимость «устранения неполадок» («*Debugging*») в психике пациента – подобные индикаторы говорят о движении человеческого самовосприятия в направлении механистической языковой системы («*verändertes Selbstverständnis des Menschen in Richtung auf ein mechanistisches Sprach-Welt-System*»). Таким образом, происходит своеобразное «программирование» природы («*“Programmierung” der äußeren Natur*»): одушевлённое превращается в неодушевлённое, а главной задачей человека становится «экосистемный менеджмент» («*Ökosystem-Managements*») (80).

Нами были проанализированы немецкоязычные документальные фильмы на тему «*Selbstoptimierung*» («Самооптимизация»), повествующие о стремлении человека к модификации своего тела и отношении к нему как к машине. Протагонистами этих документальных фильмов являются биохакеры и трансгуманисты, исследующие способы оптимизации работы человеческого организма при помощи новейших технологий.

Названия документальных фильмов говорят сами за себя: «*Selbstoptimierung – der Wunsch nach einem besseren Ich*» («Самооптимизация – стремление к лучшей версии себя»); «*Selbstoptimierung: Mit Botox und Sport zum perfekten Ich?*» («Самооптимизация: при помощи ботокса и спорта на пути к идеальному Я»); «*Wenn Selbstoptimierung krank macht: Weg aus der Krise*» («Самооптимизация может привести к болезни: выход из кризиса»); «*Pumpen und biohacken: Männer*

und Selbstoptimierung» («Накачивание и биохакинг: мужчины и самооптимизация»); «*Das Ich als Fulltime-Job: Die Selbstoptimierung des Körpers*» («Работа над проектом под названием “Я”: оптимизация тела»).

Один из главных героев документального фильма следующим образом описывает свою реальность: «*Ich bin der Cyborg, weil ich ein effizienterer Mensch sein will, nicht ein besserer. Für mich der Fortschritt ist der wichtigste Bestandteil im Leben, ohne Fortschritt gibt es keine Entwicklung. Wenn wir jetzt nicht beginnen, uns zu entwickeln, den Übermenschen zu schaffen, dann ist es für uns sinnlos. Ich trage Implantate, die Funktionen haben, ich bin die Mischung zwischen Mensch und Maschine. In meiner rechten Hand habe ich einen Low Frequency Chip und in meiner linken Hand habe ich einen High Frequency Chip. Mit meinem Chip kann ich mein Telefon entsperren. Meine Bodymodification und subdermale Implantate haben effektiv keine Funktion. Das ist rein, weil ich mein Aussehen ändern möchte. Ich wurde von der Fantasy Basel eingeladen, über Transhumanismus und über das Cyborg Leben zu sprechen, weil ich mich als Cyborg bezeichne. Ich glaube, Science-Fiction hat uns den Mut gegeben, Wünsche zu äußern, dass ein Geist und ein Bewusstsein digitalisiert werden, ist tatsächlich irgendwann möglich. Dass ein Geist an zwei Stellen digital existieren kann, als Kopie, als Klon. Dass man Geist in einen anderen Körper swappen kann, das ist Body-, Wirtswappen, das wird auch passieren. Der Mensch ist an einem Punkt angelangt, wo er stagniert. Wir haben keine Entwicklung mehr. Eine rein geistige Entwicklung reicht mir nicht. Das ist tatsächlich für die Zukunft nicht ausreichend. Es muss eine körperliche und physische Entwicklung geben. Wenn du dir über deinen Körper so bewusst bist, möchtest du Makel und Schwachstellen entfernen. Ich lasse mir XBT-Chip-Implantate setzen. Er kann meine Körperwärme auswerten und analysieren. Ich möchte meine komplette Identität auf einem Chip haben. Ich möchte auf meinem I-Pad sehen, was jetzt in meinem Körper abgeht, von meinem Blutzucker bis zu meiner Muskelentzündung, bis zu meiner Zahnfleischrückbildung, bis zu meinem Haarwuchs, alles...» (81).*

Мужчина, демонстрируя металлические имплантаты, встроенные в его тело, позиционирует себя как киборг (слияние человека и машины) и трансгуманист. По

его мнению, целью человеческого существования должен являться прогресс – создание эффективной версии себя, сверхчеловека, обладающего определённым набором функций. Такой запрос логичен, поскольку на данном этапе своего развития человек оказывается в стагнации в плане своего физического и ментального развития. Следующий шаг – клонирование и цифровизация человеческого сознания и ума, а также возможность их перемещения в другие тела.

Главный герой выступает с докладом на выставке в Базеле в паре со своим коллегой, который говорит о себе: *«Ich würde jetzt auf mein physisches Leben verzichten, um in digitaler Form weiter zu leben. Ich möchte unendlich leben. Ich mache eine digitale Kopie vom Verstand, von Gehirn»* (81).

Если учитывать мощный технический прогресс в современном мире, подобные метафоры логичны и даже, возможно, уместны, однако такой «экосистемный менеджмент» (в терминологии В. Трампе), восприятие человеком себя как машины, формирует *механистическую языковую систему*, что, вероятно, является неэкологичным как для отдельно взятого человека, так и для окружающей действительности в целом.

«Самооптимизация» включает в себя также ряд тенденций, например, чрезмерное увлечение физическими нагрузками и диетами, болезненную увлечённость эстетической косметологией и т.д. Эти и другие явления создают многомиллионную *«Ich-Branche»*, *«Körper als Maschine»* и *«Der Mensch als Datenpaket»* (URL: Das Ich als Fulltime-Job: Die Selbstoptimierung des Körpers), стимулирующую человека к непрерывному потреблению в погоне за «идеальным Я».

Подобной идеи также придерживается британский эколингвист А. Стиббе, анализирующий тексты рекламных слоганов, печатные и электронные издания, призывающие общество к неэкологичному, с его точки зрения, паттерну поведения.

Два последние типа неэкологичного общения (обеднение и эвтрофикация языка), отмеченные В. Трампе, связаны с явлениями *Denglisch*, *Kanakisch-Deutsch* и получают своё подробное описание в третьей главе.

Выводы по главе 2

В данной главе в качестве отдельной категории маркеров неэкологичного общения были рассмотрены интернальные маркеры, вырабатываемые внутренними ресурсами немецкого языка и провоцирующие деструктивное, нарушающее коммуникативный баланс общение.

Анализ языковых примеров позволяет констатировать факт наличия симптомов деградации и обеднения языка и речи из-за нагруженности коммуникации целым рядом специфических лексем, речевых стратегий и тактик, коммуникативных моделей. Среди них: слова-вульгаризмы, дискриминирующие знаки, коммуникативные ситуации «двойного послания», паттерн отрицательного ожидания «плацебо-ноцебо», маркеры вуалирования фактов, приукрашивания действительности, неверной интерпретации значения, языкового нивелирования, механизации, обеднения и эвтрофикации языка.

Вульгаризмы были рассмотрены через призму песенного и политического дискурсов. Достаточно высокая рекуррентность и коммуникативная плотность инвектогенных, вульгаризированных языковых знаков, насыщенность денотативной сферы свидетельствуют о глубоком поражении исследованных концептуальных областей грубыми, «непечатными» словами и выражениями. Как показали примеры, большая часть вульгаризмов адресована т. н. «Другим», или «Чужим» (конкурентам, инакомыслящим (в творческом и политическом плане), тем, кто препятствует реализации собственных планов, целей и др.

Дискриминирующий язык формируется как следствие дискриминации, которая направлена на представителей других национальностей, женщин, представителей сексуальных меньшинств, людей с ограниченными возможностями и др. Выявлены случаи дискриминации отдельных личной и социальных групп по этническому и религиозному, возрастным признакам.

Отмечается все большая инкорпорированность дискриминирующих языковых знаков в миграционный дискурс. Миграционный кризис, увеличение в

ФРГ числа вынужденных переселенцев оказывают влияние на настроение общества и отношение коренных немцев к этим, можно сказать, экзистенциальным проблемам. Подобная коммуникация носит дегуманизирующий, дискредитирующий, унижающий, агрессивный характер, нарушает здоровье не только языка, но и тех личностей, которые вынуждены принимать на свой счет многочисленные вербальные атаки со стороны недовольных и не желающих обеспечивать им культуру гостеприимства немцев.

В основе феномена двойных сообщений, также выступающего в роли интернального маркера неэкологичного общения, лежит принцип создания противоречивых высказываний, ставящих адресата в беспомощное положение и воздействующих отрицательным образом на физическое здоровье человека. Отрицательное «поле» таких сообщений отмечено нами в корпоративной сфере; дискурсе гендерных отношений, общении между родителями и детьми. Противоречивые сообщения не только осложняют коммуникацию (от непонимания до зарождения конфликтогенных ситуаций), но и негативно сказываются на физическом и психоэмоциональном состоянии адресата. Негативный «вербальный» эффект нередко подкрепляется задействованием паралингвистических средств общения.

В современном немецком обществе четко обозначилась феминистическая критика языка. Гендерный язык, по замыслу его сторонников, призван элиминировать наличие сексизмов, и ослабить излишнюю маскулинизацию языка.

Однако наряду с тенденцией закрепления за Gendersprache статуса «справедливой меры вмешательства» все громче звучат голоса тех, кто говорит о намеренной, искусственной правке устоявшейся системы немецкого языка, об усложнении восприятия письменной или устной речи. Излишняя бюрократизация и перегрузка языка из-за создаваемых приемов разграничения «мужского» и «женского», официального признания «третьего пола» также придают общению неэкологичный характер, провоцируют конфликты на бытовом и институциональном уровне.

Коммуникативный паттерн «ноцебо-плацебо», источниковой базой которого является медицинский дискурс, также может ухудшать общение и создавать негативное ментальное, эмоциональное, дискурсивное поле. Эффект ноцебо, противопоставляющийся эффекту плацебо, характеризуется возникновением у пациента отрицательных ожиданий и тревоги, которые в последующем могут трансформироваться в реальную физическую боль. Слова врача способны рождать тревогу, недоверие и опасения у пациента, что может приводить к ухудшению его самочувствия и снижению комплаенса.

В отдельную группу были выделены маркеры, способные наносить вред окружающей среде. Подобные индикаторы создают неэкологичную, деструктивную коммуникацию, нарушающую контакт между человеком и природой, а также негативно воздействующую на креативность, стабильность и разнообразие языковых экосистем. В результате проведенного анализа эмпирического материала стала возможной категоризация маркеров, задействованных в коммуникативных ситуациях, где отмечается вуалирование фактов; приукрашивание действительности; неверная интерпретация значения; языковое нивелирование; механизация.

Коммуникация, включающая в себя вуалирование фактов, приукрашивание действительности, языковое нивелирование, приводит к неверной интерпретации смыслов вербальных знаков, вводит её участников в заблуждение, не являясь транспарентной, адекватной постулатам «правильного», экологичного общения.

Механизация – присваивание человеку свойств технических устройств – представляет собой комплексное явление, неэкологичное как для отдельно взятой (языковой) личности, так и окружающей среды.

Примеры обеднения и эвтрофикации языка, связанные в первую очередь с гибридными лингвистическими вариативностями *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch*, интерпретируются нами скорее как экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур) маркеры неэкологичного общения и будут рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА 3. ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕЭКОЛОГИЧНОГО ОБЩЕНИЯ

3.1 Англоамериканизация дискурсов в аспекте загрязнения речи

В предыдущей главе была представлена классификация интралингвальных маркеров неэкологичного общения. В данной части исследования мы обратимся к экстернальным маркерам, которые в первую очередь «стимулируют» процессы обеднения и эвтрофикации (засорения) немецкого языка.

Обеднение языка – постепенное исчезновение стенойчных (способных жить только в определённых условиях) языковых выражений в угоду убиквитарным (распространённым повсеместно) модным словам и выражениям, что влечёт за собой подрыв креативности языковой экосистемы.

Эвтрофикация языка – перенасыщение коммуникации большим количеством модных неологизмов, которые вытесняют изначально существующие в языке слова и выражения. Данный термин заимствован лингвоэкологами из экологии и первоначально означает «цветение воды, которое приводит к появлению бактерий, выделяющих токсины, вызывающие гибель живых существ в водоёме» (Вронский В.А. Экология: словарь-справочник. Ростов н/Д. 1999. 572 с.).

Данные деструктивные процессы обусловлены перенасыщением языковой практики (в широком смысле) излишними англицизмами, а также этносоциолектом *Kanakisch-Deutsch*. Рассмотрим вышеуказанные явления подробнее.

Достаточно серьёзной проблемой для немецкого общества остается активное функционирование, или даже экспансия, гибридной лингвистической вариативности *Denglisch* (Deutsch + Englisch).

На сегодняшний день английский язык занимает лидирующую позицию в международной коммуникации, а также активно проникает в лексико-семантические системы других языков.

Подобный процесс является естественным. Еще В. фон Гумбольдт писал о том, что невозможно рассматривать языковые ресурсы как некую завершённую структуру («Man kann den Wortvorrat einer Sprache auf keiner Weise als eine fertige daliegende Masse ansehen»), необходимо учитывать способность языка к постоянному образованию новых слов и выражений в то время, пока он используется конкретным народом (Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin. 1836. S 75-76).

Интенсивное и масштабное влияние англицизмов также испытывает на себе современный немецкий язык, в котором формируется так называемый Denglisch (Deutsch + English), содержащий в себе порой чрезмерное количество английских слов и выражений (URL: Denglisch).

Проникновение английских лексем в немецкоязычную коммуникацию постепенно становится нормой, о чём свидетельствуют следующие гибриды из сферы межличностных отношений: с целью проявления сочувствия к собеседнику адресант использует «*Ich fühle dich*» по аналогии с английским «*I feel you*» или «*I feel this*»; высказывания «*Ich bin fein damit*» или «*Das ist fein für mich*» являются дословным переводом английских фраз «*I'm fine with something*» или «*It's fine with me*» (82).

Использование англицизмов актуально во многих других дискурсах: политическом («*das Image*», «*voten*», «*die Lobby*» и др.), экономическом («*das Brainstorming*», «*das Kick-Off-Meeting*», «*das Briefing*», «*das Feedback*», «*das Crowdfunding*», «*das Outsourcing*», «*der Cashflow*», «*das / der Start-Up*», «*der Global Player*», «*der Gender-Gap*» и др.), бытовом («*das Workshop*», «*die Performance*», «*der Showroom*», «*das Weekend*», «*der Business Lunch*» и др.), спортивном, например в горнолыжном спорте («*das Freestyle-Skiing*», «*der Head Judge*», «*die Riderin*», «*der Shaper*», «*der Flex*» и др.).

Параллельно заметим, что с подобной проблемой сталкиваются и в других странах.

Если говорить, например, о спортивной терминологии в рамках российской лингвокультуры, необходимо упомянуть, что в 2021 году общероссийский федеральный спортивный телеканал «Матч ТВ» ввёл список заимствований из английского, итальянского и французского языков, который делит слова на три категории: допустимые к употреблению в эфире, допустимые к употреблению в эфире только в специализированном поясняющем контексте и недопустимые к употреблению в эфире.

Большая часть спортивных терминов, вошедших в категорию недопустимых к использованию в эфире, являются англицизмами, среди которых значатся: *окей, перформанс, коуч, корнер, слоумошн, лайкать, мидфилдер, таргетмен, хайлайт, шорт-лист, чемпионшип* и др. (83).

Подобный стоп-лист был создан с целью указать на проблему чрезмерно активной экспансии англицизмов в русский язык, а также на необходимость использования креативных ресурсов родного языка, являющегося хранителем русского опыта.

М.А. Кронгауз в своей работе «Русский язык на грани нервного срыва» посвящает англицизмам в русском языке отдельную статью с красноречивым названием «Монегаски любят зорбинг». Учёный подчёркивает, что современная письменная и устная речь спортивных журналистов, комментаторов, фанатов и др. наполнена множеством терминов, заимствованных из английского языка: *зорбинг, дайвинг, фрисби, банджи-джампинг, скейтбординг, бодибилдинг* и т.д. Многие термины уже обладают определённой устойчивостью в русской языковой системе и, следовательно, в языковой картине русского человека. Но некоторые спортивные профессионализмы всё же звучат необычно и непонятно и вызывают у массового читателя определённые сложности в их понимании, например «*манкуннианцы*» и «*монегаски*» – калькированные заимствования из английского и французского языка: «*Mancunians*» – жители Манчестера, «*Monégasque*» – жители Монако (84).

Учёный указывает на существование как положительных, так и отрицательных последствий подобного калькирования спортивных (и не только) терминов. Неоспоримым преимуществом инкорпорирования новых терминов в

русскую языковую систему является её обогащение, однако возможно формирование так называемой «лени языка», приводящей к «утрачиванию внутренних механизмов перевода» (Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. 2019. С. 119).

Фокусируясь на анализе немецкоязычной коммуникации, укажем, что гибридный *Denglisch* в основном вредит устоявшейся немецкой языковой системе в силу своей избыточности и непрозрачности для носителя языка (URL: Nikitina O. «Anglizismen und synonyme Wortneubildungen im modernen Deutsch: Sinnvolle Ergänzung oder Ersatz?»).

Выделим следующие группы англицизмов и англоамериканизмов.

1) *заимствованные слова (Wortentlehnungen)*, которые подстраиваются под грамматический строй немецкого языка: слово «*das Internet, des Internets*», приобретающее в родительном падеже обязательное окончание «*-s*»; «*Keks*», образованное от «*cakes*». Ср.: «Erstens Wortentlehnungen, d.h. Übernahme eines englischen Wortes, das als Fremdwort der deutschen Grammatik und Schreibung angepasst wird» (85).

Такие заимствованные слова, как «*design*», «*recycle*» или «*surf*», инкорпорируются в немецкий грамматический конструкт: «*Ich designe eine Kaffeekanne*», «*du designst ein Auto*», «*der Architekt designt ein Haus*», «*ich recycle Papier*», «*er hat ein Haus designt*», «*wir haben Autoreifen recycelt*», «*ich will nächsten Sommer wieder surfen, surfst du mit mir*» (86). Английские глаголы встраиваются в грамматические парадигмы немецкого языка, например, спряжение глаголов в настоящем времени и изменение глагола в трёх формах;

2) *калькирование (Lehnübersetzungen)* английских выражений в немецком языке, приводящее к потере значения калькированным высказыванием: английское «*it makes sense*» трансформируется в «*das macht Sinn*», поскольку глаголы «*machen*» или «*tun*» («*делать*») не идентичны по значению английскому глаголу «*make*», синонимом которого является «*herstellen*» («*создавать*»), то есть буквально смысл («*Sinn*») не может быть «*создан*» («*herstellen*») (85).

Б. Зик в своей статье «Stop making sense» также указывает, что в немецком существуют устоявшиеся выражения «*Das ist sinnvoll, das ist nicht sinnvoll*», «*Das ergibt einen Sinn*», «*Das hat einen Sinn*», «*Ich sehe einen Sinn darin*», «*Wo bleibt da der Sinn*», «*Mir vermag sich der Sinn nicht zu erschließen*», способные и дальше самостоятельно функционировать в языке без помощи заимствований (86).

Дословной калькой также является выражение «*Er hat einen guten **Job** gemacht*» («***He did a good job***») вместо «*Er hat seine Sache gut gemacht*» в значении «Он справился со своей задачей» (86).

3) *заимствованный перенос (Lehnübertragungen)*, реализующийся в дословном переводе только части слова: «***Untertreibung***» в значении «преуменьшение, занижение», образованное от английского «***Understatement***» (дословный немецкий перевод «*Unterbehauptung*»); «***Wolkenkratzer***» от «***skyscraper***» (дословный перевод «*Himmelskratzer*») (85);

4) *семантическая калька (Lehnbedeutungen)*, при которой уже существующие в немецком языковом конструкте слова под влиянием английского языка приобретают новое значение: глагол «***realisieren***» вместо своего устоявшегося значения «*in die Tat umsetzen / in Geld verwandeln*» («выполнять, осуществлять») используется в значении «*bemerken, begreifen, sich einer Sache bewusst werden*» (***to realize***), т.е. «осознавать» (85);

5) *псевдоанглицизмы (Scheinentlehnungen)* выступают в роли ловушки, вводящей коммуникантов в заблуждение. Одним из примеров является понятие «***Homeoffice***», которое активно стало распространяться в немецком языке во время пандемии COVID-19. Данное английское слово используется немецкоязычными носителями языка не совсем корректно в силу того, что первоначально удалённая работа из дома, а не в офисе обозначается в английском языке как «***work remotely***» или «***from home***», а не «***work at a home office***». «***Homeoffice***» для англофонов означает «департамент правительства Великобритании, ответственный за иммиграционный контроль, а также за правительственную политику по вопросам безопасности» (87);

6) *гибридизация (Hybridbildung)*, представляющая из себя комбинацию немецких и английских элементов: «*Millionendeal*» (буквально «миллионная сделка») (85).

В качестве других тенденций при заимствовании англицизмов можно отметить следующие гибридные образования:

1) английское окончание *-ed* используется для обозначения причастия второго: «*gedownloaded*» («скачанный») от «*downloaden*», «*getuned*» («налаживать») от «*tunen*» (85);

2) «*Club*», пришедшее из английского, приобретает в немецком иной фонетический облик и произносится буквально как «Klupp», так как немецкое «b» на конце слова превращается в глухое «p» (85);

3) апостроф в немецком языке используется для обозначения выпадения гласной в словосочетании или для демонстрации принадлежности в родительном падеже после буквы *-s*: «*Ich hab's vergessen*» вместо «*Ich habe es vergessen*»; «*Justus' Schuhe*», «*Marx' Werke*». Однако зачастую немецкоязычное сообщество в результате отрицательной интерференции английского языка создаёт так называемый «*Derpenapostroph*» («идиотский апостроф»): ненужный апостроф в родительном падеже – «*Susi's Bar*»; в клиниках – «*Stark für's Leben*»; в формах множественного числа существительных – «*Handy's*» (85);

4) немецкие возвратные глаголы, испытывая на себе влияние английского языка, превращаются в переходные глаголы: «*Ich erinnere das nicht*» вместо «*Ich erinnere mich nicht daran*» (85);

5) строй немецкого предложения может иметь свойство нарушаться и подчиняться правилам английской грамматической системы: «*Kanzlerin Merkel zeigt es sich erschüttert angesichts des Terroranschlags*» вместо «*...zeigte sich angesichts des Terroranschlags erschüttert*», где причастие второе должно занимать последнюю позицию в предложении, или «*Die Minister haben sich getroffen und zwar in Berlin*» (подобно английскому варианту: «*The ministers have met in Berlin*», где причастие второе занимает не последнюю позицию в предложении, а ставится сразу после вспомогательного глагола (85).

Исследователь Б. Зик в своей ироничной статье «*Er designs, sie hat recycled, und alle sind chatting*» задаётся справедливым вопросом о том, целесообразно ли активное использование не исконно немецких слов, а их онемеченных англицизмов, и понятны ли носителю немецкого языка подобные высказывания: «*Boxkämpfe werden promotet*»; «*Flüge werden gecancelt*»; «*Mitarbeiter werden gebrieft*» и т.д. (86).

Дефиниции вышеперечисленных и многих других ассимилировавшихся в немецкий язык англоязычных заимствований можно обнаружить в сборнике англицизмов («Der Anglizismen-Index 2023. Deutsch statt Denglisch»), созданном в 2023 году Обществом немецкого языка (Verein Deutsche Sprache). Сборник характеризуется большим охватом описываемой лексики, взятой из различных сфер жизни, и, благодаря приведённым немецким эквивалентам, помогает разобраться в значении какого-либо термина: «*Access*» – «*Zugang, Zugriff, Zutritt*»; «*application*» – «*Anwendungsprogramm in Rechner oder Telefon*»; «*background*» – «*Hintergrund*»; «*champ*» – «*Sieger*»; «*crime*» – «*Verbrechen*»; «*cyborg*» – «*Maschinenmensch*» и др. (88).

Общество немецкого языка каждый год дополняет сборник новыми англицизмами, что позволяет проанализировать динамический процесс функционирования иноязычной лексики в немецком языке.

Создавая и совершенствуя данный сборник, Общество немецкого языка призывает немецкую общественность к разумной критике модных иноязычных заимствований, засилье которых диагностируется в речи современных жителей Германии (URL: Anglizismen – Kolonialisierung der deutschen Sprache?).

Приведённые примеры свидетельствуют о существовании тревожной тенденции загрязнения немецкого языка большим количеством излишних английских морфем, лексем, словосочетаний и фраз, что может привести к эвтрофикации языка, т.е. его загрязнению в результате антропогенного воздействия. Ср.: «Die aufgeführten ubiquitären Modewörter, die zur Sprachverarmung führen können, können gleichzeitig bei einem massenhaften Auftreten zu einer

Spracheutrophierung führen» (Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. S. 218).

Так, показательным примером является подкаст «DirtTeaTalk» популярной немецкой рэп-исполнительницы Ширин Дэвид, в котором обсуждаются новости из мира искусства. Певица и её гости ведут беседу преимущественно на немецком языке, однако в их речи используется множество англоязычных заимствований.

В подкасте с участием актёра Teddy были использованы английские слова, словосочетания, а также целостные фразы: «*Welcome back bei DirTeaTalk*»; «*Wann ist es die richtige Entscheidung, seinen eigenen Vater zu **ghosten***»; «*Hier kommt ungeschlagener **King of entertainment***»; «*Ich brauche meine eigene **lane***»; «*Let's be **honest**, wer kann bessere Ratschläge geben als ich*»; «*Er hat das ganz **serious** gemacht*»; «*Das ist **sitiationship***»; «*Wir **supporten** einander*»; «*Du bist cool mit Leuten, **watch your mouth***»; «*Aus Solidarität muss ich was **dropen***»; «*Ich war früher **broke***»; «*Self care ist wichtig*»; «*Congrats!*» (89).

Аналогичная ситуация наблюдается в одном из выпусков немецкоязычной программы «Deer und deutlich», гостями которой стали писатель Р. фон Рённе, представитель парфюмерной индустрии Jeremy Fragrance и популярный телеведущий А. Якобс. В данном выпуске гости делятся своими жизненными историями, связанными с рядом различных проблем: депрессия, квир-сообщество в Германии, взлёты и падения в карьере и др., при этом участники дискурса буквально в каждое предложение пристраивают заимствования. Ср.:

«Интервью с А. Якобсом: «*Let's be **honest**, super viele Menschen kommen raus*»; «*Legid, das war immer so*»; «*Sie war immer meine **Riesensupporterin***»; «*Wenn alles **pink und girly** ist*»; «*Ganz viele **queere** Menschen flüchten*»; «*Das ist wichtig, dass ich mich selber **protecte***»; «*Ich komme mit dieser **Attitude**, dass ich mich selber schütze*»; «*Das war **kindness***»; «*Du hast wieder deine **privilige** genutzt*» (90);

Интервью с Р. фон Рённе: «*Ihr seid die **Hosts***»; «*Diese depressiven Phasen kommen mit **vengeance***»; «*Ich bin so **sad**, ich schreibe meine traurigen Gedanken auf*»; «*Jetzt bin ich **married***»; «*Ich sage es einfach – **it's not my thing***»; «*Honestly so – Wenn es worked for you, then it's fucking valid*»; «*More Power to you, das ist großartig*»;

«Glück ist nie das Ziel beim **mental Health**»; «Okay, ich bin einfach ein Mensch, **I need my little Things**» (91).

Интервью с Jeremy Fragrance: «*Damals war ich in einer **Boy-Band***»; «*Er macht jetzt **safer creations***»; «*Das sind **hidden Jams** oder versteckte Schätze*»; «*Schade, denn Chanel ist **privately held***»; «*Ich kann richtig **edgy** sein*»; «*Nichts besonderes, total **basic***»; «*Für deine Mama, oder **who ever***»; «*Wie sieht man das Thema **Imposter** Syndrom*»; «*Ja, kein Problem, **easy going***»; «*Das wäre der nächste **Level** für mich*»; «*Dann bist du so **flat***» (92).

Один из выпусков музыкального подкаста А. Нажати «Hyped» с участием немецкой певицы Charisma, исполняющей свои песни в стиле ритм-н-блюз, также содержит множество англицизмов: «*Ich bin **ready***»; «*Das hat lange Zeit gedauert, mein **Sound** zu finden*»; «*Ich bin einfach mit dem **Flow** mitgegangen*»; «*Die 2000-er sind **all over the place** in deinen Videos, im **Outfit**, in der Musik*»; «*Diese **top Lines** und **Glitter** sind ganz wichtig für mich*»; «*Dieses **Girlymässige** an den **Songs***»; «*Jede Person war **special***»; «*Sie **checken** deine Vision*»; «*Beim Singen habe ich viele **Ranges***»; «*Das ist einfach **magic***»; «*Er ist mein **Producer***»; «*Ich habe ein **story***»; «*Welchen **Song** ich **picke***»; «*Ich bin **safe***»; «*Das ist **crazy, nice***»; «*Ich versuche es zu **pushen***»; «*Ich bin **overthinker***»; «*Du hast einen sehr persönlichen **Song released***»; «*Sie konnten dazu **relaten***»; «*Die Situation mit meinem **Dad***»; «*Gab es danach **reactions** von ihnen*»; «*Ich habe noch meine **struggles***»; «*Man kann diese kulturelle **heritage** **presenten***»; «*Woher kommt deine **Family***» (93).

По нашим количественным подсчётам, около 40% лексики в проанализированных выпусках подкаста «DirtTeaTalk», «Hyped» и программе «Deep und deutlich» составляют англоамериканизмы.

В данном контексте, отражающем нездоровую тенденцию развития немецкого языка, уместно процитировать П. Кёлера, который иронично заметил: «Selbst wenn es um Deutsch geht, ist das Deutsche **out**» (94).

3.2 Этносоциолект *Kanakisch-Deutsch* в лингвоэкологической проекции

В настоящий момент существует запрос, предусматривающий существование этической рефлексии, появившийся в процессе взаимодействия языков и культур на фоне усилившейся международной интеграции и глобализации.

Подобный запрос актуален для Германии, являющейся принимающей стороной для большого количества людей с миграционным прошлым. Так, формирование плюралистического немецкого общества, смешение культур и их взаимное проникновение друг в друга рождает новые гибридные языки – *Kanakisch-Deutsch*, *Denglisch*, которые также вызывают тревогу со стороны носителей языка из-за использования большого количества неоправданных заимствований в немецком языке (A. Fill, B. Sick, M. Freidank, O. Nikitina и др.).

Kanakisch-Deutsch / *KanakSprak* / «канакский язык» / «канакиш» является этносоциолектом, примером языковой вариативности, сформировавшейся в результате смешения немецкого и турецкого языков (URL: *Kanakisch*). Словосочетание *Kanak Sprak* часто используется с негативным, уничижительным значением («...umgangssprachlich, abwertend: Sprachform des Deutschen mit starken Einflüssen des Türkischen») (URL: *Kanak Sprak*), поскольку подобный «ломаный» язык возникает в результате «конфронтации носителей немецкого языка с совершенно другой идентичностью» (Копчук Л.Б. Лингвистические и социокультурные особенности молодежной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 31).

По мнению А.В. Пономаревой, «канакиш» – это этносоциолект, поскольку он «объединяет в себе характеристики как этнолекта, так и социального диалекта» (Пономарева А.В. Лексико-семантические особенности этносоциолекта "канакиш" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3(76). С. 153).

В качестве основания для подобного вывода выступают определения понятий «социолект» и «этнолект» Т.И. Ерофеевой и П. Ауэра. «В социолект

включается, с одной стороны, понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу, иными словами, это речь «среднего индивида». С другой – социолект включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированную рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер (например, пол, возраст, темперамент и т.д.)» (Ерофеева Т.И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир. Пермь. 2002. С. 42.). «Этнолект – это манера речи, которая ассоциируется у носителей языка, а также других лиц с одной или множеством других ненемецкоязычными этническими группами» (Auer P. Türkenslang: ein jugendsprachlicher Ethnoлект des Deutschen und seine Transformationen // Spracherwerb und Lebensalter: Kolloquium anlässlich des 60. Geburtstages von Harald Burger. Basel. 2003. S. 256).

Пришедшее из полинезийских языков слово «kanake», первоначально означало «житель Полинезии», однако впоследствии оно стало использоваться в рамках немецкого молодёжного сленга в качестве оскорбления по отношению к людям, обладающим миграционным прошлым, мигрантам. Ср.: 1) (polynesischer) Bewohner der polynesischen und Südseeinseln von Neukaledonien; 2) Schimpfwort für südländische Ausländer (URL: Kanake). Полинезийское слово «kanake» в процессе его вхождения в немецкий язык приобрело синоним «Hanake» (букв. «грубый, подлый человек»). Ср.: grober, plumper Mensch; niederträchtiger Mann (URL: Hanake).

М. Фрайданк, анализируя и систематизируя отличительные особенности Kanakisch Deutsch, приводит в качестве примера беседу двух друзей: *«Hier Alder, dem Kumpel von mich hat dem gansn Cabrio von Chef angezündet, dem gansn, isch schwör dir. Dem Pennern hat seim Vattern dem erzählt. Dem hat voll von Vattern auf Fresse gekriegt und in ganze Stadt war Bullenalarm, voll korrekt, isch schwör dir, und dem Kumpeln war in Stadt noch mit Streischhölzer in Hand. Isch schwör dir dem Bullen haben dem Pennern gecasht, ihn Scheiss, jetzt hat Bewährung dem Pennern, so voll krasse Idiot musstu erstmal sein, weisstu. Normal wenn Polizei kommt, weisstu,*

machst du schnell. Aber weisstu, dem Kumpeln is do dumm Alder, den is soo dumm wie Arschloch, weisstu wie isch mein» (95).

Данный пример свидетельствует о том, что для Kanakisch-Deutsch характерна минимизация речевых усилий и упрощённая грамматика. Проанализируем отдельные фрагменты данного разговора, являющиеся девиациями на грамматико-синтаксическом, лексическом, орфографическом языковых уровнях:

- 1) опущение артикля перед существительными (von Chef, von Vattern, jetzt hat Bewährung);
- 2) опущение предлогов места перед существительными (Stadt war Bullenalarm);
- 3) использование «универсального» артикля «dem» для всех существительных (dem Kumpel, dem Pennern);
- 4) использование специфической формы обращения («Alder»);
- 5) вкрапление множества однотипных эмоциональных экспрессивных фраз («weisstu wie isch mein», «isch schwör dir», «weisst»);
- 6) сокращение глагола и его последующее соединение с местоимением («weisstu»);
- 7) нарушение пунктуации и порядка слов в предложении («Isch schwör dir dem Bullen haben dem Pennern gecasht, ihn Scheiss, jetzt hat Bewährung dem Pennern»);
- 8) частое использование просторечных слов и вульгаризмов: («Scheiss», «korrekt», «Fresse», «Bullen», «gecasht», «dem Pennern»);
- 9) превращение умлаута «ü» в «u» («angezundet»);
- 10) опущение части членов предложения и отдельных букв в словах («dem gansn», «und in ganze Stadt war Bullenalarm», «Normal wenn Polizei kommt, weisstu, machst du schnell»).

Лингвист М. Фрайданк также замечает ещё одну часто встречающуюся особенность канакского этносоциолекта, которая заключается в намеренном сцеплении существительного «*Alder*» со стоящим перед ним словом. Данная лексема, как правило, ставится в конце предложения и является словом-паразитом,

не несущим в себе какой-либо смысловой нагрузки: «*Isch hab Tussalder!*» («Ich habe eine Freundin»); «*Dem is ein Futtalder!*» («Diese Frau ist mir unsympathisch»); «*Bist du schwulalder?*» («Bist du ein Weichei»); «*Halts Maulalder!*» («Könntest du bitte mal kurz ruhig sein») (96).

Появление канакского этносоциолекта побуждает учёных анализировать изменения, происходящие в немецкой языковой практике, а также критически осмыслять экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению.

Однако необходимо заметить, что на фоне языковой гибридизации в рамках мультикультурного немецкого государства могут усугубляться межнациональные конфликты и вербальная агрессия, поскольку Kanak Sprak, на котором «говорят не только турки, живущие в Германии, но отчасти и другие мигранты, часто идентифицирует их как чужих и придаёт негативную оценку их социальному статусу» (Кострова О.А. Лингвокультурные концепты в немецкоязычном дискурсе авторов турецкого происхождения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVII. Коломна. 2020).

Учитывая актуальность данной темы, издание «Süddeutsche Zeitung» совместно с немецкими лингвистами проанализировало и «перевело» на стандартный немецкий язык следующие высказывания: «*Yalla*» («Los geht's»); «*Machst du rote Ampel*» («Du gehst bei Rot über die Straße»); «*Hast du U-Bahn?*» («Nimmst du die U-Bahn?»); «*Ich hab Fahrrad*» («Ich nehme das Fahrrad»); «*Was guckst du, bin ich Kino?*» («Provozier mich nicht»); «*Wallah*» («Ich schwöre»); «*Siktir*» («Hau ab», «Verpiss dich»); «*Cüs*» («Krass»); «*Ich mach dich Messer*» («Ich greife dich mit einem Messer an»); «*Ischwör*» («Ich schwöre», «Wirklich») (97).

В качестве следующего примера выступает модернизированная сказка «Волк и семеро козлят» («*Der Wolf und die sieben jungen Geißlein*»), название которой было изменено – «*Dem Rolf un dem siebn Geiseln*» (букв. «Рольф и семь заложников»).

Изобразим графически конкретные места в тексте, указывающие на наличие типичных особенностей Kanakisch-Deutsch:

Da war *ma eim Chefin Weinkellern*, dem hat *siebn Tussn* gehabt *dem ham* da gearbeitet. Dem hat *ma* zu *dem siebn Tussn* gesagt: “Hier, *isch geh ma Bäcker. Isch* schließ *dem Kellern ma* ab, weil sonst kommt *dem böse Rolf un will Kohle abrippen. Weisstu, dem* hat so krass rauhe Stimme *un schwarse* Schlappen. Lass *dem net* rein! *Dem is Arschnloch!*”. Als dem Chef bei Bäcker war, hat so *eim Pennern an Tur gekickt*: “Hier, lass *misch ma* rein, *Alder! Isch brauch ma swei Flaschem, isch schwör!*”. *Dem Tussn ham* gesagt: “*Alder, du hast schwarse* Schlappen *un* rauhe Stimme wie Rolf! Du bist *dem Scheißndreck!*”, hat *dem Rolf* gesagt *un* is Burogeschäft *gefahrt un* hat Kreide besorgt *un dem* voll krass ekelhaft gefressen bis *dem konkrete* Weibernstimme *gahabt* hat *un* dann sich noch weisse *Tusschlappen von dem Tuss, dem selbern* gehabt hat geholt *un is widern in Kellern*: “Hier, lass misch ma rein, Alder!”.

Dem Tussn ham gedacht, dem is dem net un ham dem reingelasst. Brutalst schnell hat dem Rolf bei Tussn perverseste Propellerkicks in Fresse reingemacht, un wollt dem Kohle abrippen un dem siebn als Geiseln nehmen. Abern da kam Chef *un* hat dem Rolf bis in nächste Weinfass *gekickt!* Dann hat dem *dem Rolf rausgeschmeisst*. Weil *dem Rolf* voll krass voll war, hatte *dem* voll Nachdurst *un wollt Wasshern saufen abern dem* hat sich gedacht: “*Alder, was rumpelt un bumpelt so in scheissndreck Bauch? Alder, isch kotz gleisch!*”. *Dem hat dem dann auch gemacht. Arschnloch!* (98).

Отметим некоторые особенности функционирования канакского этносоциолекта в данной сказке: 1) происходит видоизменение всех частей речи, их сокращение или соединение с другими членами предложения – «weisstu», «schwarse», «eim», «Wasshern», «hastu» и др.; 2) все существительные во множественном числе приобретают окончания «m» или «n» – «Tussn», «Kellern», «Scheißndreck» «dem Kellern» и др.; 3) местоимения и другие части речи приобретают окончания «sch» – «isch», «gleisch» и др.; 4) числительные видоизменяют своё написание – «swei», «siebn» и др.; 5) второе причастие видоизменяется – «gefahrt», «gahabt», «reingelasst», «rausgeschmeisst» и др..

Ещё одним примером служит трансформированный фрагмент сказки Братьев Гримм «Гензель и Гретель» («Hänsel und Gretel»): Murat und Aische gehen *dursch Wald*, auf Suche nach *korrekte Feuerholz*. Aische fragt Murat: “*Hast du Kettensäge*,

Murat?”. Murat: “*Normal! Hab isch in meine Tasche, oder was!?*”. Auf der Suche nach *korrekte Baum*, verirren sie *sisch krass in dem Wald*. Murat: “*Ey scheissse, oder was!?* Hast du *konkrete Plan*, wo wir sind, *oder was!?*” Aische: “*Ne scheissse, aber isch riesche Dönerbude!*”. Murat: “*Ja faaaatt!*” Aische: “*Normal, da vorn an den Ecke!*” So fanden schliesslich *dursch Aisches korrekte siebte Döner-Such-Sinn die Dönerbude*. Sie probierten von *jede Döner*. *Plotzlich kamm voll den krasse Frau* und fragt: “*Was geht, warum beisst ihr in meine Haus?* Als Strafe sperrte *den Hexe Murat in krass stabilen Käfig*. Zu Aische sagte sie: “*Du Frau, du kochen für misch und verkaufen die Döner an den Theke*”. Murat wurde *gemastet bis korrekt fett fur Essen*. *Doch ein Tag hatte Aische einen fixe Idee*. Sie fragte: “*Wie geht den mit den Dönerbrotofen?*”. Hexe: “*Was geht? Bist du scheissse im Kopf, oder was?*” Aische: “*Normal, isch hab kein Plan, zeigen mal, wie geht!*” Hexe: “*Machen das! Komm her und mach den Augen auf!*” Aische: “*Korrreckt!*” *Dem Hexe bückte sisch*, um den Dönerofen anzuschmeissen. In den Augenblick Aische kickte *mit korrekten Kick-Box-Kick in die fette Arsch*. *Dem Hexe* sagte: “*AAAh, scheissse, was geht? Isch fall direkt in die Scheisendreckofen. Oder was! Aah isch hab krasse Schmerzen!*”. Aische freute *sisch* und sagte: “*Korrekt, den Alte ist konkret tot!*”. Murat: “*Ey, Aische, krasse Idee! Hol misch aus die scheissss Kafig, Alde!*” Aische: “*Normal, oder was!?*” (99).

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что на фоне ряда экстралингвистических факторов, в частности мировой глобализации и активных миграционных процессов, неминуемо возникают различные гибридные лингвистические варианты. Одним из таких вариантов является немецкий этносоциолект Kanakisch-Deutsch (Kanak Sprak), характеризующийся слиянием немецкого и турецкого языков.

Несмотря на наличие юмористической тональности во многих контекстах, в которых представлен исследуемый этносоциолект, мы обращаем внимание на наличие неэкологичной характеристики у данного явления.

Маркерами неэкологичной коммуникации являются излишние и немотивированные заимствования и языковые гибриды, способные осознанно и неосознанно закладывать в социуме негативные установки и стереотипы,

поскольку происходят постепенное *обеднение* (Sprachverarmung) и *эвтрофикация* языка (Spracheutrophierung).

Выводы по главе 3

В данной главе были рассмотрены экстернальные маркеры неэкологичного общения, которые, выражаясь фигурально, осуществляют «внешнее управление» языком, поскольку привносятся извне, «подпитываются» концептуальными и языковыми ресурсами других этнолингвокультур.

Острой проблемой в немецкой этнолингвокультуре остается чрезмерное, во многих случаях ненужное, неуместное использование англицизмов и англоамериканизмов в самых разных сферах общения. Английские и англоамериканские заимствования рассеяны по многим дискурсивным практикам, без них не обходится практически ни одно выступление, интервью, комментарий в СМИ, они заполняют коммуникативные пространства в спорте, политике, экономике, других экзистенциальных областях жизни общества. Зачастую такое употребление заимствований – дань моде, но и одновременно проявление некой зависимости от другого государства.

Опасность чрезмерной эксплуатации *Denglisch* заключается в том, что немецкий язык утрачивает способность активизации внутренних механизмов и резервов для того, чтобы языковые личности выстраивали успешную, понятную, «чистую» коммуникацию, ориентируясь на собственные языковые и культурные коды. Калькирование английских слов и высказываний, псевдоанглицизмы формируют дополнительные препятствия на пути к пониманию собеседника.

Наряду с неэкологичным характером повсеместного внедрения англоамериканизмов в речь носителей немецкого языка в немецком обществе профилируется еще одна негативная тенденция. Речь идет об этносоциолекте *Kanakisch-Deutsch*, характеризующемся интеграцией турецкой и арабской лексики в немецкую языковую систему. Этот процесс, как и в случае с *Denglisch*,

происходит на фоне усилившейся и трудно контролируемой международной интеграции и глобализации.

«Канакиш» выступает одним из важных средств коммуникации в среде выходцев из иммигрантских семей. В настоящее время данный этносоциолект находится в фазе активного развития и «заражает» все большее количество участков в коммуникативных пространствах, организующих прототипный порядок всей национальной когнитивной базы и культурной сферы Германии.

Целью коммуникации в рамках Kanakisch-Deutsch является быстрый обмен информацией, сопровождающийся минимизацией речевых усилий, нарушением грамматических правил стандартного немецкого языка, использованием сниженной просторечной лексики и др. В связи с этим оправданно беспокойство экспертов, связанное с сохранением чистоты и здоровья языковой практики, все чаще имеющей дело с фактами мутации, нарушения конвенций и реконструкции немецкого языка.

Использование в языке, речи, дискурсах лингвотоксичных явлений в виде Denglisch и Kanakisch-Deutsch деструктивно еще и потому, что они приводят к замене и вытеснению равноценных немецких слов, к эскалации межнациональных конфликтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования маркеров неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре можно сделать следующие выводы.

Основной задачей лингвоэкологии как автономной области языкознания является исследование языка во взаимосвязи с окружающей действительностью (природой и социумом), диагностирование и анализ случаев его некорректного употребления языковыми личностями, нарушения коммуникативного, дискурсивного, речевого кода.

Одной из таких проблем выступает неэкологичное общение, оказывающее деструктивное влияние на «самочувствие» языка, его носителей, процессы, связанные с жизнью языка и общества, языка и культуры и т.п. Под неэкологичным общением понимается тип общения, включающий нанесение обид, оскорблений, использование негативных оценок личности и ее действий, неуважительное отношение, диффамацию, намеренное нарушение конвенций, определяющих порядок дискурса, искажение языковых норм и др.

Подобное отрицательное, или даже токсичное, вмешательство реализуется через специальные маркеры, выявление которых помогает определить степень «заражения» языка и прочертить наиболее частотные линии неэкологичной коммуникации.

Выявленные маркеры были классифицированы на интернальные (вырабатываемые внутренними ресурсами языка) и экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур).

К интернальным маркерам неэкологичного общения мы отнесли дискриминирующие паттерны, вульгаризмы, двойные сообщения, гендерные категории, лексические единицы и их сочетания, провоцирующие эффект ноцебо, маркеры неэкологичного общения в виде вуалирования фактов, приукрашивания действительности, неверной интерпретации значения, языкового нивелирования, механизации, обеднения и эвтрофикации языка.

Анализ эмпирического материала, включающего разные типы дискурсов (политический, музыкальный, корпоративный и др.), показал, что в них присутствует достаточно высокая концентрация оскорблений, которые субъекты коммуникации направляют как на представителей категории «свой круг», так и на «других», «чужих».

Вульгаризмы, актуализируемые в этих контекстах, обладают «усиленной» неэкологичностью, поскольку нередко сопровождаются сарказмом, иронией, пренебрежением, агрессией, протестом против общепринятых социальных норм, поведения отдельных личностей или социальных групп и т.п.

В отдельных контекстах обращение актора коммуникации к сниженной лексике происходит для собственной идентификации, демонстрации сопричастности коммуникантов к конкретной социальной группе, а также с целью эмоциональной разрядки, катарсиса. Подобная двойственная природа вульгаризмов связана с рядом обстоятельств: конкретной этнолингвокультурой, ситуацией, темой общения и др. – и поэтому требует дальнейшего наблюдения и анализа.

В ходе исследования была зафиксирована взаимозависимость между вульгарной и дискриминирующей риторикой, поскольку зачастую инвектогенная, вульгарная, взламывающая социальные табу языковая практика обладает дискриминирующим характером.

Дискриминирующие паттерны ориентированы прежде всего на унижение достоинства адресата. Дискриминация может осуществляться по этническому и религиозному признакам, по половой принадлежности, сексуальной ориентации и состоянию здоровья.

Дискриминирующие сексизмы, эйблизмы, расизм и антисемитизм, усиливают социальное неравенство и провоцируют конфликтогенные ситуации.

В качестве интернального маркера неэкологичного, токсичного общения выступает паттерн двойных сообщений, предусматривающий наличие в сообщении адресанта двух взаимоисключающих высказываний. Подобное двуликое сообщение оказывает давление на адресата, не оставляя за ним права

выбора. В результате реципиент оказывается в затруднительном коммуникативном положении – он не может правильно декодировать сообщение, для него затруднен «безболезненный» выход из коммуникации.

Лингвистические маркеры в виде агрессивных директив и императивных высказываний подкрепляются при этом рядом паралингвистических средств, за счет чего усиливается психологическое давление на собеседника. Упрёки, обиды и агрессия, закодированные в мимике, жестах и тембре голоса, помещают визави в т.н. манипулятивную «ловушку». Коммуникация в стиле *double bind* все активнее пропитывает немецкую этнолингвокультуру и становится серьезной проблемой, поскольку противоречит правилам этики и принципам экологичного общения, разбалансирует ролевое взаимодействие в рамках общения.

В роли маркера, затрудняющего коммуникацию, выступает гендерно-нейтральный язык, созданный в рамках феминистической лингвистики и гендерных исследований с целью элиминации сексистских и дискриминирующих тенденций в речи носителей языка и излишней маскулинизации языка.

Как показал анализ эмпирического материала, *Gendersprache* / *geschlechtergerechte Sprache* перегружает письменную и устную речь (делает язык искусственным, «тяжелым», бюрократическим), разрушает фундаментальность немецкого языка, создаёт дополнительно «поле брани» между сторонниками и противниками уточнения гендерных отношений на системном языковом уровне.

В контексте лингвистической травматологии рассмотрен маркер «эффект ноцебо», являющийся антагонистом эффекта плацебо. Особенно заметным его действие становится в медицинском дискурсе, в ходе коммуникации между лечащим врачом и его пациентом. Неосторожные, резкие высказывания врача относительно здоровья пациента или протекания терапии формируют у пациента отрицательные ожидания и тревогу, которые в последующем трансформируются в физическую боль и наносят вред психоэмоциональному здоровью пациента.

Подобно тому, как окружающий мир влияет на язык, языковая практика человека оказывает непосредственное влияние на природу. Регрессивные процессы в языке, нарушающие или даже уничтожающие креативность, стабильность и

разнообразие языковых экосистем, рожают неэкологичное общение, к специфическим индикаторам которого относятся вуалирование фактов; приукрашивание действительности; неверная интерпретация значения; языковое нивелирование; механизация; обеднение и эвтрофикация языка.

Как показал анализ эмпирического материала, разнообразные эвфемистические высказывания, якобы имеющие смягчающий эффект, с лингвоэкологической точки зрения порой выступают в роли лингвотоксичных процессов, скрывают реальное положение дел и имеют эффект «бомбы замедленного действия» для многих экологических реалий.

Окружающее человека экологическое пространство способно «страдать» в силу частого использования человеком аналогий, проводимых между ним и техническими приборами. Проекция свойств машины на человека нарушает его связь с природой и усугубляет экологический кризис в отдельных обществах и в мире в целом.

К экстернальным маркерам неэкологичного общения в работе отнесены чрезмерные англоязычные заимствования и этносоциолект *Kanakisch-Deutsch*. Существование данных маркеров обусловлено такими явлениями, как обеднение и эвтрофикация языка. Обеднение языка характеризуется исчезновением стенойкных (способных жить только в определённых условиях) языковых выражений в угоду убиквитарным (распространённым повсеместно) модным словам и выражениям, подрывает здоровье языка как живого организма. Эвтрофикация характеризуется заполнением речи носителя языка гибридными образованиями *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch*.

Заимствования из английского языка и его американского варианта в виде чрезмерного использования калькированных фраз и псевдоанглицизмов приводит к нарушению коммуникации и ставит получателя информации в уязвимое с лингвистической точки зрения положение. Стремительно оформляется и закрепляется тенденция, которую можно образно обозначить как «лень языка», вследствие чего язык утрачивает способность к использованию внутренних ресурсов для выстраивания понятного и успешного общения.

Наряду с чрезмерными англоамериканизмами, в немецкоязычной речи существует гибрид, этносоциолект *Kanakisch-Deutsch*, сформировавшийся в результате «вынужденной» интерференции немецкого и турецкого языков.

Намеренное использование упрощённой грамматики, скудная лексическая нагруженность, игнорирование пунктуационных знаков в рамках *Kanak Sprak* затрудняют понимание речи, а также способны усугублять проблемы вербальной агрессии и содействовать ещё более интенсивному размежеванию людей по параметру «свой / чужой».

Междисциплинарный подход к исследованию маркеров, принципов неэкологичного общения подтвердил необходимость учёта экстралингвистических факторов, которые влияют на возникновение неэкологичного общения в рамках немецкой этнолингвокультуры. К таким факторам по итогам исследования можно отнести глобализацию, миграционный кризис, перераспределение гендерных ролей в обществе и др.

Перспективным представляется дальнейшее исследование заявленной проблематики, в том числе перемещение фокуса в другие сферы лингвоэкологической коммуникации, а также рассмотрение неэкологичности общения в контексте диалога культур с целью выявления зон совпадения и расхождения в оформлении нездоровых коммуникативных актов языковыми личностями разных этнолингвокультур.

Интересной для новых исследований в данной области будет перспектива, на которую было указано в начале работы. Речь идет о выявлении и систематизации случаев, когда коммуникативная ситуация «оправдывает» использование токсинов и не определяет такие высказывания как неэкологичные.

Целый ряд таких примеров мы наблюдаем у Ф. Винклера, который описывает субкультуру немецких футбольных фанатов:

Хайко – представитель футбольной «хулиганской» субкультуры, использует в разговоре о своем своём друге и «коллеге по цеху» Томеке, выражение «*slawische Fresse*», которое в «обычной» коммуникации имело бы явный отрицательный, даже дискриминирующий характер. Однако внутри данной субкультуры эти

негативные проекции нивелируются. Ср.: «...*Tomek, der links von Kai sitzt, scrollt mit unbeteiligtem Gesichtsausdruck über sein Handy. Das ist so ein Ostblocking. Diese immer gleiche slawische **Fresse**. Gut oder scheiße gelaunt. Kann man nicht erkennen...*»². Таким образом первоначально грубое, обценное слово «Fresse» приобретает функцию «дружеского подтрунивания», происходит «ассенизация или очищение слова» (в терминологии В.И. Жельвиса), что освобождает его от запрета на использование в определенных социальных группах.

Деля вывод о масштабности засорения немецкого языка, нарушения его «здоровья», целостности, идентичности, креативности, отметим, что сущность жизни немыслима без желания роста и гармоничного развития. Процесс познания лингвоэкологических проблем не может быть сведён только к изучению негативных процессов, происходящих в языке и речи, поэтому перспективным видится также поиск коммуникативных стратегий и тактик, направленных на устранение существующих «болезней» языка и способных повлиять на качество коммуникации в разных ситуациях и реальностях.

² Winkler P. Hool. Berlin: Aufbau Verlag GmbH & Co. KG, 2016. S. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амири Л.П. Феномен языковой игры как средство намеренной вульгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации // Вестник ННГУ. – 2013. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-sredstvo-namerennoy-vulgarizatsii-reklamnogo-prostranstva-v-sovremennoy-yazykovoy-situatsii> (дата обращения: 11.02.2024).
2. Амири Л.П. Языковая игра – угроза экологичности общения в речевой культуре (на материале рекламной коммуникации) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 160–172.
3. Андреева В.А. Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 4–12.
4. Антух Г.Г. Психопатология повседневной коммуникации с точки зрения иерархического подхода к решению проблемы парадоксов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihopatologiya-povsednevnoy-kommunikatsii-s-tochki-zreniya-ierarhicheskogo-podhoda-k-resheniyu-problemy-pa> (дата обращения: 23.12.2023).
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – Т. 2. – 767 с.
6. Архипова В.В. Анализ функционирования эвфемизмов в рамках американского политического дискурса. Тематическая группа «расовая дискриминация» // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов. –

- Вып. 10. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2016. – С. 87–92.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
 8. Бариле Н. Бренди́рование «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // Логос. – 2015. – № 3(105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brendirovanie-ya-v-epohu-emotsionalnogo-kapitalizma-ekspluatatsiya-prosyumerov-ot-ritoriki-double-bind-k-gegemonii-isprovedi> (дата обращения: 23.12.2023).
 9. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 545 с.
 10. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
 11. Белютин Р.В. Антропоцентрические границы языка // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. – Т. 6. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 268–274.
 12. Белютин Р.В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-diskriminatsii-v-diskurse-nemetskih-futbolnyh-fanатов> (дата обращения: 24.12.2023).
 13. Белютин Р.В. Метафоризация эмоций в дискурсе немецких футбольных фанатов // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 3(59). – С. 130–138.
 14. Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Смоленск, 2019. – 38 с.
 15. Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – 336 с.

- 16.Белютина Ю.А. Английская не вежливая речь: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Белютина Юлия Александровна. – Смоленск, 2007. – 202 с.
- 17.Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «Критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologiya-i-kritika-yazyka> (дата обращения: 06.01.2024).
- 18.Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 122–125.
- 19.Буеверов А.О. Недооцененная сила. Плацебо и ноцебо в медицине // МС. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedootsenennaya-sila-platsebo-i-notsebo-v-medicine> (дата обращения: 09.02.2024).
- 20.Бурмакина Н.Г. Ясный язык как объект социальной лингвистики: к вопросу о читабельности текстов институционального взаимодействия // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 659–672.
- 21.Бухаров В.М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 94–101.
- 22.Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО Пресс, 2000. – 320 с.
- 23.Волкова Я.А. Коммуникативная личность в ценностных параметрах неэкологичного общения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 8(72). – С. 4-7.
- 24.Волкова Я.А. Деструктивность в политическом дискурсе / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 161-178.
- 25.Вронский В.А. Экология: словарь-справочник. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 572 с.
- 26.Врублевская О.В. Эргономия как объект лингвоэкологического анализа // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол.

- моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 116–120.
27. Гачев Г.Д. Германский образ мира в сравнении с Россией. – М.: Фонд «Мир», 2019. – 885 с.
28. Глущенко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // *Communicology*. – 2021. – Vol. 9, № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-kommunikatsii-factory-toksichnosti-v-mediynyh-tekstah> (дата обращения: 26.08.2024).
29. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
30. Гончарова Е.А. Персуазивный потенциал мультимодальности в немецком политическом дискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. – 2022. – Т. 12. – С. 218–236.
31. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грейс // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16: Лингвистическая прагматика: сборник : пер. с разн. яз. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
32. Григорян А.Э. Лингво-экологическая направленность проектирования социолингвистических коммуникаций // *Право и практика*. – 2020. – № 1. – С. 202–206.
33. Гринева М.С. Терапевтическое общение и терапевтический дискурс: к уточнению понятий. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348650722_TERAPEVTICESKOE_OBSENI_E_I_TERAPEVTICESKIJ_DISKURS_K_UTCNENIU_PONATIJ (дата обращения: 12.12.2023).
34. Дмитриева Е.Н., Гненик М.Е. Обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку в вузе // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. – 2019. – Вып. 48. – С. 193–200.

- 35.Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 158–166.
- 36.Едличко А.И. Некоторые аспекты политкорректной номинации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 9. – С. 137–142.
- 37.Едличко А.И. Языковая политика в немецкоязычных странах: гендерный и этнический аспекты // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов: в 2 т. (Москва, 24–25 марта 2017 года) / отв. ред. Д.Н. Новиков. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. – Т. 1. – С. 218–225.
- 38.Егорова Л.Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2018. – Вып. 43. – С. 30–38.
- 39.Ерофеева Т.И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир: тезисы докладов междунар. науч. конф. –Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 2002. – С. 41-62.
- 40.Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
- 41.Жура В.В. Принципы организации «медицинского интервью» // Вестник ВолГМУ. – 2005. – № 4(16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-organizatsii-meditsinskogo-intervyu> (дата обращения: 28.11.2023).
- 42.Жура В.В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе. – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/27.html> (дата обращения: 28.11.2023).
- 43.Жура В.В. Экология общения врача и пациента // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 172–178.

- 44.Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 35–45.
- 45.Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. – М.: Флинта, Наука, 2015. – 176 с.
- 46.Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвозэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toksichnyy-rukovoditel-lingvoekologiya-rechevogo-povedeniya> (дата обращения: 24.12.2022).
- 47.Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 308 с.
- 48.Кадырова К.А. Языковая политика феминизма // Актуальные вопросы права, управления и экономики. Наука и образование в XXI веке: материалы 3-х международных научно-практических конференций (Томск, 10–23 декабря 2019 года). – Томск: Издательский центр «Quantum», 2019. – С. 139–145.
- 49.Кара-Мурза Е.С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов // Эмотивная лингвозэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н.Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 179–191.
- 50.Карасик В.И. Ценностные параметры лингвозэкологического общения // Эмотивная лингвозэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191–201.
- 51.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
- 52.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 164 с.
- 53.Карпухина В.Н., Кобцева А.Ю. Проблемы экологии языка: политкорректный дискурс современного политика // Межкультурная коммуникация и СМИ. – 2021. – № 22. – С. 14–18.

54. Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина. – URL: <https://megabook.ru/article/%d0%9a%d0%b0%d1%82%d0%b0%d1%80%d1%81%d0%b8%d1%81%20%e2%94%80%20%d0%a2%d0%be%d0%bb%d0%ba%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b9%20%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b0%d1%80%d1%8c%20%d0%b8%d0%bd%d0%be%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d0%bd%d0%bd%d1%8b%d1%85%20%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%20%d0%9b.%d0%9f.%20%d0%9a%d1%80%d1%8b%d1%81%d0%b8%d0%bd%d0%b0> (дата обращения: 06.06.2025).
55. Кирилина А.В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московской международной академии. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-v-nemetskom-yazykovom-prostranstve> (дата обращения: 11.08.2022).
56. Кислякова Е.Ю. Категория инакости в межконфессиональном общении: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 201–209.
57. Клушина Н.И. Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 209–217.
58. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
59. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
60. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований. – URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_2-3_46.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

- 61.Копчук Л.Б. Лингвистические и социокультурные особенности молодежной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – № 192. – С. 27–37.
- 62.Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповец. гос. ун-та. – 2001. – № 1(28). – С. 60–64.
- 63.Кострова О.А. Лингвокультурные концепты в немецкоязычном дискурсе авторов турецкого происхождения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVII. – Коломна: ФЛИНТА, 2020. – С. 137–152.
- 64.Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. Индийская поэма»: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 347–363.
- 65.Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: АСТ: CORPUS, 2019. – 512 с.
- 66.Кронгауз М.А. Семантика: учебник. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 398 с.
- 67.Крюкова И.В. Русская эргономия как предмет языкового конфликта // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 127–135.
- 68.Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 69.Кузнецова А.В. Лексические средства выражения гендерной политкорректности // Межкультурная коммуникация и СМИ. – 2021. – № 22. – С. 29–33.

70. Куликова Э.Г., Акай О.М., Тедеева З.К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 3(59). – С. 21–32.
71. Леонтьев В.В. Агональная вербальная грубость в речевом поведении футбольных болельщиков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnaya-verbalnaya-grubost-v-rechevom-povedenii-futbolnyh-bolelschikov> (дата обращения: 31.12.2023).
72. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 296–299.
73. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 130 с.
74. Лихачёв Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 311–359.
75. Лобова Т.Г., Ражина Н.Ю., Маковецкая Е.Н. Экологизация общения в условиях "антропологической катастрофы" // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 10. – С. 192–196.
76. Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 15–28.
77. Маджаева С.И. Лингвоэкологические проблемы языка медицины. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 217–226.
78. Маджаева С.И. Экологичность/неэкологичность медицинской информации // Экология языка: сборник научных трудов / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Вып. IX. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. – С. 34–38.
79. Маджаева С.И., Сатретдинова А.Х. Медицинская информация и экологическое пространство пациента // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-informatsiya-i-ekologicheskoe-prostranstvo-patsienta> (дата обращения: 16.10.2023).

80. Майер Б.О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник НГПУ. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-patternne-double-bind-v-sovremennom-obschestve-i-obrazovanii> (дата обращения: 23.12.2023).
81. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
82. Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: Изд-во ВКН, 2015. – 496 с.
83. Медицинская этика. Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.
84. Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvoekologiya-i-lingvotoksichnost-kak-zaschitit-yazyk-ot-cheloveka> (дата обращения: 16.10.2023).
85. Новичкова В.В. Метафора как когнитивный рычаг эволюции смысла. – М., 1991. – 10 с. (Деп. в ИНИОН РАН, № 54972).
86. Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности / Б.Ю. Норман. – Минск, 1978. – 150 с.
87. Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2–3. – С. 122–124.
88. Павленок Д.В. Национально-культурная специфика языкового сознания студентов России и Франции (на примере образа преподавателя) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. – № 2. – С. 202–217.
89. Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 374–388.
90. Петров Д.Ю. Язык мира. – М.: Изд-во Дмитрия Петрова, 2018. – 256 с.

- 91.Полубиченко Л.В. Антропоцентрические аспекты эколингвистических исследований // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А. Липгарта. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Наука», 2023. – С. 336-351.
- 92.Пономарева А.В. Лексико-семантические особенности этносоциолекта "канакиш" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-3(76). – С. 152-154.
- 93.Попова Т.Г. Роль экстралингвистической информации в передаче смыслов культуры // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции. – Минск: «Минский государственный лингвистический университет», 2023. – С. 90-92.
- 94.Попова Т.Г. Межкультурная коммуникация и ее прагматический характер // Наука и общество в XXI веке: Сборник материалов VII Всероссийского (с международным участием) научно-практического форума. – М.: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 310-314.
- 95.Поцелуев С.П. Double bind, или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис (Политические исследования). – 2008. – № 1. – С. 8–32.
- 96.Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, Киев.: Ваклер, 2001. – 651 с.
- 97.Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
- 98.Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. Ионова, [и др.] // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-politicheskiy-diskurs-v-fokuse-lingvoekologii> (дата обращения: 31.12.2023).
- 99.Рыкунова И.Ю. Экологичность новозаветной притчи (на примере евангельской притчи о милосердном самарянине) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 243–247.

- 100.Самигуллина А.С., Корзун А.В. Роль коммуникантов в определении параметров экологичности общения (на материале англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Том 16. Выпуск 5. – С. 1496-1504.
- 101.Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикш, 2020. – 766 с.
- 102.Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // МИРС. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvotoksichnye-yavleniya-v-rechi-i-yazyke> (дата обращения: 24.12.2023).
- 103.Сковородников А.П., Копнина Г.А. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) // Медиалингвистика. – 2017. – № 4(19). – С. 70–79. – URL: <https://medialing.ru/yazykovaya-travma-kak-lingvoehkologicheskoe-ponyatie-i-problema/> (дата обращения: 28.07.2022).
- 104.Сковородников А.П. Между экспрессивностью и вульгарностью (лингвоэкологические размышления над газетным жанром сатирического комментария) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 247–260.
- 105.Сковородников А.П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5(77). – С. 12–25.
- 106.Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. :10.02.04 / Юрия Александровича Сорокин. – М., 1988. – 52 с.
- 107.Сребрянская Н.А. Национально-культурная асимметрия инвективной лексики // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 141–156.

108. Старостина Ю.С., Леонович Л.М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 2(58). – С. 63–75.
109. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ. – 1995. – С. 35 – 73.
110. Сурикова Т.И. Эмотивные компоненты этической рефлексии в коммуникации и языковой картине мира (по материалам СМИ) // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 260–274.
111. Тер-Минасова С.Г. Языковые проблемы национальной безопасности в современном обществе (на материале русского и английского языков) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2019. – № 29. – С. 174-176.
112. Тихомиров С.А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративном управлении, управленческом учете и коммуникациях компании в процессе принятия решений // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2013. – № 1. – С. 18–25.
113. Труфанова И.В. Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 274–288.
114. Усачева А.В. Лексические средства репрезентации понятий «пол» и «гендер» в современном немецком языке / А.В. Усачева, Л.А. Нефедова // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – 2025. – № 1(57). – С. 84-92.

115. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 6-22.
116. Цой А.И. Лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 288–294.
117. Черничкина Е.К. Лингвоэкологический аспект иноязычной научающей коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 294–302.
118. Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 58–72.
119. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. – URL: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2007/01Cernjavska.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).
120. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении. – М.: МАЛП, 1998. – 274 с.
121. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
122. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 53–61.

123. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-lingvoekologiya-kompleksnyy-podhod-k-izucheniyu-yazyka-rechevoy-deyatelnosti-i-cheloveka> (дата обращения: 12.02.2023).
124. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 23–34.
125. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. – С. 5–16.
126. Шаховский В.И., Штеба А.А. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 8–23.
127. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сковородников. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 384 с.
128. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – 450 с.
129. Этнолингвокультурология: учеб. пособие / сост. Т. С. Вершинина, М.О. Гузикова, О.Л. Кочева. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2014. – 80 с.
130. Ясный язык: как сделать информацию доступной для чтения и понимания: методические рекомендации. – Минск: Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам, 2018. – 42 с.

131. Alexander R. Integrating the ecological perspective: some linguistic self-reflexions // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 131–148.
132. Altpapier-Recycling: Neue Verpackungen werden zum Problem | mehr/wert | BR24. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZiCtqqGepiA> дата обращения: 05.01.24).
133. Amjahid M. Der weiße Fleck: Eine Anleitung zu antirassistischem Denken. – München: Piper Verlag GmbH, 2021. – 223 S.
134. Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen. – URL: <https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/> (дата обращения: 30.10.2023).
135. Aries E. Zwischenmenschliches Verhalten in eigeschlechtlichen und gemischtgeschlechtlichen Gruppen // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 114–126.
136. «Arschloch, Wichser, H****sohn». – URL: <https://www.friedrich-verlag.de/deutsch/sprachgebrauch/arschloch-wichser-h-sohn-11711> (дата обращения: 28.10.2022).
137. Auer P. Türkenslang: ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen // Spracherwerb und Lebensalter: Kolloquium anlässlich des 60. Geburtstages von Harald Burger. – Basel: Francke Verlag, 2003. – S. 22.
138. Austin J.L. Zur Theorie der Sprechakte / deutsche Bearbeitung von Eike von Savigny. – Stuttgart: Reklam, 1972. – 215 S.
139. Bang J. Chr., Døør J. Language, ecology and truth – dialogue and dialectics // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 17–25.
140. Bateson G. Steps to an ecology of mind collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. – San Francisco: Chandler Pub. Co., 1972. – 520 p.
141. Beljutin R. «Ich habe fertig!» Fehlpässe im Fußballdiskurs // Muttersprache: Hrsg. Von der Gesellschaft für deutsche Sprache. – 2016. 126. Jg. – S. 333–349.

142. Bolinger D. Language – The Loaded Language. The use and abuse of language today. – New York: Routledge, 1980. – 324 p.
143. Burkhardt A. Diversität und die (deutsche) Sprache // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – 2022. – № 19. – С. 82–105.
144. Calderón M. Werbekommunikation Umgang mit Tabus // Sprachökologie und Ökologuistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 231–245.
145. Czollek M. Desintegriert Euch. – München: btb Verlag in der Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2020. – 207 S.
146. Das Ich als Fulltime-Job: Die Selbstoptimierung des Körpers. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ME9IViB8qIs> (дата обращения: 28.10.2023).
147. Das neue Schimpfen. – URL: <https://topos.orf.at/fluchen-malediktologie100> (дата обращения: 11.02.2024).
148. Das Wunder des Genders. – URL: <https://bastiansick.de/kolumnen/zwiebelfisch/das-wunder-des-genders/> (дата обращения: 24.10.2022).
149. Denglich. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Denglich/> (дата обращения: 07.01.2024).
150. Der Rat für deutsche Rechtschreibung. – URL: <https://www.rechtschreibrat.com/der-rat/> (дата обращения: 22.02.2024).
151. Die neuesten Deppenapostrophe. – URL: <http://www.deppenapostroph.info/> (дата обращения: 08.10.2023).
152. Diewald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! – Berlin: Duden, 2019. – 94 S.
153. „Du Jude“ – ein antisemitisches Schimpfwort. – URL: https://www.kommunikation-demokratie.de/fileadmin/user_upload/Argumentationstraining/Dokumente/Basistraining_Jugendliche/Hintergrundtext_Antisemitismus.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
154. Es gibt Racial Profiling. Und zahlreiche Belege dafür. – URL: <https://www.migazin.de/2020/07/16/es-racial-profiling-und-belege/> (дата обращения: 30.10.2023).

155. Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. – Salzburg: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. – S. 244.
156. Geramanis O., Hutmacher S., Walser L. Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – 408 S.
157. Gerbig A. Sprachliche Konstruktion politischer Realität: stilistische Variation in der Ozondebatte // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 175–185.
158. Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021. – URL: <https://www.rechtschreibrat.com/geschlechtergerechte-schreibung-empfehlungen-vom-26-03-2021/> (дата обращения: 25.03.2023).
159. Graumann C.F., Wintermantel M. Diskriminierende Sprechakte. Ein funktionaler Ansatz // Herrmann S., Krämer S., Kuch H. (Hg.): Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2007. – S. 147–177.
160. Ferreira A.C. Sanfte Bräuche, sanfte Sprache(n)? Ambiente / Umwelt kontrastiv // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 187–204.
161. Fill A. Ökoluistik. Eine Einführung. – Tübingen: Narr, 1993. – 151 S.
162. Finke P. Sprache als missing link zwischen natürlichen und kulturellen Ökosystemen. Überlegungen zur Weiterentwicklung der Sprachökologie. Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 27–48.
163. Fishman P.M. Macht und Ohnmacht in Paargesprächen // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 127–140.
164. Franken S. Frauen im digitalen Zeitalter: Neue Chancen vs. alte Stereotypen // Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – S. 209–229.

165. Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuchubernhaupt. – Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2001. – 63 S.
166. Fresse. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Fresse> (дата обращения: 19.02.2023).
167. Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. – URL: https://odysseetheater.org/ftp/bibliothek/Psychologie/Sigmund_Freud/Sigmund_Freud_Vorlesungen_zur_Einfuehrung_in_die_Psychoanalyse.pdf (дата обращения: 02.01.2024).
168. Gendern. – URL: <https://www.dbsv.org/gendern.html> (дата обращения: 24.10.2022).
169. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Zweiter Band. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen. – Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1886. – 469 S.
170. Hamburg im Gender-Wahn? Jetzt soll es «weibliche Straßenschilder» geben. – URL: <https://www.24hamburg.de/hamburg/hamburg-im-gender-wahn-jetzt-soll-es-weibliche-strassenschilder-geben-90782271.html> (дата обращения: 25.09.2021).
171. «Hamse jedient im Genderkrieg?» – URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/der-unsinn-von-gender-kampf-und-geschlechter-krieg-a-1096176.html> (дата обращения: 25.09.2021).
172. Hanake. – URL: https://umgangssprache_de.de-academic.com/10831/Hanake (дата обращения: 07.01.2024).
173. Haugen E. The ecology of language / Essays by Einar Haugen; Selected and introd. by Anwar S. Dil. – Stanford (Calif.): Stanford univ. press, 1972. – XVI, 368 p.
174. Heinisch-Hosek sieht «völlig falsches Zeichen». – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000003063316/heinisch-hosek-sieht-voellig-falsches-zeichen> (дата обращения: 24.12.2023).
175. Henley N. Nichtverbale Kommunikation und die soziale Kontrolle über Frauen. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 39–49.

176. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. – 511 S.
177. Ische. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Ische> (дата обращения: 19.02.2023).
178. Jay T. Cursing in America: a psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets. – Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1992. – 304 p.
179. Jay T. The utility and ubiquity of taboo words. – URL: <http://people.uncw.edu/hakanr/documents/useoftaboowords.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).
180. Jay T. Why We Curse: A Neuro-psycho-social Theory of Speech. – Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1999. – 328 p.
181. Jessner U., Herdina P. Interaktionsphänomene im multilingualen Menschen: Erklärungsmöglichkeiten durch einen systemtheoretischen Ansatz // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 217–229.
182. Jung M. Ökologische Sprachkritik // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 27–48.
183. Kanake. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Kanake/> (дата обращения: 07.01.2024).
184. Kanake. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kanake> (дата обращения: 03.02.2024).
185. Kanakisch, dem ubernhaupt krassestem Sprak. – URL: <https://www.dw.com/de/kanakisch-dem-ubernhaupt-krassestem-sprak/a-339505-0> (дата обращения: 29.07.2022).
186. Kanak Sprak. – URL: https://www.wortbedeutung.info/Kanak_Sprak/ (дата обращения: 07.01.2024).
187. KOFA (Kompetenzzentrum Fachkräftesicherung). Chancengleichheit und Digitalisierung. – URL:

https://www.kofa.de/media/Publikationen/Studien/Chancengleichheit_Digitalisierung_4_2019.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

188. Kotthoff H. Gewinnen oder verlieren? Beobachtungen zum Sprachverhalten von Frauen und Männern in argumentativen Dialogen an der Universität // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 90–113.
189. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – 173 S.
190. Köhler P. Respekt zu diesem Deutsch. Sprachpannen auf massiv dünnem Eis. – München: Verlag C.H.Beck oHG, 2022. – 136 S.
191. Kuhn T. Weibler J. Bad leadership – Warum uns schlechte Führung oftmals gut erscheint und es guter Führung häufig schlecht geht. – Vahlen, 2020. – 156 S.
192. Kutz A. Toxische Kommunikation als Krankheitsursache in Unternehmen. Das Double Bind-Phänomen – eine Einführung für Führungskräfte, Berater, Coaches. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. – 61 S.
193. Lakoff R.T. Talking Power: The Politics of Language. – New York: Basic Books, 1992. – 336 p.
194. Lakoff G., Wehling E. Auf leisen Sohlen ins Gehirn. Politische Sprache und ihre heimliche Macht. – Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2009. – 186 S.
195. Language and its ecology: essays in memory of Einar Haugen / ed. by Stig Eliasson; Ernst Håkon Jahr. Berlin; – New York: Mouton de Gruyter, 1997. – 492 p.
196. Leitlinien. Verein Deutsche Sprache. – URL: <https://vds-ev.de/verein/leitlinien/> (дата обращения: 25.09.2021).
197. Makkai A. Die Welt als Bewußtsein und Paraphrase: zur gesamtökologischen Fundierung des menschlichen Sprachverständnisses mit besonderer Berücksichtigung der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und ihrer Relevanz für die theoretische Sprachwissenschaft des 21. Jahrhunderts // Sprachökologie und Ökolinguiistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 77–91.
198. Malachowa O. Der grüne Punkt in der deutschen Lexik // Sprachökologie und Ökolinguiistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 205–213.

199. Malediktologie – Wenn schon fluchen, dann richtig! – URL: <https://www.resilienz-akademie.com/malediktologie/> (дата обращения: 11.02.2024).
200. Małgorzata D. Vulgarismen in deutschen und polnischen Rap- und Rocksongs. Eine semantische und strukturelle Analyse – URL: <https://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-b1ad12d2-7cb3-4495-852d-26aea634679e> (дата обращения: 29.03.2025).
201. Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen. – Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. – 336 S.
202. Mühlhäusler P. Linguistic adaptation to changed environmental conditions: some lessons from the past // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 105–130.
203. Nächster Skandal in Deutschland. Ganzes Party-Zelt singt «Ausländer raus». – URL: <https://www.blick.ch/ausland/naechster-skandal-in-deutschland-ganzes-party-zelt-singt-auslaender-raus-id19777085.html> (дата обращения: 02.06.2024).
204. Nikitina O. «Anglizismen und synonyme Wortneubildungen im modernen Deutsch: Sinnvolle Ergänzung oder Ersatz?» – URL: https://www.researchgate.net/publication/323430441_Anglizismen_und_synonyme_Wortneubildungen_im_modernen_Deutsch_Sinnvolle_Ergaenzung_oder_Ersatz1 (дата обращения: 11.08.2022).
205. Olderdissen Ch. Gender-leicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt. – Berlin: Dudenverlag, 2021. – 223 S.
206. Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. – Wiesbaden, Deutschland: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, ein Teil von Springer Nature, 2021. – 172 S.
207. Pumpen, spritzen, biohacken: Männer und Selbstoptimierung. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-leB5HNB0z0> (дата обращения: 28.10.2023).
208. Realitäts-Check! Behinderung & Alter. – URL: <https://sprachkick.de/realitaets-check-alter/> (дата обращения: 19.01.2025).

209. Realitäts-Check! Geschlecht & sexuelle Orientierung. – URL: <https://sprachkick.de/geschlecht/> (дата обращения: 19.01.2025).
210. «Racial Profiling», institutioneller Rassismus und Interventionsmöglichkeiten. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/kurzdossiers/migration-und-sicherheit/308350/racial-profiling-institutioneller-rassismus-und-interventionsmoeglichkeiten/> (дата обращения: 31.10.2023).
211. Recycling-Mythen und illegale Plastik-Exporte, was ist dran? – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0CATD58E83o&t=1s> (дата обращения: 05.01.2024).
212. Reisigl M. Sprachliche Diskriminierung // Scherr A., El-Mafaalani A., Yüksel G. (Hg.): Handbuch Diskriminierung. – Wiesbaden: Springer VS, 2017. – S. 81–100.
213. Rodriguez C.J.F., Pérez D.O. The «double bind» discourse in management narratives a transdisciplinary approach. – URL: http://www.scasss.uu.se/IIS2005/total_webb/tot_html/papers/the_double_bind_discourse.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
214. Scharloth J. Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten. – Berlin: Springer Verlag, 2021. – 251 S.
215. Scheiß. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Schei%C3%9F/> (дата обращения: 17.12.2023).
216. Schmitz H.G. Die Henning-Kaufmann-Stiftung zur Pflege der Reinheit der deutschen Sprache – ein Neuanfang deutscher Sprachpflege. – Jahrbuch, 1984, Marburg, 1985. – S. 9–21.
217. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2007. – 361 S.
218. Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen. – Tübingen: GmbH, 2022. – 227 S.
219. Schwuchow K. Mittelpunkt Mensch? Die Toxik der neuen Arbeitswelt. Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – S. 19–33.

220. Searle J.R. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language* Cambridge: Univ. press., 1969. – 203 p.
221. Selbstoptimierung: Mit Botox, Micro-Dosing und Sport zum perfekten Ich? – RABIAT! – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xyxSWCVKDZM> (дата обращения: 28.10.2023).
222. Shah R. *Relational Praxis in Transition towards Sustainability: Business-NGO Collaboration and Participatory Action Research*. Bath, 2001. – URL: https://people.bath.ac.uk/mnspwr/doc_theses_links/r_shah.html (дата обращения: 23.12.2024).
223. Shoham S.G. *Society and the Absurd: A Sociology of Conflictual Encounters*. – Liverpool, 2005. – 256 p.
224. Sick B. *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band*. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. – 762 S.
225. Spender D. *Mit Aggressivität zum Erfolg. Über den doppelten Standard, der in den Klassenzimmern operiert // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 71–89.
226. *Sprache und Diskriminierung. 1. Sitzung: Einführung*. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxBXURerqUU&list=PLGlksHy9A8eQh-r6fFgQcEYgkEw2IkUFI&index=2> (дата обращения: 12.08.2022).
227. *Sprachökologie und Ökolinquistik / A. Fill (Hrsg.)*. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – 300 S.
228. Stefanowitsch A. *Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen*. – Berlin: Dudenverlag, 2018. – 63 S.
229. Stehl T. *Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik*. – URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5530/file/moku01_S33_52.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

230. Steinke R. Anti-Semitismus in der Sprache. Warum es auf die Wortwahl ankommt. – Berlin: Duden Verlag, 2022. – 79 S.
231. Stibbe A. Ecolinguistics. Language, Ecology and the stories we live by. Abingdon, Oxon; – New York, NY: Routledge, 2021. – 247 p.
232. Stibbe A. English language teaching & ecology: how language shapes our world. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=m8D1-UQpF_w (дата обращения: 12.02.2023).
233. Stichwort Gendersternchen: Warum dieser Bahöl? – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000126741605/stichwort-gendersternchen-warum-dieser-bahoel> (дата обращения: 25.03.2022).
234. Stork Y. Die Rolle des Ökonomiebegriffs in der Ökolinquistik // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 93–102.
235. Strohner H. Die neue Systemlinquistik: Zu einer ökosystemischen Sprachwissenschaft. Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 49–58.
236. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249823757_Tansley_AG_1935_The_use_and_abuse_of_vegetational_concepts_and_terms_Ecology_16_284_307 (дата обращения: 27.08.2024).
237. Trampe W. Ökologische Linqistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. – 245 S.
238. Trampe W. Ökosysteme und Sprache-Welt-Systeme // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 59–75.
239. Tretow L. Migrationslinquistik: Eine kritische Betrachtung von der ausgewählten / Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. – Norderstadt: GRIN, 2016. – 16 S.
240. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. / Trömel-Plötz S. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – 406 S.

241. Unger F. Neo-Gaullismus oder demokratischer Anti-Amerikanismus. – URL: <https://zeitschrift-marxistische-erneuerung.de/topic/63.ausgabe-54-juni-2003.html> (дата обращения: 23.12.2023).
242. Unsere Politik für weniger Plastikmüll und mehr Recycling. – URL: <https://www.bmu.de/weniger-ist-mehr/unsere-politik-fuer-weniger-plastikmuell-und-mehr-recycling> (дата обращения: 06.11.2023).
243. Dijk T.A. van. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. – Switzerland: Springer Cham, 2018. – P. 227–245.
244. Vendler Z. Say What you Think // Studies in Thought and Language. Arizone: Univ. press, 1970. – P.79-99.
245. Vorbehalte gegenüber gendersensibler Sprache wachsen. – URL: <https://de.statista.com/infografik/24913/befragte-die-gendergerechte-sprache-wie-folgt-bewerten/> (дата обращения: 24.10.2022).
246. Vulgarismen aus der Perspektive der pragmatischen Kontextabhängigkeit. – URL: https://www.researchgate.net/publication/339806099_Vulgarismen_aus_der_Perspektive_der_pragmatischen_Kontextabhangigkeit (дата обращения: 12.02.2023).
247. Wallmannsberger. «Wer mit den Steinen spricht, kommt nach Steinhof – so einfach ist das!» oder doch nicht? Fragmente zu einer On-to / Ökologie kommunikativer Habitate // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 27–48.
248. Warum Gendersprache scheitern wird. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aZaBzeVbLnQ&t=1s> (дата обращения: 24.10.2022).
249. Was Antisemitismus ist. – URL: <https://www.zdf.de/kinder/logo/antisemitismus-100.html> (дата обращения: 25.01.2025).
250. Wenn Selbstoptimierung krank macht: Sophia Thiels Weg aus der Krise. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9z9am4qAkC8> (дата обращения: 28.10.2023).

251. Wie viel Antisemitismus steckt in der Kritik an RB Leipzig? – URL: <https://www.zeit.de/sport/2021-05/rb-leipzig-antisemitismus-pavel-brunssen-forschung> (дата обращения: 12.08.2022).
252. Ziegenficker. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Ziegenficker> (дата обращения: 03.02.2024).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Ficken. URL: <https://www.dwds.de/wb/ficken> (дата обращения: 27.04.2025).
2. Scheißdreck. URL: <https://www.dwds.de/wb/Schei%C3%9Fdreck?o=schei%C3%9Fdreck> (дата обращения: 27.04.2025).
3. Arschloch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Arschloch> (дата обращения: 27.04.2025).
4. King of Kingz. URL: <https://genius.com/Bushido-king-of-kingz-lyrics> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Gemein wie 10. URL: <https://genius.com/albums/Bushido/Gemein-wie-10-maxi> (дата обращения: 31.12.2023).
6. Bei Nacht. URL: <https://genius.com/Bushido-bei-nacht-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
7. Universal Soldier. URL: <https://genius.com/Bushido-universal-soldier-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
8. Weißt du? URL: <https://genius.com/Bushido-weit-du-lyrics> (дата обращения: 30.12.2023).
9. Nie wieder. URL: <https://genius.com/Bushido-nie-wieder-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
10. Stupid White Man. URL: <https://genius.com/Bushido-stupid-white-man-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).

- 11.¿ Warum? URL: <https://genius.com/Gzuz-warum-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 12.¿ Was hast du gedacht? URL: <https://genius.com/Gzuz-was-hast-du-gedacht-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 13.Ebbe & Flut. URL: <https://genius.com/Gzuz-xatar-and-hanybal-ebbe-and-flut-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 14.Keiner kann mich ficken! URL: <https://genius.com/187-strassenbande-and-gzuz-keiner-kann-mich-ficken-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 15.Vor der Tür. URL: <https://genius.com/Gzuz-vor-der-tur-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 16.Drück drück. URL: <https://genius.com/Gzuz-druck-druck-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 17.Stumpfkopf. URL: <https://genius.com/Bonez-mc-and-gzuz-sturkopf-mit-ner-glock-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 18.CL500. URL: <https://genius.com/Gzuz-cl500-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 19.Kontrollieren. URL: <https://genius.com/Raf-camora-kontrollieren-lyrics> (дата обращения: 27.04.2025).
- 20.Sein Spitzname: Gauleiter. URL: <https://www.fr.de/politik/sein-spitzname-gauleiter-11075320.html> (дата обращения: 27.04.2025).
- 21.Gauland beleidigt Boateng. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/afd-vize-gauland-beleidigt-jerome-boateng-14257743.html> (дата обращения: 27.04.2025).
- 22.Eure Fragen an AfD-Chefin Alice Weidel | Frag selbst 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kk759liawCA> (дата обращения: 17.12.2023).
- 23.Geheime Chatgruppe: So redete die AfD-Fraktion im Bundestag. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2YCScM7qd8g> (дата обращения: 18.12.2023).
- 24."Annalenchen": Alice Weidel beleidigt Außenministerin Baerbock. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/-annalenchen---alice-weidel-beleidigt-aussenministerin-baerbock-35295430.html> (дата обращения: 18.12.2023).
- 25.Scholz' Machtverlust lässt nur eine bittere Schlussfolgerung zu. URL: <https://www.focus.de/politik/gastbeitrag-von-gabor-steingart-scholz-machtverlust->

laesst-nur-eine-bittere schlussfolgerungzu_id_260234431.html#comments (дата обращения: 18.12.2023).

26.Kanzler Scholz bereit zu Vertrauensfrage noch in diesem Jahr - unter einer Bedingung. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/am-sonntagabend-wie-geht-es-nach-dem-ampel-aus-weiter-scholz-zu-gast-in-ard-talk-caren-miosga_id_260467629.html (дата обращения: 18.12.2023).

27.Durchsuchung war bereits vor Anzeige von Robert Habeck geplant. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2024-11/habeck-schwachkopf-beleidigung-wohnungsdurchsuchung> (дата обращения: 18.12.2023).

28.«Erscheinen Sie einfach im Bikini»: CSU-Politiker nach sexistischen Aussagen in der Kritik. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/erscheinen-sie-einfach-im-bikini-csu-politiker-nach-sexistischen-aussagen-in-der-kritik-art-823275> (дата обращения: 29.07.2022).

29.Frankfurts Oberbürgermeister leistet sich Sexismus-Eklat: «Flugbegleiterin hat mich hormonell außer Gefecht gesetzt». URL: <https://www.buzzfeed.de/news/ob-frankfurt-peter-feldmann-eklat-sexismus-ruecktritt-politik-fra-91569238.html> (дата обращения: 12.08.2022).

30.REALITÄTS-CHECK! Geschlecht & sexuelle Orientierung. URL: <https://sprachkick.de/geschlecht/> (дата обращения: 16.01.25)

31.Raul Krauthausen: „Sollten Sie tatsächlich jemanden treffen, der an den Rollstuhl gefesselt ist, binden Sie ihn los.“ URL: <https://leidmedien.de/lieber-losbinden/> (дата обращения: 19.01.2025).

32.Olympiasiegerin über Aussagen von Luke Mockridge entsetzt - jetzt reagiert er darauf. URL: https://www.focus.de/kultur/stars/witze-ueber-die-paralympischen-spiele-olympiasiegerin-ueber-aussagen-von-luke-mockridge-entsetzt-jetzt-reagiert-er-darauf_id_260291509.html (дата обращения: 16.01.25)

33.Scharloth J. Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten. Berlin: Springer Verlag, 2021. S. 198, 200.

34.Gauland beleidigt Boateng. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/afd-vize-gauland-beleidigt-jerome-boateng-14257743.html> (дата обращения: 26.12.2023).

35. Wie sag ich's besser? Ethnische Herkunft und Religion. URL: <https://sprachkick.de/wie-sag-ichs-besser-2/> (дата обращения: 27.04.2025).
36. Kanzler-Witz über Flüchtlingspolitik sorgt für Ärger. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/news/olaf-scholz-kanzler-witz-ueber-fluechtlingspolitik-auf-evangelischem-kirchentag-sorgt-fuer-aerger-li.357961> (дата обращения: 13.02.2024).
37. Erneut Rassismusvorwürfe nach Karnevalsumzug in Bad Schandau. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/bad-schandau-erneut-rassismus-vorwuerfe-nach-karnevalsumzug-wegen-blackfacing-a-71473617-c3d3-4a69-83c5-420f96399eae> (дата обращения: 13.02.2024).
38. Die Polizei – «Bullenschweine» oder Freund und Helfer? RABIAT! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MAsvfIRwKKQ> (дата обращения: 13.02.2024).
39. Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. S. 214.
40. «Halt's Maul, Kamel-treiber». URL: <https://11freunde.de/artikel/halts-maul-kameltreiber/2466919>. (дата обращения: 10.05.2022).
41. Wieso Wörter wie «Flüchtlingswelle» gefährlich sein können. URL: https://www.rnz.de/nachrichten/metropolregion_artikel,-Metropolregion-Wieso-Woerter-wie-Fluechtlingswelle-gefaehrlich-sein-koennen-_arid,126022.html. (дата обращения: 10.05.2022).
42. «Lawine», «Strom», «Ansturm» – so negativ sprechen wir über Flüchtlinge. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/fluechtlings--lawine--strom-und-ansturm---so-negativ-wird-ueber-asylbewerber-gesprochen-6551130.html>. (дата обращения: 04.09.2022).
43. Flüchtling-Witze. URL: <https://schlechtewitze.com/fl%C3%BCchtling> (дата обращения: 10.05.2022).
44. Eklat um Tweet zu Hautfarbe der deutschen Nationalspieler. URL: <https://www.derstandard.de/story/3000000225157/eklat-um-tweet-zu-hautfarbe-der-deutschen-nationalspieler> (дата обращения: 10.07.2024).

45. Nächster Skandal in Deutschland. URL: <https://www.blick.ch/ausland/naechster-skandal-in-deutschland-ganzes-party-zelt-singt-auslaender-raus-id19777085.html> (дата обращения: 10.07.2024).
46. Mann fühlt sich von Regenbogen-ICE diskriminiert – Bahn kontert genial. URL: <https://www.kreiszeitung.de/lokales/niedersachsen/mann-fuehlt-sich-von-regenbogen-ice-diskriminiert-und-bekommt-genialen-konter-zr-90862463.html> (дата обращения: 12.08.2022).
47. „Du Jude“ – ein antisemitisches Schimpfwort. URL: https://www.kommunikationdemokratie.de/fileadmin/user_upload/Argumentationstraining/Dokumente/Basistraining_Jugendliche/Hintergrundtext_Antisemitismus.pdf (дата обращения: 27.04.2025).
48. Das “U-Bahn bis nach Auschwitz”-Lied geistert noch immer durch den Fußball. URL: <https://www.vice.com/de/article/das-u-bahn-bis-nach-auschwitz-lied-geistert-noch-immer-durch-den-fuball/> (дата обращения: 27.04.2025).
49. «Judenpresse»-Ruf: Rechtsextremist wird nun doch angeklagt. URL: <https://www.juedische-allgemeine.de/gemeinden/judenpresse-ruf-rechtsextremist-wird-nun-doch-angeklagt/> (дата обращения: 27.04.2025).
50. Kutz A. Toxische Kommunikation als Krankheitsursache in Unternehmen. Das Double Bind-Phänomen – eine Einführung für Führungskräfte, Berater, Coaches. Wiesbaden, 2016. S. 15, 16, 23.
51. Falle Double Bind: So erkennen und vermeiden Sie Doppelbotschaften (Double bind trap: How to recognize and avoid double messages). URL: <https://www.backwinkel.de/blog/double-bind/> (дата обращения: 29.04.2023).
52. Doppelbotschaften in Beziehungen, Alltag (Double messages in relationships, everyday life). URL: <https://conwide.de/doppelbotschaften-in-beziehungen-alltag/> (дата обращения: 29.04.2023).
53. Scenes from a Marriage. URL: <https://www.hbo.com/scenes-from-a-marriage> (дата обращения: 22.02.2024).
54. Diwald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! Berlin: Duden, 2019. 94 S.

55. Längst vergessene Held*innen. URL: <https://www.fussball-kultur.org/veranstaltung/event/laengst-vergessene-heldinnen> (дата обращения: 27.04.2025).
56. IT-Unternehmensberatung in Münster, Köln und Dortmund. URL: <https://www.viadee.de/unternehmen/> (дата обращения: 27.04.2025).
57. Unser Leistungsversprechen. URL: <https://www.viadee.de/leistungen> (дата обращения: 27.04.2025).
58. Hier ist der Ort, an dem Du dich entfalten kannst. URL: <https://www.viadee.de/karriere/> (дата обращения: 27.04.2025).
59. Genderstern & Co. Sie haben die Wahl. URL: <https://www.genderleicht.de/genderzeichen/> (дата обращения: 05.02.2024).
60. Gendern. URL: <https://www.dbsv.org/gendern.html> (дата обращения: 10.07.2024).
61. Liebe Leser:innen! URL: <https://bastiansick.de/kolumnen/zwiebelfisch/liebe-leserinnen/> (дата обращения: 18.02.2022).
62. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band // Liebe Gläubiginnen und Gläubige. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. S. 174–178.
63. Von großen Töchtern und Söhnen. URL: <https://bastiansick.de/neuigkeiten/von-grossten-toechtern-und-soehnen/> (дата обращения: 18.02.2022).
64. Gendern: Jetzt wird diskutiert! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iE5WkGV10Vo&t=189s> (дата обращения: 26.12.2023).
65. Lufthansa: Schluss mit «Willkommen an Bord, meine Damen und Herren». URL: <https://www.24hamburg.de/niedersachsen/lufthansa-nie-mehr-willkommen-an-bord-meine-damen-und-herren-zr-90857844.html> (дата обращения: 25.09.2021).
66. Annalena Baerbock (Grüne) fordert: «Zeit für feministische Regierung». URL: <https://www.24hamburg.de/politik/gruene-wollen-gender-polizei-zeit-fuer-feministische-regierung-90672033.html> (дата обращения: 25.09.2021).

67. Weil diskriminierend: Bundeswehr hat die «Einmannpackung» umbenannt. URL: <https://www.24hamburg.de/niedersachsen/weil-diskriminierend-bundeswehr-hat-die-einmannpackung-umbenannt-zr-90835479.html> (дата обращения: 25.09.2021).
68. Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. Salzburg: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. S. 244.
69. Wenn der Arzt mit Worten tötet. URL: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/nocebo-effekt-wenn-der-arzt-mit-worten-toetet-1.1410542> (дата обращения: 01.10.2023).
70. Worte können als Placebo oder Nocebo wirken. URL: <https://www.kinderaerztliche-praxis.de/a/die-macht-der-worte-worte-koennen-als-placebo-oder-nocebo-wirken-2368539> (дата обращения: 12.12.2023).
71. Größe des Verpackungsmarktes in Deutschland. URL: <https://www.mordorintelligence.com/de/industry-reports/packaging-industry-in-germany> (дата обращения: 02.01.2024).
72. Altprodukte als Rohstoff – Recycling statt Entsorgung. URL: <https://www.covestro.com/de/sustainability/what-drives-us/circular-economy/alternative-resources/waste> (дата обращения: 01.01.2024).
73. Wie Deutschland beim Recycling schummelt. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=39bDM08YuxU> (дата обращения: 05.11.2023).
74. Kupferbergbau in Peru: E-Autos, die krank machen. URL: <https://taz.de/Kupferbergbau-in-Peru/!5892273/> (дата обращения: 02.01.2024).
75. Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen. URL: <https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/> (дата обращения: 30.10.2023).
76. «Racial Profiling», institutioneller Rassismus und Interventionsmöglichkeiten. URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/kurzdossiers/migration-und-sicherheit/308350/racial-profiling-institutioneller-rassismus-und-interventionsmoeglichkeiten/> (дата обращения: 31.10.2023).

- 77.NDR feiert am Diversity Tag 2022 die Vielfalt. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/unternehmen/NDR-feiert-am-Diversity-Tag-2022-die-Vielfalt,diversity224.html (дата обращения: 05.11.2023).
- 78.Vielfalt ist im NDR auch unter den Mitarbeiter*innen sichtbar. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/Charta-der-Vielfalt,vielfalt174.html (дата обращения: 05.11.2023).
- 79.Diversity nur fürs Schaufenster? Wie wichtig ist sie ARD & Funk wirklich? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ctNyUKExqJc> (дата обращения: 05.11.2023).
- 80.Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. 245 S.
- 81.Selbstoptimierung – der Wunsch nach einem besseren Ich | Die Selbstoptimierer. Doku. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pl8F237BpWo> (дата обращения: 28.10.2023).
- 82.Denglisch: Verirrte und falsche Anglizismen. URL: <https://bildungsmarkt.faz.net/macht-das-sinn-verirrte-und-falsche-anglizismen/> (дата обращения: 29.04.2023).
- 83.На «Матч ТВ» запретили 40 слов. Теперь в эфире нельзя говорить «ноунейм», «флот» и «хайлайт». URL: <https://sport.business-gazeta.ru/article/261617> (дата обращения: 09.12.2023).
- 84.Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2019. С. 118.
- 85.Anglizismen – Kolonialisierung der deutschen Sprache? URL: <https://uni.de/redaktion/anglizismen> (дата обращения: 08.10.2023).
- 86.Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. S. 53-56, 151-153.
- 87.Home Office. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/home-office> (дата обращения: 22.02.2024).
- 88.Anglizismenindex. URL: <https://vds-ev.de/arbeitsgruppen/deutsch-in-der-oeffentlichkeit/ag-anglizismenindex/> (дата обращения: 09.12.2023).

- 89.DirTea Talk mit Teddy | Tourpromo, Shitstorms und Situationships. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oVA0X2txuKA> (дата обращения: 03.10.2024).
- 90.Sind Menschen in der Kleinstadt weniger weltoffen? I Talk mit Avi Jakobs – deep und deutlich. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s19H6wVqVwQ> (дата обращения: 03.10.2024).
- 91.Warum Ronja von Rönne trotz schöner Kindheit heute an Depressionen leidet | deep und deutlich. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=prVhwUJUY5o> (дата обращения: 03.10.2024).
- 92.Jeremy Fragrance: Sein Leben zeigt, dass Geld nicht glücklich macht. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o75evp_chYM (дата обращения: 03.10.2024).
- 93.Charisma über 2000er, Kitty Kat, Tochter, Ehemann & Vater – Interview mit Aria Nejati. URL: https://www.youtube.com/watch?v=X1ETDt_U9eI (дата обращения: 03.10.2024).
- 94.Köhler P. Respekt zu diesem Deutsch. Sprachpannen auf massiv dünnem Eis. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2022. S. 108.
- 95.Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprakbuchubernhaupt. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2001. S. 31–32.
- 96.Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprakbuchubernhaupt. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2001. S. 35–36.
- 97.Wallah! Wir sind jetzt neues Thema. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wissen/kanak-sprak-wallah-wir-sind-jetzt-neues-thema-1.631659> (дата обращения: 28.09.2024).
- 98.Dem Rolf un dem siebn Geiseln. URL: <https://web.archive.org/web/20080527082352/http://www.kirmes-eiterfeld-arzell.de/kanakisch/rolf.htm> (дата обращения: 20.05.2023).
- 99.Hänsel und Gretel auf Kanakisch. URL: <https://kleinesmaeusel.de/tl/Kanakisch.htm> (дата обращения: 03.10.2024).
- 100.Winkler P. Hool. Berlin: Aufbau Verlag GmbH & Co. KG, 2016. S. 9